

ISSN 2227-1171 (Print)

Том 10, № 3. 2019

Сквозной номер – 37

ISSN 2542-1247 (Online)

Vol. 10, No. 3. 2019

Continuous issue – 37

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:
Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Редакционно-издательское отделение:
420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Выходит с 2010 года ежеквартально

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы»
ОАО «Агентство Роспечать» – 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 – Уголовный процесс; 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность; 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность)

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (e-library)
Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory
Журнал включен в электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»

Журнал распространяется только по подписке

Academic Journal

Founder and publisher:
the Kazan Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
35, Magistralnaya, Kazan
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office:
128, Orenburgskii trakt
420059, Kazan

The Journal is being published since 2010 each quarter

Our index in the Journal "Gazety i jurnaly"
ОАО "Agentstvo Rospechat" – 84683

The Journal is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications
June, 29, 2012.

Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in the Catalogue of the leading peer-reviewed journals, in which should be published basic scientific results of degree dissertations (12.00.01 Theory and history of law and state; history of theory of law and state, 12.00.02 Constitutional law; constitutional trial; municipal law, 12.00.08 Criminal law and criminology; criminal and penal law, 12.00.09 Criminal proceedings, 12.00.11 Judicial work, prosecutorial activity, human rights and law enforcement activity, 12.00.12 Criminalistics; forensics; investigation activity)

The Journal is included in the Russian Science Citation System (e-library)
The Journal is included in the Ulrich's Periodicals Directory
The Journal is included in the electronic periodical "Sistema GARANT"

The Journal is available only on a subscription basis

e-mail: vestnikkui@mail.ru

<http://www.vestnikkui.ru>

Редакционный совет

- Андреев Максим Валентинович** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин (Казань, КЮИ МВД России). ORCID: 0000-0002-3749-7669
- Балахонский Виталий Витальевич** – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-3098-2802
- Безверхов Артур Геннадьевич** – доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)
- Варыгин Александр Николаевич** – доктор юридических наук, профессор (Саратов, СГЮА)
- Воронин Михаил Юрьевич** – доктор юридических наук, профессор (Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета)
- Гилинский Яков Ильич** – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)
- Готчина Лариса Владимировна** – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-4477-6559
- Демидов Виктор Николаевич** – доктор юридических наук, профессор (Управление министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан)
- Дубровин Сергей Викторович** – доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)
- Егорышев Сергей Васильевич** – доктор социологических наук, профессор (Уфа, ВЭГУ). ORCID: 0000-0003-0930-7482
- Мезяев Александр Борисович** – доктор юридических наук, профессор (Казань, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-5318-3029
- Нигматуллин Ришат Вахидович** – доктор юридических наук, профессор (Уфа, БашГУ). ORCID: 0000-0001-6350-1775
- Павличенко Николай Владимирович** – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0001-7889-4743
- Степаненко Равия Фаритовна** – доктор юридических наук, профессор (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Редакционная коллегия

- Председатель – доктор педагогических наук, доцент **Зиннуров Фоат Канафиевич**, начальник Казанского юридического института МВД России. ORCID: 0000-0002-5062-9160
- Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент **Мионов Сергей Николаевич**, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по научной работе). ORCID: 0000-0003-1532-9258

Члены редакционной коллегии:

- Алиулов Рашид Рахимулович** – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД КЮИ МВД России
- Гарафутдинов Марат Рафикович** – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника КЮИ МВД России (по учебной работе)
- Казанцев Сергей Яковлевич** – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики КЮИ МВД России
- Комлев Юрий Юрьевич** – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России
- Хрусталева Ольга Николаевна** – кандидат педагогических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отделения КЮИ МВД России. ORCID: 0000-0002-0275-5373
- Шайдуллина Эльвира Дамировна** – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса КЮИ МВД России
- Шалагин Антон Евгеньевич** – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права КЮИ МВД России

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.
Чтобы увидеть копию этой лицензии, посетите
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

Editorial Board

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor in Laws (Doctor Habilitatus), Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines (Kazan, KLI of MIA of Russia). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor in Philosophical (Doctor Habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Artur Gennad'evich Bezverhov, Doctor in Law (Doctor Habilitatus) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Korol'ov)

Aleksandr Nikolaevich Varyigin, Doctor in Law (Doctor Habilitatus), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)

Mikhail Yurievich Voronin, Doctor of Law (Doctor Habilitatus), Professor of Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor in Laws (Doctor Habilitatus), Professor (St. Petersburg, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia)

Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor in Laws (Doctor Habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Victor Nikolaevich Demidov, Doctor in Law (Doctor Habilitatus), associate professor (Administration of the Ministry of Justice of the Russian Federation of the Republic of Tatarstan)

Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor in Law (Doctor Habilitatus), Professor (Moscow, Moscow University of the MIA of Russia)

Sergey Vasil'evich Egorychev, Doctor in Sociology (Doctor Habilitatus), Professor (Ufa, Eastern Law and Economics Humanitarian Academy). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Aleksandr Borisovich Mezyaev, Doctor in Laws (Doctor Habilitatus), Professor (Kazan, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor in Laws (Doctor Habilitatus), Professor (Ufa, Bashkir State University). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor in Law (Doctor Habilitatus), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Raviya Faritovna Stepanenko, Doctor in Law (Doctor Habilitatus), Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogical Sciences (Doctor Habilitatus), Associate Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of MIA of Russia for scientific work. ORCID: 0000-0003-1532-9258

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor in Laws (Doctor Habilitatus), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate in Laws (Doctor Habilitatus), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Education, Candidate in Laws (Doctor Habilitatus), Professor of Criminalistics of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor in Sociology (Doctor Habilitatus), Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Ol'ga Nikolaevna Hrustal'jova, Candidate of Pedagogical Sciences (Doctor Habilitatus), Associate Professor, Head of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-0275-5373

Elvira Damirovna Shaidullina, Candidate of Law Sciences, Deputy Chief of Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Anton Evgen'evich Shalagin, Doctor in Laws (Doctor Habilitatus), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<i>CONTENTS</i>	254
<u>К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ</u>	
Гребенкин М.Ю., Миронов С.Н. Деятельность органов внутренних дел Татарстана в годы Великой Отечественной войны	256
<u>ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА</u>	
Ольков С.Г. Установление фундаментальных физических законов спроса и предложения товара «преступление», цены преступлений, напряжения и мощности в социальных системах	264
<u>ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА</u>	
Карнаушенко Л.В. Роль метафизики права в современном философско-правовом дискурсе	277
Курсаев А.В., Терехов А.Ю. О некоторых вопросах учета этических правил при конструировании уголовно-правовых норм	283
Соборнов П.Е. К вопросу о правопонимании в советской юриспруденции 20-30-х годов XX века	290
Степаненко Р.Ф., Камаров М.Р. Транзакционные издержки: современные методологические подходы к изучению правовой реальности	296
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Абдулганеев Р.Р. Правовой опыт Австрийской Республики в противодействии преступлениям террористического характера	302
Варьгин А.Н., Шляпникова О.В. Проблемы профилактического воздействия на групповую подростково-молодежную преступность	309
Воронин М.Ю. Особенности причин преступности несовершеннолетних в России	315
Демидов В.Н. Обеспечение открытости и доступности конституционного (уставного) правосудия субъектов Российской Федерации	321
Демидова-Петрова Е.В. Особенности познания современной преступности несовершеннолетних	327
Куликов Р.С., Петрянин А.В. Контрабанда как форма внешнеэкономической преступной деятельности: новые направления уголовной политики	334
Маслов В.А. Учение Габриеля Тарда о личности преступника	339
Можина О.Ю. Сущность и содержание основных элементов системы предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере	346
Нечаева Е.В., Латыпова Э.Ю. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве	355
Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. О мотивации преступного и суицидального поведения	361
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД И КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Баранова Е.Г. Судебное нормотворчество в уголовно-процессуальном праве: ожидание и реальность	369
Гаврилов М.А. Некоторые вопросы компенсации морального вреда по уголовным делам в случае смерти жертвы преступления	374
Иваньшина А.Э. Принципы стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины, вытекающие из сделки о признании по законодательству США	380
Капустина Л.К. Соотношение допустимости и достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве	386
Карпов Н.О. Криминалистические особенности осмотра электронных носителей информации в ходе расследования неправомерного оборота средств платежей	391
Конев А.Н. Идеологические предпосылки реформ уголовного судопроизводства в России начала XVIII в	396
Мингалимова М.Ф. Учет возраста виновного лица при назначении наказания	401
Памяти профессора В.П. Малкова	406
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	407

CONTENTS

<u>CONTENTS</u>	254
<u>TO THE 75TH ANNIVERSARY OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR</u>	
Grebenkin M.YU., Mironov S.N. Work of law-enforcement agencies of Tatarstan in the Great Patriotic War	256
<u>DISCUSSION TRIBUNE</u>	
Ol'kov S.G. Establishment of fundamental physical laws of supply and demand of the goods "crime", price of crimes, tension and power in social systems	264
<u>THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE</u>	
Karnaushenko L.V. The role of metaphysics of law in modern philosophical and legal discourse	277
Kursaev A.V., Terehov A.YU. On some issues of ethical rules in the design of criminal law	283
Sobornov P.E. The issue of legal consciousness in the Soviet law of 1920s–1930s	290
Stepanenko R.F., Kamarov M.R. Transaction costs: modern methodological approaches in studying legal reality	296
<u>CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY</u>	
Abdulganeev R.R. Selected aspects of the criminal law of the Republic of Austria on countering terrorism	302
Varygin A.N., Shlyapnikova O.V. Challenges of preventive influence on group juvenile crime	309
Voronin M.YU. Causes of juvenile delinquency in Russia	315
Demidov V.N. Ensuring information transparency and accessibility of the constitutional (statutory) justice of the subjects of the Russian Federation	321
Demidova-Petrova E.V. Features of perception of modern juvenile crime	327
Kulikov R.S., Petryanin A.V. Smuggling as a form of foreign economic criminal activity: new directions of criminal policy	334
Maslov V.A. The teaching of Gabrielle Tarde on criminal personality	339
Mozhina O.YU. The essence and the content of basic elements of petty bribery prevention system in the social sphere	346
Latypova E.YU., Nechaeva E.V. Controversial issues of the content of humanism in criminal law	355
Shalagin A.E., Idiyatullof A.D. Criminal and suicidal behavior motivation	361
<u>CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS</u>	
Baranova E.G. Judicial lawmaking in criminal procedure: expectation and reality	369
Gavrilov M.A. Some issues of compensation for moral harm in criminal cases in the event of death of a crime victim	374
Ivanshina A.E. Principles of encourage the accused to voluntary confession of their guilt, stemming from plea bargain under applicable law of the USA	380
Kapustina L.K. The correlation of admissibility and reliability of evidence in criminal legal procedure	386
Karpov N.O. Criminalistic features of electronic data storage devices examination in the course of an investigation of unlawful circulation of means of payments	391
Konev A.N. Ideological conditions for the reform of criminal justice in Russia at the beginning of the XVIII century	396
Mingalimova M.F. Age of perpetrator in penalty determination	401
To the memory of Academician Victor Malkov	406
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	407

УДК 351.745

DOI: 10.24420/KUI.2019.40.25.001

М.Ю. Гребенкин, С.Н. Миронов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ТАТАРСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

WORK OF LAW-ENFORCEMENT AGENCIES OF TATARSTAN IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Введение: в статье рассматривается деятельность органов внутренних дел Татарстана в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

Материалы и методы: издания по истории служб и подразделений МВД по Республике Татарстан, документы архивов Республики Татарстан; воспоминания; материалы периодической печати. Применялись общие методы исторических исследований – хронологический, историко-генетический, историко-сравнительный; специальные источниковедческие методы для проверки репрезентативности источников.

Результаты исследования: систематизирована информация о деятельности органов внутренних дел Татарстана в годы Великой Отечественной войны; охарактеризованы основные мероприятия, специфические функции милиции; условия службы сотрудников в условиях военного времени.

Обсуждение и заключения: органы внутренних дел Татарстана отправили около 500 сотрудников на фронт, в условиях военного времени в короткие сроки перестроили свою деятельность: выполняли дополнительные возложенные на них функции, привлекли на службу женщин и ветеранов милиции; мобилизовали силы на борьбу с преступностью.

Ключевые слова: Народный комиссариат внутренних дел, функции милиции, Великая Отечественная война, Татарстан

Для цитирования: Гребенкин М.Ю., Миронов С.Н. Деятельность органов внутренних дел Татарстана в годы Великой Отечественной войны // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 256-263. DOI: 10.24420/KUI.2019.40.25.001

Introduction: the article discusses work of law-enforcement agencies of Tatarstan during the Great Patriotic War 1941 – 1945.

Materials and Methods: publications on the history of divisions and Services of MIA of the Republic of Tatarstan, archives of the Republic of Tatarstan; memories; periodicals. General methods of historical research – chronological, historical and genetic, historical and comparative; special historiographical methods for source validation.

Results: information on the activities of the organs of internal affairs of Tatarstan during the Great Patriotic War is systematized; main activities, specific functions of the police are described; conditions of service of employees in wartime conditions.

Discussion and Conclusions: internal affairs bodies of Tatarstan sent around 500 employees on the front-line. The bodies immediately reorganized their activities: they performed additional functions assigned to them, recruited women and police veterans; mobilized forces to fight crime.

Key words: People's Commissariat of Internal Affairs, police functions, World War II, Tatarstan

For citation: Grebenkin M.YU., Mironov S.N. Work of law-enforcement agencies of Tatarstan in the Great Patriotic War // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 3. P. 256-263. DOI: 10.24420/KUI.2019.40.25.001

Введение

Несмотря на попытки фальсификации истории Великой Отечественной войны, мировое сообщество никогда не забудет великий вклад народов России в победу над фашизмом. 2020 год объявлен в России Годом памяти и славы – исполняется 75 лет со дня победы над нацистской Германией. В статье представлен обобщенный анализ деятельности органов внутренних дел Татарстана в годы Великой Отечественной войны.

Цель исследования: изучив деятельность служб Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) ТАССР (Республики Татарстан) в годы войны, выявить вклад милиции Татарии в общее дело борьбы с фашизмом. Для этого необходимо решить задачи:

- систематизировать и проанализировать информацию о деятельности основных служб НКВД ТАССР в годы Великой Отечественной войны;

- охарактеризовать основные мероприятия органов внутренних дел ТАССР в годы Великой Отечественной войны, в т.ч. по раскрытию наиболее опасных преступлений;

- выявить специфические дополнительные функции, которые выполняли службы НКВД в условиях военного времени;

- изучить условия службы сотрудников органов внутренних дел в военный период.

Обзор литературы

К сожалению, до настоящего времени еще нет единого издания, в котором бы освещалась история милиции Татарстана в период Великой Отечественной войны. Информация находится в разнородных изданиях, излагающих историю отдельных служб и подразделений органов внутренних дел [1, 2, 3, 4, 5]. Основой послужили материалы из издания «На страже порядка» [6], на страницах которого рассказывается история полиции и милиции Татарстана. В нем представлены достаточно подробные сведения о работе НКВД тех лет, освещены письменные источники, при этом издание носит публицистический характер.

Изучены и использованы материалы изданий по истории отдельных служб и подразделений МВД по Республике Татарстан. Данные издания носят либо юбилейный (выход изданий был приурочен к юбилейным датам отдельных структурных подразделений МВД, они ориентированы на освещение положительного опыта деятельности органов внутренних дел), либо мемуарный характер (материалы основаны на личных воспоминаниях участников исторических событий, часто без ссылок на архивные источники).

Материалы и методы

Материалы по истории ОВД Татарстана, о ветеранах органов внутренних дел республики со-

бираются энтузиастами и хранятся в исторических фондах советов ветеранов. В фондах Музея органов внутренних дел МВД по Республике Татарстан представлены материалы из личных дел сотрудников органов внутренних дел Татарстана – участников Великой Отечественной войны. С 2002 г. создан и действует музей Казанского юридического института МВД России, в котором в 2015 г. открыт специальный Зал боевой славы. В то же время работа в этом направлении пока мало известна общественности. Уровень освещения истории органов внутренних дел пока не вполне соответствует их месту в истории страны, что делает эти вопросы актуальными для научной разработки.

При подготовке исследования использованы документы Национального архива Республики Татарстан, Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан, Центра документации истории нефтяной и газовой промышленности Республики Татарстан; личные воспоминания ветеранов – сотрудников милиции Б.А. Ботова, Р.Ш. Мугинова, Г.П. Семенова, Г.К. Шарафутдинова, А.В. Юрлина; а также материалы периодической печати общероссийского, республиканского (Татарстан) и районного уровней.

Теоретическую основу исследования составляют труды Д.А. Жукова, А.Ш. Кабировой, В.М. Курицына, Р.С. Мулукаева, В.Ф. Некрасова [7]

Исследование основано на методологических принципах объективности, историзма, научности, системности. Применялись общие методы исторических исследований: хронологический, историко-генетический, историко-сравнительный; специальные источниковедческие методы проверки достоверности и репрезентативности источников.

Результаты исследования

Из органов НКВД Татарской АССР уже в июне 1941 г. ушли на фронт 24, а в июле – 69 сотрудников. В 1942 году в Красную Армию было направлено уже почти тридцать процентов сотрудников ОВД Татарстана. В целом же в годы войны из органов внутренних дел республики на фронт ушли около 500 человек.

Директивы СНК СССР и ЦК ВКП (б) поставили задачи укрепить тыл страны, обеспечить усиленную работу предприятий, организовать охрану важнейших объектов жизнеобеспечения, вести беспощадную борьбу с дезертирами (военными и трудовыми), паникерами, распространителями провокационных слухов, с нарушителями закона, уголовными элементами, с хищениями эвакуированного имущества, обеспечивать нормальную эвакуацию населения и оборонных объектов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов.

С первых дней войны Татарстан стал одной из тыловых баз страны. Здесь было сформировано несколько стрелковых дивизий, республика приняла более семи десятков предприятий, эвакуированных из западных регионов. Поскольку в Казани сосредоточивалось немало оборонных предприятий, не исключены были налеты на город вражеской авиации. Органы внутренних дел серьезно готовились к отражению нападений с воздуха. Милиция в случае налета принимала меры к прекращению движения лишнего транспорта, к закрытию торговых объектов. В этом работникам правопорядка помогали создаваемые группы самозащиты, бригады милиции.

Однако учебная тревога в Казани в сентябре 1941 года продемонстрировала, что в некоторых местах явно недооценивали подготовку к работе в условиях воздушного налета. Промахи руководством милиции города были расценены как опасные сигналы благодушия и беспечности.

В октябре 1941 года Совет Народных Комиссаров ТАССР принял постановление о введении на территории республики светомаскировки. На полный ее режим переводились города, а также территории железной дороги Урмары – Казань – Высокая Гора и ряда сельских районов. Контроль за исполнением постановления возлагался на органы внутренних дел.

Сложнейшей задачей для всей республики, в том числе и для работников милиции, была четкая организация приема и размещения эвакуированного в Татарстан населения западных районов страны. Десятки тысяч эвакуированных, более 70 промышленных объектов приняла столица республики. Свообразным местом сбора для сотен представителей творческой интеллигенции, прибывших в Казань, стал Дом печати (ул. Баумана, 19). Здесь они получали у сотрудников милиции разрешение на въезд в города республики.

В связи с интенсивной миграцией населения в республику был ужесточен паспортный контроль. Крайне жестко велась работа по выявлению тех, кто попадал под паспортные и въездные ограничения. Реализация строжайших циркуляров НКВД, неисполнение которых грозило наказанием «по закону военного времени», легла на хрупкие женские плечи. В военные годы в «паспортных столах» трудились женщины, которые вели и большую работу по розыску пропавших людей [5, с. 27].

В 1941 году в Казань была переправлена центральная кладовая Государственного банка СССР. Кладовую разместили в помещении республиканской конторы Госбанка ТАССР. Охрана этих огромных ценностей была поручена подразделению внутренних войск НКВД. Рядовой состав

охраны находился на казарменном положении в помещении Госбанка. В октябре 1943 года ревизия обнаружила недостачу мешка ветхих денежных купюр – два миллиона рублей банкнотами в десять червонцев. Оказалось, что в преступлении замешаны 15 человек, а деньги успели разойтись по всей республике. Однако в итоге кропотливой работы почти все деньги, за исключением двухсот тысяч рублей, удалось разыскать и вернуть банку.

Из Москвы в г. Чистополь эвакуировали «Второй часовой завод». Через месяц, после того как завод заработал на оборону страны, в цехе № 10 из дорогостоящего аппарата неизвестные похитили линзу, в результате чего остановилась работа половины цехов. Линза была уникальной – такие делались до войны только в Германии.

Для поиска преступников были срочно мобилизованы работники милиции и госбезопасности. Преступники были задержаны, а уникальная линза возвращена заводу. Участники этой операции были награждены: непосредственно задержавший похитителей старший оперуполномоченный Рыбалкин был удостоен медали «За отвагу», а его руководитель Х.Г. Мухамадеев был награжден денежной премией.

Важным участком работы сотрудников милиции Татарстана стала борьба с дезертирами. Оперуполномоченный Муслимовского РОВД А.У. Усманов в одиночку сумел задержать трех дезертиров, которые стали бандитами [6, с. 104].

Благодарность руководства в июне 1944 г. получил участковый уполномоченный Куйбышевского райотдела НКВД сержант П.Я. Раимов. Получив сведения о краже колхозных лошадей, он сумел быстро задержать вора. В течение 1943–1944 годов П. Раимов задержал четырнадцать дезертиров, среди которых было четыре конокрада.

Личный состав органов внутренних дел имел большой некомплект – сотни сотрудников по призыву и добровольцами ушли на фронт. В этих условиях работа наружной службы милиции была переведена с трех на две смены – по двенадцать часов. На военное время были отменены отпуска. Ужесточились требования к дисциплине личного состава.

Несмотря на тяжелейшие условия военного времени и уход значительной части членов довоенных «бригад содействия милиции» (БСМ) в ряды РККА, общее число БСМ из года в год росло. В конце 1941 года в десяти отделениях Казанского гарнизона милиции еще не было ни одной «бригады содействия», а к концу 1943 года их насчитывалось уже 84 общей численностью 1140 человек. В милицию на смену сотрудникам, которые воевали на передовой, пришли женщины. Успешно

работали в эти годы начальник отдела уголовного розыска Л.М. Новоселова, начальник паспортного стола Е.М. Бородецкая и другие.

Ушедших на фронт заменяли ветераны. С вновь пришедшими в НКВД проводилась большая работа. В ноябре 1941 года в клубе им. Менжинского в Казани состоялось гарнизонное собрание милиционеров, недавно принятых в органы НКВД на смену тем, кто ушел на фронт.

Важное значение приобрел в это время вопрос о боевой подготовке резервов армии, так как фронту требовалось все большее количество подготовленных кадров. В целях военной подготовки обучение было организовано по 67-часовой программе, проводились тактические занятия, стрельба из личного оружия. Изучались действия одиночного бойца, отделения во всех видах боя, обучали копать окопы, сооружать укрытия. Отрабатывались приемы борьбы с танками, изучалось устройство стрелкового оружия [8, с. 39].

Сильно изменился режим работы научно-технических отделений (экспертно-криминалистической службы). Криминалисты столкнулись с новыми, ранее не встречавшимися объектами исследования, такими как фальшивые продовольственные карточки, поддельные документы об освобождении от воинской службы, справки, изъятое оружие [2, с. 50].

Эффективную помощь уголовному розыску в расследовании преступлений в годы войны оказывала кинологовская служба. Если в первой половине 1941 года в Казани служебно-розыскные собаки применялись в 36 случаях и помогли раскрыть 25 преступлений, то во второй половине 1941 года они применялись 58 раз и помогли раскрыть 52 преступления.

Милиционер-проводник Чигилев с собакой Томом раскрывал по 6-7 преступлений в месяц. Такая же результативность была у проводников собак Кузьмина, Чекурина и других кинологов.

В конце 1942 года отдел уголовного розыска Управления милиции НКВД Татарской АССР занял первое место в СССР по эффективности работы служебно-розыскных собак и их проводников. За успешное раскрытие преступлений Народный комиссариат внутренних дел СССР наградил Чигилева именными часами, а Кузьмина и Чекурина отметил денежной премией.

Осенью 1944 года состоялся суд над группой бандитов в составе Анисимова, Просвирнова, Казанцева и других, которая совершала ограбления магазинов, складов, квартир. Преступники убили 16-летнего Кашлакова. При разбойном нападении на склад бандиты ранили охранника. Преступники ограбили магазин завода им. Горбунова, склады

отдела рабочего снабжения швейной фабрики, овощехранилище в колхозе. При задержании бандиты оказали вооруженное сопротивление. В результате перестрелки оперуполномоченный угрозыска лейтенант Клементьев и участковый младший сержант Мамаков были ранены, последний от тяжелых ран скончался. Убит был и один из бандитов.

В годы войны отдел уголовного розыска Управления милиции Казани возглавлял А.В. Дианов. В целом в годы войны милиция Казани уверенно контролировала ситуацию в столице республики. В 1944 году в городе была на 42% снижена общая преступность, в том числе грабежи – на 60%, кражи – на 37%. Разбоев и грабежей во втором полугодии 1944 года не было зарегистрировано совсем. Раскрываемость преступлений в том году с 61% в первом квартале была доведена до 80% в четвертом квартале.

Приходилось милиции пресекать и распространение ложных слухов. В 1944 г. по Казани ползли разговоры о том, что преступники крадут детей, убивают их, а куски тел продают на рынках вместе с мясом животных. Горожане были перепуганы. В июне 1944 г. среди населения пошла новая волна слухов – будто бы убийц детей поймали и будут казнить у здания НКВД на улице Дзержинского, где приготовили виселицы. В тот момент вокруг здания действительно стояли «леса» – оно ремонтировалось. Их и приняли за виселицы. Жители Казани стали собираться, чтобы посмотреть на казнь убийц. Милиции стоило больших трудов успокоить горожан и навести на улицах порядок.

Тяжелая работа легла на плечи работников Государственной автомобильной инспекции (ГАИ). Велась подготовка водителей к работе в условиях военного времени. Каждый гражданский шофер должен был приобрести навыки движения в колонне, знать флажковую сигнализацию, уметь ездить ночью с затемненными или потушенными фарами, уметь маскировать автомобиль. Надо было отправлять автотранспорт (грузовики) на фронт, в хорошем техническом состоянии. Для нужд Красной Армии из Татарии в годы войны были отправлены сотни единиц автомобильной техники. Оставшийся в республике транспорт был задействован на нужды военкоматов и формирующихся воинских частей, для эвакуированных предприятий и госпиталей.

В годы войны ГАИ боролась с порожными пробегами. На выездах из городов, по трактам регулярного движения были установлены контрольные посты. Здесь в принудительном порядке загружали автомобили, следующие в попутном направлении, независимо от их ведомственной принадлежности.

Ушедших на фронт в органах внутренних дел заменили женщины. Одним из таких участков милицейской работы было регулирование уличного движения. Каждая авария расценивалась как «небольшая, но трещина в обороне страны», – отмечалось при подведении итогов работы ГАИ в 1941 г. [1, с. 18].

Основными причинами происшествий на дорогах были управление автотранспортом в нетрезвом виде, превышение скорости, езда на неисправных автомашинах, без прав на управление, нарушение пешеходами правил дорожного движения, езда на буферах и подножках транспорта, вход и выход в трамвай во время его движения, игры детей на мостовой. Была поставлена задача устранения этих нарушений всеми работниками милиции, а не только сотрудниками ГАИ. Бездействие в этом рассматривалось как халатность по службе [1, с. 17 - 21].

Перестройка деятельности милиции в условиях войны коснулась и Отдела борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС). Главное внимание требовалось сосредоточить на усилении охраны народного достояния, нормированных продуктов, пресечении деятельности расхитителей, спекулянтов и фальшивомонетчиков. Под особый контроль были взяты заготовительные и снабженческие организации, предприятия пищевой промышленности и торговой сети. Во время войны, в условиях недостатка продовольствия и товаров первой необходимости, создавалась прекрасная возможность для совершения преступлений в сфере экономики. ОБХСС только за несколько месяцев 1942 года у спекулянтов по Татарии изъял 24,7 тонны муки, почти 4 тонны мяса, 626 кг масла, 700 кг табака, полторы тонны мыла, 390 кг сахара, почти тысяча литров керосина, 7 298 коробок спичек, 13,6 тысячи метров мануфактуры, 2 744 катушки ниток, 1 247 пар чулок, 2 000 предметов одежды, 983 тысячи рублей, много золотых и серебряных изделий [6, с. 109].

Если до войны объектом хищений были деньги, то в войну – промтовары, предметы первой необходимости и продукты. Были арестованы заведующий складом кондитерской фабрики, похитивший тонну сахара, и несколько продавцов, пытавшихся подделывать или повторно использовать продуктовые карточки. Из всех уголовных дел, возбуждаемых сотрудниками ОБХСС в Казани в это время, почти 30 процентов были связаны с хищениями продовольственных карточек. В 1943-м году оперативные сотрудники задержали жителя Москвы, регулярно приезжавшего в Казань, чтобы получать хлебные карточки на давно

ликвидированную организацию. Карточки он через подставных лиц продавал на базаре.

Появились лица, занимавшиеся изготовлением фальшивых хлебных карточек. В 1942 году органы милиции Казани арестовали работников подпольной типографии, где изготовлялись поддельные карточки на продукты.

Лейтенант милиции Суворков разоблачил группу из восьми человек, которая занималась изготовлением и сбытом поддельных хлебных талонов. При обыске была найдена подпольная типография для печатания хлебных талонов, много краски, «гознаковской» бумаги, похищенной из типографии. Преступники сбыта талонов похитили девять тонн хлеба.

Аналогичное преступление пресек младший лейтенант милиции М. Яранов. Он курировал комбинат «Татполиграф», где печатались продовольственные карточки, изготавливаемые для Татарии, Марийской, Чувашской республик. В войну буханка хлеба на «черном» рынке стоила, по современным расценкам, около 3 тысяч рублей. Показательный суд был устроен в актовом зале в присутствии всех работников Полиграфкомбината. Военный трибунал приговорил главаря группы к расстрелу, остальные получили от четырех до десяти лет лишения свободы.

С начала войны активизировалась деятельность спекулянтов-валютчиков. В Казани обосновались спекулянты, менявшие золото и драгоценности на хлеб. Участковый Таканышского РО НКВД сержант Кудряшев в 1942 г. сделал обыск, раскрыл преступление и обнаружил 1 787 килограммов муки, 189 метров ткани, заготовленных для спекуляции. В апреле 1944 г. отличились работники ОБХСС Управления милиции НКВД ТАССР. Итогом их операции стал арест крупного валютчика Хуснутдинова. При обыске у него были изъяты 1 350 граммов золота, почти полкилограмма жемчуга и много ценных вещей.

В 1943 году громким делом стало разоблачение преступной группы из 60 возчиков – работников организации «Заготзерно», совершавших крупные хищения зерна и муки. В 1944 году работники ОБХСС арестовали группу из 15 человек, регулярно совершавших хищения хромированной кожи с фабрики «Спартак» и брезента с Лынокомбината. В сложной обстановке служба БХСС активно помогала правильной организации снабжения фронта, обеспечивала нормальную деятельность оборонной промышленности.

Остро встала проблема безнадзорности детей: оставшиеся без отцов дети были предоставлены сами себе, быстро попадали под влияние уголовников и пополняли преступную среду.

В 1941 г. были задержаны супруги Дмитриевы, которые обучали под-ростков технике воровства – открыванию замков, подборанию отмычек, спаивали «учеников» и угрозами заставляли идти на «дело».

В мае 1944 года на рынке Казани был задержан мальчик, который продавал кожаные подметки. По его показаниям сотрудники угрозыска вышли на группу ребят, работавших на обувной фабрике «Спартак». Они выносили из цеха кожу и готовые изделия – ими было похищено продукции более чем на 50 тысяч рублей.

Любовь Новоселова, младший инспектор группы по ликвидации детской беспризорности, вспоминала: «Во время войны распорядок дня был такой: с 9 часов утра до 5 часов вечера, затем перерыв и вновь работа с 8 часов вечера до 2 часов ночи. И так каждый день, если нет никаких чрезвычайных происшествий. Но бывало, что по двое и больше суток домой не приходили. Устанешь, изнемогаешь – так спать хочется. А в половине третьего ночи в клубе НКВД кино крутили, и туда стараешься попасть. А детей полно. В месяц пятьсот – шестьсот задержанных подростков. Тысячи беспризорников, голодные, полуодетые, вшивые. Кражи совершали, потому что кушать хотелось. Один пацаненок смастерил «орудие преступления» – палочку с гвоздиком на конце. Он этой палочкой на рынке у торговки картофеля в авоську скидывал, чтобы младшего братика накормить» [3, с. 21].

В связи с притоком эвакуированных в Казани и в других городах произошло резкое переуплотнение жилищ. Коммунальные учреждения не везде могли справиться с обслуживанием вновь прибывших и обеспечить бесперебойную работу бань, прачечных, санпропускников, снабдить население мылом. Год 1944 остался в памяти людей годом страшной эпидемии септической ангины, охватившей Поволжье, в том числе и Татарстан. Долгие годы информация об этой болезни хранилась под грифом «совершенно секретно» и лишь недавно стала доступной для исследователей. От болезни погибли в том числе и многие сотрудники органов внутренних дел Татарии.

Милиции приходилось принимать решительные меры к нарушителям санитарного состояния. По фактам злостного нарушения санитарного режима было возбуждено немало уголовных дел.

В целом в годы войны милиция Татарии уверенно контролировала ситуацию в республике [9].

Занимаясь охраной общественного порядка, борьбой с преступностью, органы внутренних дел жили и своей непростой внутренней жизнью. НКВД старалось проявлять заботу о быте сотруд-

ников через улучшение питания за счет урожая с подсобных участков, ремонта обуви, одежды, заготовки дров, устройства детей в детские дошкольные учреждения.

Весной 1942 года коллективы милиции начали осваивать огородное дело: посадили овощи, картофель. В пятом отделении милиции Казани каждым сотрудником было посажено от 7 до 10 соток картофеля. Кроме этого, посеяли 5 га проса, посадили 0,7 га капусты [4, с. 26].

Все отпуска на период военных действий были отменены. Оценкой нелегкого труда явилось повышение заработной платы работников милиции со-гласно приказу НКВД СССР от 18 сентября 1944 года. Начальник отдела стал получать 950 рублей, оперуполномоченный – 700, участковый инспектор – 500, милиционеры – от 200 до 250 рублей. Без получения продовольственного пайка на эти деньги прожить было невозможно, так как буханка хлеба стоила на «черном рынке» около 600 рублей.

Важной формой поощрения лучших сотрудников, обмена опытом были в военные годы «слеты отличников» милиции. На них отмечались примеры образцовой работы: в 1942 г. милиционер Ибрагимов задержал 70 преступников и нарушителей порядка, участковый Магизов с помощью 23 бригадильцев задержал 11 преступников. Только в Казанском гарнизоне насчитывалось в это время 230 «отличников милиции».

Сотрудники органов внутренних дел Татарии включились в патриотическое движение – сбор средств в фонд обороны страны: решили ежемесячно отдавать фронту 5 процентов заработка, коллективы ОБХСС, ОУР решили вносить ежемесячно 15 % заработка.

Сотрудники ГАИ передали в декабре 1941 года государству 1 099 рублей на постройку танковой колонны «Комсомолец Татарии». Сотрудники железнодорожной милиции ст. Вятские Поляны внесли в фонд обороны облигации госзайма на 4 850 рублей. Совет жен сотрудников НКВД поддержал инициативу и сдал на оборону Родины облигаций госзайма на 5 тысяч рублей. В начале 1943 г. в республике развернулся сбор средств на строительство авиаэскадрильи: работники органов внутренних дел собрали более 1,3 миллиона рублей.

Милиция встречала вооруженное сопротивление, несла потери личного состава. При исполнении служебных обязанностей в годы войны погибли 10 сотрудников органов внутренних дел Татарстана [10].

Гариев Галипзян, милиционер Мензелинского отделения милиции, погиб при задержании преступников; Кузнецов Г.И., командир 6-го от-

деления милиции г. Казани, погиб в схватке с преступником; Клементьев М.П., участковый уполномоченный, погиб в схватке с вооруженными бандитами; Макаров А.Ф., оперуполномоченный Алексеевского районного отдела милиции, погиб при задержании фашистского шпиона 15 мая 1942 г.; Неробов Н.В., старший оперуполномоченный отдела по борьбе с бандитами, погиб при задержании бандитской группы; Низамутдинов М.Н., участковый уполномоченный, погиб при задержании грабителей 8 мая 1943 г.; Ушаков И.С., милиционер, погиб при задержании грабителей 17 января 1943 г.; Мамаков И.А., участковый уполномоченный, погиб при задержании вооруженных преступников 2 июня 1944 г.; при задержании грабителей погибли Спиридонов А.А., оперуполномоченный, и Поймалов И.П., участковый уполномоченный милиции.

Сотни сотрудников ОВД Татарстана в годы войны были удостоены различных государственных наград. Были награждены орденами Ленина: С. Баязитов, Т. Дубов, Ф. Мальгин, Ф. Онянов, А. Козлов, Г. Семенов, М. Семенов, Ф. Смиршагин, Н. Хасанов, В. Кипров, М. Биктагиров. 72 сотрудника были удостоены орденов Красного Знамени, 82 сотрудника – ордена Красной Звезды, 205 человек – медали «За боевые заслуги» [6, с. 125].

Обсуждение и заключения

Таким образом, основными функциями деятельности органов внутренних дел Татарстана в годы войны стали: поддержание паспортного режима; организация размещения эвакуированного населения; охрана промышленных объектов, магазинов, складов продуктов; организация режима

светомаскировки; организация работы бомбоубежищ, пожарных команд; отработка действий населения в случае воздушной тревоги при налетах вражеской авиации; охрана общественного порядка; организация работы «Бригад содействия милиции»; обеспечение правопорядка в местах, где производилось массовое строительство оборонительных сооружений, противотанковых рвов, рытье окопов; выявление и задержание дезертиров, шпионов; организация на территории Татарстана «истребительных батальонов» для борьбы с диверсантами; борьба с бандитизмом; борьба с грабежами и разбоями; борьба с изготовлением и сбытом поддельных продовольственных карточек; пресечение незаконного оборота золота и драгоценностей; борьба с конокрадством; охрана урожая от хищений; пресечение краж с предприятий и перепродажи продовольствия; отправка автотранспорта в действующую армию; обеспечение безопасности на дорогах; обучение начинающих водителей действиям в условиях фронта; помощь детям, оставшимся без родительского присмотра; борьба с паникерами, распространителями провокационных слухов; налаживание быта сотрудников органов внутренних дел в тяжелых условиях недостатка продуктов питания, жилья; обучение новых сотрудников, пришедших на место призванных в армию; сбор средств в фонд обороны страны, подарков бойцам; сдача крови для раненых; военная учеба, подготовка боевых резервов для Красной Армии.

В тяжелейших условиях военного времени сотрудники ОВД Татарии достойно выполнили возложенные на них сложные функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Госавтоинспекция Республики Татарстан. 1936-1996: история, современность. Казань, 1996.
2. Давлятбаев Н.Ф., Шайдуллин Р.Ф. Криминалисты на службе правосудия. Казань, 1999.
3. На защите будущего / сост. М.Н. Павлов, Э.А. Абдулманова, Н.С. Комкова, Г.А. Крылова. Казань, 2000.
4. Назовем поименно. Казань: Издательский дом «Титул», 2005.
5. Управлению паспортно-визовой службы МВД Республики Татарстан – 70 лет / сост. Ю.А. Андреева. Казань, 2002.
6. На страже порядка: Кн. 1. Казань: Редакционно-издательский центр «Лиана», 1997.
7. Кабинова А.Ш. Татарстан в годы военных испытаний (1941 – 1945). Казань: «Яз», 2015. 508 с.
8. Ботов Б.А. Воспоминания о былом. Казань: Издательский дом «Титул Казань», 2008. 231 с.
9. Мугинов Р.Ш., Шерстнев И.Д. Наш генерал. Страницы жизни министра внутренних дел ТАССР генерал-лейтенанта Салиха Зелялетдиновича Япеева (1914-1993). 2-е изд., перераб. Казань: Издательский дом «Титул-Казань», 2014. 312 с.
10. Мещерякова Л.А. «...И только память бесконечна». Книга памяти МВД Республики Татарстан. Казань: Логос, 2005.

REFERENCES

1. Gosavtoinspekciya Respubliki Tatarstan. 1936-1996: istoriya, sovremennost'. Kazan', 1996.
2. Davlyatbaev N.F., SHajdullin R.F. Kriminalisty na sluzhbe pravosudiya. Kazan', 1999.
3. Na zashchite budushchego / sost. M.N. Pavlov, E.A. Abdul'manova, N.S. Komkova, G.A. Krylova. Kazan', 2000.

4. Nazovem poimенno. Kazan': Izdatel'skij dom «Titul», 2005.
5. Upravleniyu pasportno-vizovoj sluzhby MVD Respubliki Tatarstan – 70 let / sost. YU.A. Andreeva. Kazan', 2002.
6. Na strazhe porjadka: Kn. 1. Kazan': Redakcionno-izdatel'skij centr «Liana», 1997.
7. Kabirova A.SH. Tatarstan v gody voennyh ispytaniy (1941 – 1945). Kazan': «YAz», 2015. 508 s.
8. Botov B.A. Vospominaniya o bylom. Kazan': Izdatel'skij dom «Titul Kazan'», 2008. 231 s.
9. Muginov R.SH., SHerstnev I.D. Nash general. Stranicy zhizni ministra vnutrennih del TASSR general-lejtenanta Saliha Zelyaletdinovichа YApeeва (1914-1993). 2-e izd., pererab. Kazan': Izdatel'skij dom «Titul-Kazan'», 2014. 312 s.
10. Meshcheryakova L.A. «...I tol'ko pamyat' beskonechna». Kniga pamyati MVD Respubliki Tatarstan. Kazan': Logos, 2005.

Об авторах: Гребенкин Михаил Юрьевич, старший преподаватель Казанского юридического института МВД России

e-mail: mikegreben@mail.ru

Миронов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России по научной работе. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1532-9258>

e-mail: mirsn@mail.ru

© Гребенкин М.Ю., 2019.

© Миронов С.Н., 2019.

Статья получена: 30.08.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the authors: Grebenkin Mihail Y., Senior Lecturer of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

e-mail: mikegreben@mail.ru

Mironov Sergey N., Candidate of Historical Sciences (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of MIA of Russia for Academic Affairs. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1532-9258>

e-mail: mirsn@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Заявленный вклад авторов

Гребенкин Михаил Юрьевич – обзор состояния изученности темы (историографический анализ), написание текста статьи, формулирование основных выводов, доработка текста исследования, оформление справочно-библиографического аппарата.

Миронов Сергей Николаевич – анализ научной литературы по проблеме исследования, сбор данных и их обобщение, написание текста статьи, итоговое редактирование.

УДК 343:517

DOI: 10.24420/KUI.2019.19.50.002

С.Г. Ольков

**УСТАНОВЛЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ФИЗИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ТОВАРА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ», ЦЕНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
НАПРЯЖЕНИЯ И МОЩНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ
СИСТЕМАХ**

**ESTABLISHMENT OF FUNDAMENTAL PHYSICAL LAWS
OF SUPPLY AND DEMAND OF THE GOODS "CRIME",
PRICE OF CRIMES, TENSION AND POWER IN SOCIAL
SYSTEMS**

Введение: в статье продолжено развитие криминологической задачи о спросе и предложении на товар «преступление» [1], проанализированы ошибки, ранее допущенные криминологами, в отношении строгости уголовных наказаний, обоснованы фундаментальные физические законы соответствующих экономических и криминологических явлений – спроса, предложения, цены товаров преступлений, социального и личного напряжения и мощности с получением и разъяснением необходимых для исследования криминологических процессов физических формул.

Материалы и методы: эконометрические методы (корреляционный и регрессионный анализ); метод математического анализа (исследование функций); методы теории вероятностей (вычисление вероятностей и шансов); микроэкономические методы (анализ спроса и предложения, предельных норм желаемого и действительного).

Результаты исследования: автором статьи установлены законы спроса и предложения на товар «преступление», как по эмпирическим данным, так и в фундаментальном виде; установлен закон напряжения продавцов и покупателей товара «преступление», порождающий величину спроса посредством социального сопротивления и при его отсутствии; установлены аналоговые экономическим физические законы, объясняющие поведение продавцов и покупателей товара «преступление»; показано, что спрос и предложения на товары «преступления» аналогичны силе тока в физических системах, цена есть чистый аналог сопротивления, а напряжение есть разница потенциалов желаемого и действительного для данной личности или социальной группы, порождающая силу тока, опосредованную сопротивлением (ценой товаров преступления); особое внимание уделено спросу на товар «преступление», который сильно и положительно зависит от уровня личного напряжения и сильно, но отрицательно от уровня цен на товар «преступление». По сути, уровень преступности есть равнодействующая этих двух сил при прочих равных условиях.

Обсуждение и заключения: исследование создает фундаментальную теоретическую базу для эффективного объяснения, прогнозирования и управления криминологическими процессами.

Ключевые слова: криминология, микроэкономика, макроэкономика, криминометрика, преступность, преступник, товар, спрос, предложение, цена, сопротивление, сила тока, напряжение, мощность, кража

Для цитирования: Ольков С.Г. Установление фундаментальных физических законов спроса и предложения товара «преступление», цены преступлений, напряжения и мощности в социальных системах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 264-276. DOI: 10.24420/KUI.2019.19.50.002

Introduction: the author gives the continuation of the criminological task on supply and demand for the goods "crime"; analyses errors made by criminologists regarding the severity of criminal punishments; substantiates fundamental physical laws of appropriate economical and criminological phenomena - supply and demand, price of the goods of crimes, social and personal tension and power with receiving and explanation necessary for the research criminological processes of physical formulae.

Materials and Methods: econometric approaches (correlation and regression analysis); a mathematics analysis method (function study); probability theory method (probability and chances calculation); micro-economic method (supply and demand analysis, marginal rates of sought and actual).

Results: the author establishes laws of supply and demand on the goods "crime" both according to empirical data and in a fundamental view; establishes the law of tension of sellers and customers of the goods "crime" producing the size of the demand through social tension and its absence; analog economic and physical law explaining behavior of sellers and customers of the goods "crime"; supply and demand of the goods "crime" equivalent to current strength in physical systems, price is an analogue of resistance, tension is a difference between difference in potential of desired and present for the given personality or social group, causing current strength through resistance (a price of the goods of crimes); the attention is paid to the goods "crime" that is heavily and positively dependent on the level of personal tension and heavily but negatively on the level of prices on the goods "crime". Crime rate is resultant of these two forces all things being equal.

Discussion and Conclusions: the research provides a foundation for efficient explanation, forecasting and criminological processes management.

Key words: criminology, microeconomics, macroeconomics, criminometry, crime, criminal, product, demand, supply, price, resistance, current, voltage, power, theft

For citation: Ol'kov S.G. Establishment of fundamental physical laws of supply and demand of the goods "crime", price of crimes, tension and power in social systems // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 3. P. 264-276. DOI: 10.24420/KUI.2019.19.50.002

Введение

Развивая теорию о спросе и предложении на товар «преступление», рассмотрим типовую задачу на основе реальных эмпирических данных, чтобы юристам, пока слабо владеющим математическими и эконометрическими методами, был понятен механизм получения соответствующих научных результатов и они смогли бы решать подобные задачи или во всяком случае понимали, как эту задачу будет решать компьютерная программа. То есть задача решается прежде всего в учебных целях с подробным обоснованием решения, чтобы колле-

ги не рассматривали полученный научный результат в виде «черта, выскочившего из табакерки». В кратком и более точном виде данная задача решена мной ранее [1].

Результаты исследования

Дано: первичные статистические данные о количестве зарегистрированных в России видах преступлений и уголовных наказаниях за них в виде лишения свободы по первым частям соответствующих статей Уголовного кодекса РФ (УК РФ) за 2018 год (таблица 1).

Таблица 1.

Первичные статистические данные о количестве зарегистрированных в РФ видах преступлений в 2018 году¹ и максимальных ценах на эти виды преступлений по соответствующим первым частям статей УК РФ²

Table 1.

Primary statistical data on the quality of the registered types of crimes in Russia in 2018 and maximum prices on these crimes according to the first parts of Criminal Code of the Russian Federation

<i>Вид преступления</i>	<i>Р лет лишения свободы (статья УК РФ)</i>	<i>Q зарегистрировано, штук</i>
1	2	3
Убийство и покушение на убийство	15 (ч. 1 ст. 105 УК РФ)	8 574
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (УПТВЗ)	8 (ч. 1 ст. 111 УК РФ)	23 224
Разбой	8 (ч. 1 ст. 162 УК РФ)	7 474
Грабеж	4 (ч. 1 ст. 161 УК РФ)	50 111
Кража	2 (ч. 1 ст. 158 УК РФ)	756 395
Мошенничество	2 (ч. 1 ст. 159 УК РФ)	215 036
Угон	5 (ч. 1 ст. 166 УК РФ)	19 460

¹ Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 22.03.2019).

² СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.03.2019).

Следует отметить, что в таблице 1 приведены не все структурные составляющие преступности, но охватывается 54% от общего числа зарегистрированных в 2018 году преступлений: $\frac{1080274}{1991532} \cdot 100 = 54,24\%$, чего вполне достаточно для получения достойных внимания выводов.

Требуется: 1) установить оптимальный закон спроса на товары «преступления» в России в 2018 году (используя двойную логарифмическую модель, построить регрессию строгости наказания на количество зарегистрированных преступлений); 2) установить оптимальный закон предложения на товары преступления в России в 2018 году; 3) построить график зависимости в пакете Excel; 4) дать интерпретацию полученного уравнения; 5) проверить значимость коэффициента регрессии в полученном уравнении; 6) рассчитать коэффициент детерминации и дать его интерпретацию.

Решение: обратим внимание, что перед нами кросс-секционные (пространственные данные), то есть данные, полученные за один временной период (2018 год) по ряду объектов, которыми выступают структурные составляющие преступности.

Для параметризации уравнения парной регрессии лучше всего использовать метод наименьших квадратов (параметризация с помощью других методов даст худшие результаты, то есть большую ошибку аппроксимации).

Нам известно, что, как правило, уравнения спроса на товар «преступление» нелинейные, поэтому используем не простую линейную модель, а двойную логарифмическую модель, для чего построим новую таблицу исходных данных с логарифмическими значениями по рабочим столбцам 2 и 3.

Таблица 2.

Исходные данные из таблицы 1, представленные в натуральных логарифмах

Table 2.

Primary date of the Table 1 presented in Napierian logarithms

LN(P)	LN(Q)
2,71	9,06
2,08	10,05
2,08	8,92
1,39	10,82
0,69	13,54
0,69	12,28
1,61	9,88

В данном случае использованы натуральные (Неперовы) логарифмы – логарифмы по основанию числа $e=2,71828\dots$, возникающего как предел последовательности $(1+\frac{1}{n})^n$ при $n \rightarrow \infty$: $e = \lim_{n \rightarrow \infty} (1+\frac{1}{n})^n$. Стоит отметить, ничто не мешает использовать логарифмы и по иному основанию – результат от этого не изменится.

Применяем к полученным данным обычный метод наименьших квадратов, чтобы получить линей-

ное оценочное уравнение вида: $\hat{Q} = a - bP$ (крышка над Q означает оценку).

Параметр (коэффициент регрессии) $\hat{b} = \frac{\overline{PQ} - \bar{P} \cdot \bar{Q}}{\overline{P^2} - \bar{P}^2}$, параметр $\hat{a} = \bar{Q} - b\bar{P}$, обращаем внимание, что в формулах берем соответствующие значения логарифмов, а не уровни ряда.

Строим вспомогательную таблицу:

Таблица 3.

Предварительные расчеты для вычисления параметров регрессионного уравнения

Table 3.

Preliminary calculations for parameter calculations of regression equation

LN(P)	LN(Q)	LN(P)*LN(Q)	LN(P)^2
2,71	9,06	24,53	7,33
2,08	10,05	20,90	4,32
2,08	8,92	18,55	4,32
1,39	10,82	15,00	1,92

Таблица 3.

Предварительные расчеты для вычисления параметров регрессионного уравнения

Table 3.

Preliminary calculations for parameter calculations of regression equation

0,69	13,54	9,38	0,48
0,69	12,28	8,51	0,48
1,61	9,88	15,89	2,59
1,61	10,65	16,11	3,06

В нижней строке приведены средние значения по столбцам, необходимые для вычисления коэффициента регрессии.

Рассчитываем коэффициент регрессии:

$$b = \frac{\overline{PQ} - \bar{P} \cdot \bar{Q}}{\overline{P^2} - \bar{P}^2} = \frac{16,11 - 1,61 \cdot 10,65}{3,06 - 1,61^2} = -2,2$$

Рассчитываем второй параметр:

$$a = \bar{Q} - b\bar{P} = 10,65 - (-2,2) \cdot 1,61 = 14,2.$$

Записываем уравнение с логарифмами:

$$LN(Q) = 14,2 - 2,2LN(P).$$

После потенцирования получаем нелинейное уравнение:

$$\hat{Q} = e^{14,2} \cdot P^{-2,2} \text{ или } Q = 1468864 \cdot P^{-2,2}.$$

Интерпретация уравнения: если цена преступления возрастает на 1-процентный пункт, то число преступлений в среднем снижается на 2,2 процентных пункта.

Построим график зависимости.

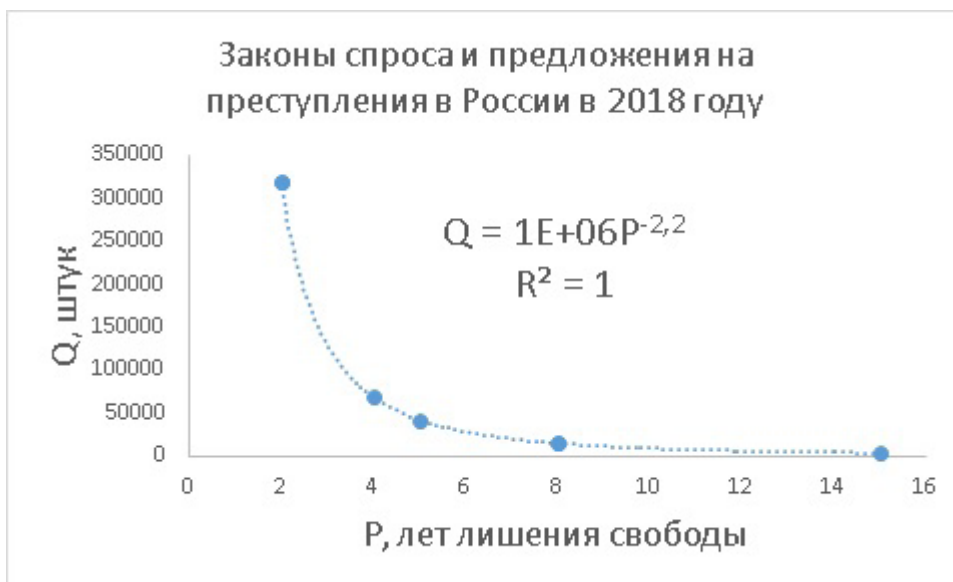

Рисунок 1 – Законы спроса и предложения на товары «преступления» в России в 2018 году.

Picture 1. law of demand and supply on goods "crimes" in Russia in 2018.

В программе Excel в левый столбец введем данные для переменной P, а в правом столбце через знак равенства запишем полученную функцию для переменной Q, сославшись в формуле на столбец независимой переменной. Далее выберем: «вставка», «диаграммы», «точечная», после чего встаем курсором на любую точку графика, щелкаем правой клавишей мыши, выбираем «добавить линию тренда» и в появившемся окне выбираем «степен-

ная», ставим галочки для «показывать уравнение» и «поместить величину аппроксимации».

Проверим значимость коэффициентов, то есть параметров регрессионного уравнения. Для этого сначала оценим дисперсию случайной ошибки:

$$\hat{\sigma}^2 = s^2 = \frac{1}{n-2} \sum_{i=1}^n e^2.$$

Следовательно, сначала подготовим рабочую таблицу:

Таблица 4.

Предварительные расчеты для вычисления дисперсии случайной ошибки

Table 4.

Preliminary calculations for calculating variance of random error

$LN(Q)$	$\widehat{LN(Q)}$	e^2
9,06	8	1,12
10,05	10	0,00
8,92	10	1,17
10,82	11	0,03
13,54	13	0,29
12,28	13	0,52
9,88	11	1,25
		4,39

Пример вычисления значений в последнем столбце: $(9,06-8)^2=1,12$

$$\sigma^2 = s^2 = \frac{1}{5} \cdot 4,39 = 0,878.$$

Найдем стандартную ошибку коэффициента регрессии по формуле:

$$SE(\hat{b}) = \sqrt{\frac{s^2}{\sum (P_i - \bar{P})^2}} = \sqrt{\frac{0,878}{3,38}} = 0,51.$$

Таблица 5.

Предварительные вычисления для расчета стандартной ошибки коэффициента регрессии

Table 5.

Preliminary calculations for calculating standard error of the regression coefficient

$LN(P)$	$(LN(P)_i - \bar{LN(P)})^2$
2,71	1,21
2,08	0,22
2,08	0,22
1,39	0,05
0,69	0,84
0,69	0,84
1,61	0,00
	3,38

Пример вычисления: $(2,71-1,61)^2=1,21$.

Проверим гипотезу H_0 : переменная P не оказывает значимого влияния на переменную Q . Соответственно, альтернативная гипотеза утверждает обратное.

Вычислим расчетное значение t -статистики Стьюдента:

$$t_{\text{расч}} = \frac{\hat{b}}{SE(\hat{b})} = \frac{-2,2}{0,51} = -4,31.$$

Сравниваем расчетное значение t -статистики с табличным, приняв уровень значимости равным: $\alpha = 0,01$ (1%). Число степеней свободы в нашем случае: $df = n - 2 = 7 - 2 = 5$.

Табличное значение t -статистики Стьюдента на 1% уровне значимости составляет 4,03, а расчетное (-4,31). Следовательно, расчетное значение по

$$r = \frac{Cov(P, Q)}{\sigma_P \cdot \sigma_Q} = \frac{\bar{P}\bar{Q} - \bar{P} \cdot \bar{Q}}{\sqrt{\bar{P}^2 - \bar{P}^2} \cdot \sqrt{\bar{Q}^2 - \bar{Q}^2}} = \frac{16,11 - 1,61 \cdot 10,65}{\sqrt{3,06 - 1,61^2} \cdot \sqrt{115,9 - 10,65^2}} = -0,963$$

модулю больше табличного: $|-4,31| > 4,03$ и нулевая гипотеза отклоняется, то есть принимается альтернативная гипотеза H_1 : переменная P оказывает статистически значимое влияние на переменную Q .

Можно проверить статистическую значимость свободного члена в уравнении:

$$SE(\hat{a}) = \sqrt{\frac{s^2}{n} \cdot \left(1 + \frac{\bar{P}^2}{\text{var}(P)}\right)} = \sqrt{\frac{0,878}{7} \cdot \left(1 + \frac{1,61^2}{3,06 - 1,61^2}\right)} = 0,906$$

$$t_{\text{расч}} = \frac{\hat{a}}{SE(\hat{a})} = \frac{14,2}{0,906} = 15,67.$$

Расчетное значение больше табличного, а следовательно, коэффициент статистически значим на 1% уровне значимости.

Вычислим коэффициент корреляции (r) и детерминации (R^2). Сначала рассчитаем коэффициент корреляции по формуле:

$$R^2 = -0,963^2 = 0,927.$$

Согласно коэффициенту детерминации, 93% вариации (дисперсии) зависимой переменной объясняется вариацией независимой переменной.

Коэффициент корреляции свидетельствует, что корреляционная связь между переменными, во-первых, сильная (больше $|0,7|$); во-вторых, отрицательная.

Полученные результаты немного хуже точных, рассчитанных эконометрическим программным пакетом *Gretl*, поскольку имеют место погрешности округления.

Точное уравнение¹ имеет вид:

$$\widehat{\ln Q} = 13,9887 - 2,07838 \cdot \ln P \\ (0,727) \quad (0,415)$$

Коэффициент детерминации $R^2 = 0,83$ (соответственно, коэффициент корреляции: $r = \sqrt{0,83} = 0,911$), и уравнение в целом статистически значимо; коэффициент регрессии значим на 1 % уровне. В скобках под уравнением приведены стандартные ошибки коэффициентов.

Потенцируя, находим: $\hat{Q} = e^{13,9887} \cdot P^{-2,07838}$ или $\hat{Q} = \frac{1,189 \cdot 10^6}{P^{2,07838}}$.

Ответ: 1) оптимальный закон спроса на товары «преступления» в России в 2018 году: $\widehat{\ln(Q)} = 14,2 - 2,2 \ln(P)$;

2) оптимальный закон предложения на товары «преступления» в России в 2018 году: $\widehat{\ln(Q)} = 14,2 - 2,2 \ln(P)$ (совпадает с законом спроса);

3) построен график зависимости в *прикладном программном пакете Excel*;

4) интерпретация: *если цена преступления возрастает на 1-процентный пункт, то число зарегистрированных преступлений в среднем снижается на 2,2-процентных пункта*;

5) проверить значимость коэффициента регрессии в полученном уравнении: нулевая гипотеза отклоняется, то есть принимается альтернативная гипотеза H_1 : переменная P оказывает статистически значимое влияние на переменную Q ;

6) Согласно коэффициенту детерминации, 93% вариации (дисперсии) зависимой переменной объясняется вариацией независимой переменной; коэффициент корреляции показывает, что корреляционная связь между переменными, во-первых, сильная (больше $|0,7|$); во-вторых, отрицательная.

Общий вывод: данная задача однозначно свидетельствует, что уровень преступности – спрос на товар «преступление» сильно и отрицательно зависит от цен, установленных на товары «преступления» при прочих равных условиях, а предложение

товара «преступление» совпадает со спросом, поскольку продавец и покупатель товара «преступление» – это одно и то же физическое лицо – преступник.

2. Устранение ранее допущенных криминологами ошибок.

Ошибка 1. Ранее криминологи полагали, что преступность сдерживает прежде всего не строгость наказаний (цена преступлений), а их неотвратимость – то есть необходимость платить цену. Приведем цитату родоначальника, допустившего эту ошибку.

В середине XVIII века в своем трактате «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.) итальянский ученый Чезаре Беккариа писал: «Чем скорее следует наказание за преступлением, чем ближе к нему, тем оно справедливее, тем оно полезнее...одно из самых действенных средств, сдерживающих преступления, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности и, следовательно, в бдительности властей...уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания произведет всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким наказанием, но сопровождаемый надеждой на безнаказанность. Даже самое незначительное, но неизбежное зло всегда внушает страх людям, тогда как надежда – этот дар неба, часто заменяющий все, – всегда отдаляет мысль о более жестоких наказаниях, в особенности, когда ее усиливает безнаказанность» [2]. О том же, только спустя 200 лет, пишет американский экономист, нобелевский лауреат Г.С. Беккер в своей известной статье «Преступление и наказание: экономический подход» [3].

Это ошибка, поскольку решающее значение на товарных рынках по спросу, в том числе и рынках преступности, как правило, имеет цена товара и напряжение по данной потребности (цена снижает спрос, а напряжение его увеличивает). Но цена бывает *реальной* и *номинальной*. Неотвратимость наказания – это вероятность изобличения и наказания преступника, то есть реальная цена. Если реальная цена ниже номинальной, а на рынках преступности – это практически всегда именно так, – то более низкая цена способствует более высокому спросу, но со стороны рецидивистов, а не основной массы потенциальных преступников. Следовательно, неотвратимость наказания – это просто фактор, влияющий на цену для определенной категории потребителей, а следовательно, имеющий вторичное значение по отношению к самой цене, играющей главную роль.

Согласно ЗВППОН (закону возрастающей предельной полезности уголовных наказаний) [4]

¹ Ольков С.Г. О разъяснении природы уголовно-правовых отношений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 2. С. 128-142. DOI: 10.24420/KUI.2019.11.33.002.

цена преступлений особенно высока для тех, кто никогда не платил эту цену: у этих людей высок порог страха перед уголовным наказанием вне зависимости от того, насколько велика вероятность их изобличения (вероятность заплатить цену) и общая превенция спроса преступлений рассчитана на неопределенно большое количество физических лиц, ранее не привлекавшихся к реальным уголовным наказаниям. Как только физическое лицо заплатило реальную цену за совершенное преступление, уровень страха снижается и товар «преступление» становится более привлекательным. В связи с этим легко объяснить высокий уровень рецидивной преступности (из года в год в России колеблется около 30%).

Ошибка 2 состоит в том, что отрицается ценность уголовного наказания. Авторы этой ошибки утверждают, что уголовное наказание не сдерживает преступность и его следовало бы отменить.

Этой точки зрения придерживается известный российский криминолог, профессор Яков Ильич Гишинский из Санкт-Петербурга, опубликовавший статью «Наказание как результат недомыслия» [5].

Очевидно, что авторы такого подхода допускают грубейшую ошибку, поскольку при отмене всех уголовных наказаний за возможные преступления, то есть установлении на все преступления нулевых цен, это приведет к колоссальному увеличению спроса на товары преступления до естественного максимума. То есть число умышленных и неумышленных убийств, причинения тяжкого и иного вреда здоровью, изнасилований, разбоев, грабежей, краж и мошенничества резко возрастет и достигнет своего естественного максимума, что соответствует установленному мною закону спроса и предложения товара «преступление».

3. Фундаментальная физическая аналогия экономического и криминологического законов спроса и предложения товара «преступление», установление фундаментальных законов спроса, предложения, цены, напряжения и мощности применительно к анализу преступного поведения.

Очевидно, что цена товара (P) – аналог сопротивления в гидравлической системе или электрической цепи. В физике сопротивление обычно обозначают буквой R (далее я буду использовать и то и другое обозначение). Поскольку сопротивление измеряют в омах (производные единицы в системе СИ), будем использовать аналогичное обозначение с добавлением буквы «К», то есть записывать КОм или просто КО.

Спрос (Q) аналогичен току в гидравлической системе или электрической цепи. В физике его обычно обозначают буквой I и измеряют в амперах (в системе единиц СИ силу тока относят к основ-

ным единицам). Для наших целей можно записывать КА.

Уровни удовлетворения потребности (Z) – разница между желаемым и действительным – аналог *разности потенциалов*, то есть напряжения в электрической цепи или давления в гидравлической системе. В физике напряжение обычно обозначают буквой U и измеряют в вольтах (производная единица в системе СИ). Для наших целей будем записывать КВ.

Тогда спрос на товар «преступление» можно записать формулой:

$$Q = \frac{Z}{P} \text{ (формула 1.1).}$$

То есть спрос на товар «преступление» и любой другой нормальный товар прямо пропорционален уровню неудовлетворенности соответствующей потребности и обратно пропорционален величине цены товара, удовлетворяющего данную потребность.

Напряжение в системе определяется по формуле: $Z = QP$ (формула 1.2).

То есть напряжение в системе личность (биосоциальное существо) прямо пропорционально произведению силы тока – спросу (Q) на цену товара (P), удовлетворяющего данную потребность. Напряжение в экономических системах удобно измерять в единицах полезности утилях или других единицах измерения, зависящих от входящих в правую часть формулы переменных.

Цена же товара определяется по формуле: $P = \frac{Z}{Q}$ (формула 1.3).

То есть сопротивление в экономической системе прямо пропорционально уровню напряжения и обратно пропорционально силе социального (экономического) тока – спросу на данный товар.

Например, если спрос равен 5 единицам товара в месяц, цена товара составляет 5 000 рублей, то напряжение в системе личность по данной потребности составит по формуле 1.2: $Z = 5 \cdot 5000 = 25\ 000$ штук*рублей или экономических вольт или утилей, если измерение производится в единицах полезности. Сила тока измеряется здесь в штуках или экономических (криминологических) амперах, а сопротивление измеряется в рублях или экономических омах.

Поскольку напряжение потребителей является одной из ключевых причин спроса, постольку ему следует уделить специальное внимание. Рассмотрим данный аспект более подробно.

Напряжение личности в свете удовлетворения потребностей есть суммарная разность потенциалов по существующим в ней (личности) потребностям. Например, потребность организма в воде – это разность между желаемым (или необходимым)

уровнем удовлетворения и реальным количеством воды в организме. Когда потребность в воде полностью удовлетворена, то напряжение по данной потребности равно нулю (нет разности потенциалов) и движение организма (ток) в направлении удовлетворения данной потребности отсутствует или слабо (то есть нет разности потенциалов – нет напряжения – нет движения). Направление и скорость движения личности (сила личностного тока, а значит, спрос) определяются неудовлетворенными потребностями, то есть напряжением, а кроме того, сопротивлением биологической и социальной системы относительно удовлетворения данной потребности, например, в виде уголовно-правовых запретов (товаров), то есть установленных на них цен (уголовной ответственности).

Уровень удовлетворения (напряжения) личности легко описать простым уравнением: $z = \frac{y}{x}$ (формула 1), где z – уровень удовлетворенности (напряжения) личности в единицах полезности – утилях; y – желаемое – то что нужно личности (уровень 1) в удобных единицах измерения, например, рублях; x – действительное – то, что есть, чем обладает личность в удобных единицах измерения, например, тоже рублях или других единицах измерения полезности (уровень 2); $x \neq 0$. Очевидно, что икс не может равняться нулю, поскольку стоит в знаменателе дроби, а игрек может принимать любые значения в соответствии с принятыми единицами измерения и масштабом.

Разность потенциалов (разность двух состояний – желаемого и действительного) можно записать и функцией попроще: $z = y - x$ (формула 2), и тогда икс может равняться нулю. Обратим внимание, что желаемое (уровень 1) стоит либо в качестве делимого – числа, подвергаемого делению, либо в качестве уменьшаемого – числа, из которого производится вычитание. Это важно, поскольку в противном случае в формуле 1 напряжение, как правило, будет принимать значения меньше единицы, а в формуле 2 отрицательные значения. Нам же из опыта известно, что желаемое, как правило (не всегда, например, при избытке чего-то), больше действительного.

Судя по формуле 1, полностью удовлетворенная потребность дает значение, равное единице:

$z = \frac{y}{x} = \frac{A}{B} = 1$, где A и B – вещественные числа, $A=B$, $B \neq 0$, а по формуле 2 получим: $z = y - x = A - B = 0$.

В декартовой системе координат правой ориентации $XOYZ$, то есть в трехмерном пространстве получим поверхность удовлетворения (напряжения) личности в зависимости от соотношения, желаемого и действительного, то есть отношения (формула 1) или разности (формула 2) уровней 1 и 2. Учитыва-

вая большое количество потребностей личности, легко понять, что напряжение в системе «личность» всегда присутствует, но по конкретным потребностям оно вполне может отсутствовать в согласии с законом убывающей предельной полезности (первая производная от функции совокупной полезности, описываемой параболой второго порядка, является строго убывающей линейной функцией).

Частная производная функции удовлетворения по действительному для формулы 1: $\frac{\partial z}{\partial x} = \frac{y}{x^2}$, а частная производная по желаемому: $\frac{\partial z}{\partial y} = \frac{1}{x}$. То есть предельная норма действительного (*marginal valid*): $M_v = \frac{\partial z}{\partial x} = \frac{y}{x^2}$, а предельная норма желаемого (*marginal wishful*): $M_w = \frac{\partial z}{\partial y} = \frac{1}{x}$. Следовательно, точка оптимума удовлетворения достигается при равенстве предельных норм желаемого и действительного: $\frac{\partial z}{\partial x} = \frac{\partial z}{\partial y} \Rightarrow \frac{y}{x^2} = \frac{1}{x}$. Очевидно, равенство предельных полезностей желаемого и действительного возможно лишь тогда, когда $y=1$ и $x=1$. Подставляя, имеем: $\frac{\partial z}{\partial x} = \frac{\partial z}{\partial y} \Rightarrow \frac{1}{1^2} = \frac{1}{1} = 1 \Rightarrow \frac{\partial z}{\partial x} = \frac{\partial z}{\partial y} = 1$. Именно поэтому каждый из нас всегда стремится к полному удовлетворению текущих потребностей.

Само по себе уголовное или иное наказание (цена деяния, направленного на удовлетворение потребности) есть нечто подобное сопротивлению в гидравлической или электрической цепи. Активность личности или, выражаясь языком физиков, сила личностного тока (активности личности) описывается формулой: $I = \frac{z}{R} = \frac{y}{x} = \frac{1}{R} \cdot \frac{y}{x} = \frac{Ry}{x}$ или просто: $I = \frac{Ry}{x}$ (формула 3). Из формулы 3 можно получить формулу напряжения: $z = IR = \frac{Ry}{x} \cdot R = \frac{R^2y}{x}$ или просто: $z = \frac{R^2y}{x}$ (формула 4). Формула социального сопротивления: $R = \frac{z}{I}$ (формула 5). То есть цена в экономических и правовых системах играет примерно ту же роль, что и сопротивление в физических системах. Цена сдерживает спрос (количество приобретаемых единиц соответствующего товара), то есть активность потребителей по удовлетворению соответствующих потребностей. Ясно, что, кроме цены, в агрегированную переменную «сопротивление» входят и другие составляющие, которые пока «вынесены за скобки».

Мощность, с которой действует личность в обществе, легко описать простой формулой: $w = zI = \frac{y}{x} \cdot \frac{y}{R} = \frac{Ry^2}{x^2}$ или просто: $w = \frac{Ry^2}{x^2}$ (формула 5). В физике мощность измеряют в ваттах (относится к производным единицам в системе СИ).

То есть мощность личностного поведения прямо пропорциональна квадрату уровня 1 (квадрату желаемого), помноженному на величину сопротивления системы, и обратно пропорциональна квадрату уровня 2 (квадрату действительного).

Если принять за основу формулу 2, то частная производная данной функции по действительному:

$\frac{\partial z}{\partial x} = -1$, а частная производная по желаемому: $\frac{\partial z}{\partial y} = 1$. То есть $\frac{\partial z}{\partial x} \neq \frac{\partial z}{\partial y}$ при любых значениях переменных x и y . Поэтому, главным образом, будем пользоваться формулой 1: $z = \frac{y}{x}$, а не формулой 2.

Построим поверхность напряжения личности в согласии с формулой 1.

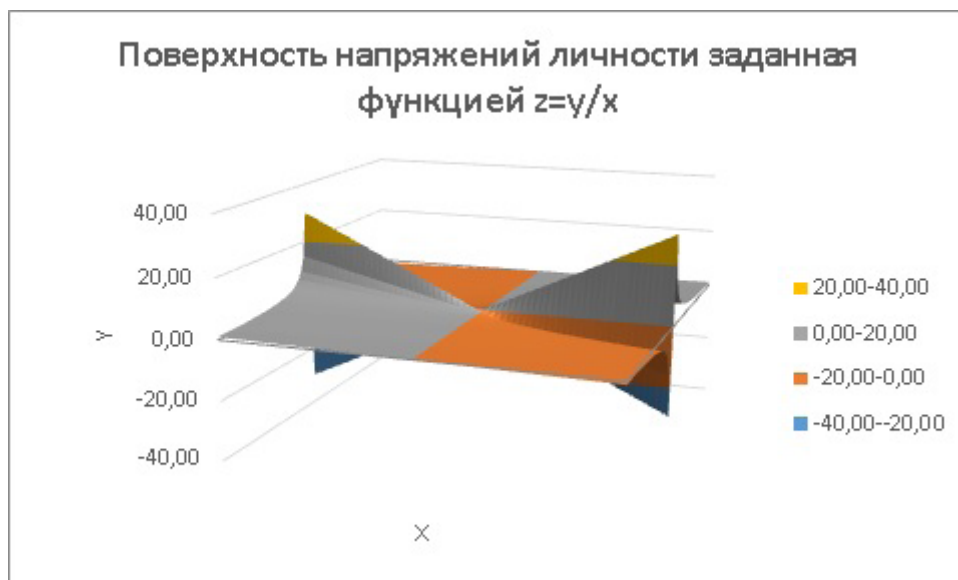

Рисунок 2 – Поверхность удовлетворения (напряжения), заданная уравнением: $z = \frac{y}{x}$, где z – уровень удовлетворения, x – действительное – то, что есть; y – желаемое – то, что надо ($D_x \in [-3 \dots 3]$; $x \neq 0$; $D_y \in [-3 \dots 3]$; $E_z \in [0 \dots 30][0 \dots -30]$).

Picture 2 – The surface of satisfaction (tension) defined by the equation: $z = \frac{y}{x}$, where z is the level of satisfaction, x is the real – that is; y – desired – what you need ($D_x \in [-3 \dots 3]$; $x \neq 0$; $D_y \in [-3 \dots 3]$; $E_z \in [0 \dots 30][0 \dots -30]$).

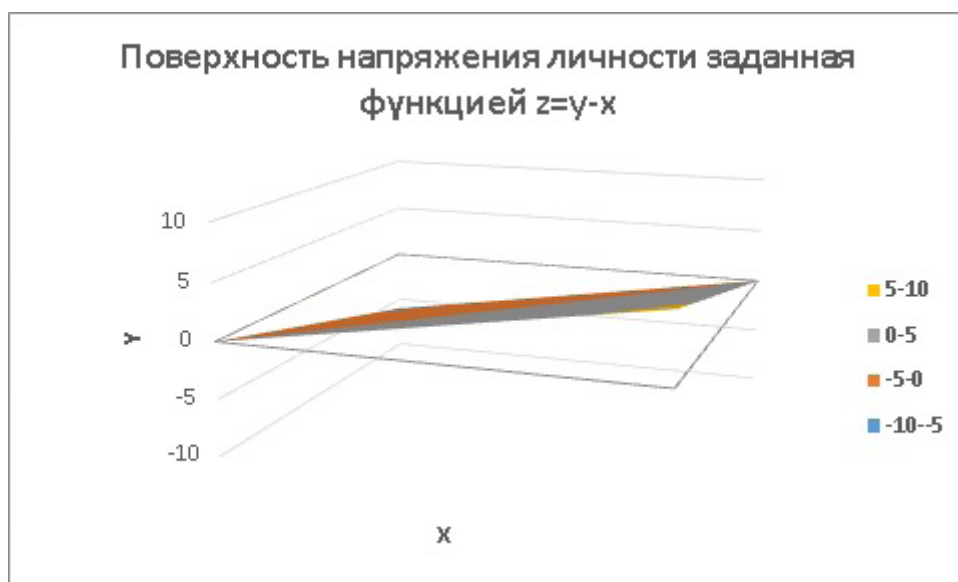

Рисунок 3 – Поверхность удовлетворения (напряжения), заданная уравнением: $z = y - x$, где z – уровень удовлетворения, x – действительное – то, что есть; y – желаемое – то, что надо ($D_x \in [-3 \dots 3]$; $x \neq 0$; $D_y \in [-3 \dots 3]$; $E_z \in [0 \dots 30][0 \dots -30]$).

Picture 3 – The surface of satisfaction (tension) defined by the equation: $z = y - x$, where z is the level of satisfaction, x is the real – that is; y – desired – what is needed ($D_x \in [-3 \dots 3]$; $x \neq 0$; $D_y \in [-3 \dots 3]$; $E_z \in [0 \dots 30][0 \dots -30]$).

Из графиков функций, представленных на рисунках 1 и 2, очевидно, что активность личности по удовлетворению потребностей возрастает по мере неудовлетворенности, то есть с ростом личностного напряжения при прочих равных условиях. Точнее – она стремится к оптимуму.

Вернемся теперь к задаче о спросе и предложении на товар «преступление» в России в 2018 году, а именно к таблице 1. Возьмем средние цену и спрос на преступность: $\bar{P} = 6,2857$ лет лишения свободы; $\bar{Q} = 154325$ штук, откуда среднее напряжение в российском обществе относительно товаров преступления составило в 2018 году: $\bar{Z} = \bar{Q} \cdot \bar{P} = 154325 \cdot 6,2857 = 970041$ штук*лет лишения свободы или просто – криминологических вольт (КВ). Соответственно, сила тока преступности составила в среднем на вид преступлений 154 325 штук или

криминологических ампер (КА), а средняя цена вида преступлений составила 6,2857 лет лишения свободы или криминологических Ом (КО).

Можно посчитать напряжение по конкретным видам преступлений из той же таблицы. Возьмем, к примеру, кражи. Число зарегистрированных краж составило в 2018 году: 756 395 КА при сопротивлении (цене) краж, равном 2 КО. Следовательно, напряжение по кражам составило в России в 2018 году: $Z_{\text{краж}} = 2 \cdot 756395 = 1512790$ КВ. По разбоям: $Z_{\text{разбои}} = 8 \cdot 7474 = 59792$ КВ. То есть напряжение по кражам в 23,3 раза выше, чем по разбоям. Можно посчитать, во сколько раз напряжение по кражам выше, чем напряжение в среднем по преступности. Это можно делать, как включая кражи в общее среднее, так и исключая их оттуда.

Таблица 6.

Сводная таблица с показателями цены, спроса и напряжения в системе российского общества относительно товаров, приведенных в таблице 1

Table 6.

The summary table with indicators of price, demand and tension in the system of Russian society regarding goods, given in the Table 1

<i>P</i> <i>КО</i>	<i>Q</i> <i>КА</i>	<i>Z</i> <i>КВ</i>
15	8 574	128610
8	23 224	185792
8	7 474	59792
4	50 111	200444
2	756 395	1512790
2	215 036	430072
5	19 460	97300
<i>Суммарное напряжение</i>		2614800

Особо отметим, что уровень преступности, то есть спрос на товары «преступления», есть функция двух переменных: $Q = f(Z, P)$ вида: $Q = \frac{Z}{P}$, подобно тому как сила тока есть функция: $I = g(U, R)$ вида: $I = \frac{U}{R}$. Зная значение двух переменных, найдем третью.

Таким образом, геометрически уровень преступности (спрос преступности) есть поверхность в трехмерном пространстве, заданная простым уравнением: $Q = \frac{Z}{P}$. Такую поверхность легко построить вручную или задав поверхность функцией в ППП¹ Excel или другой подобной программе.

¹ ППП – прикладной программный пакет.

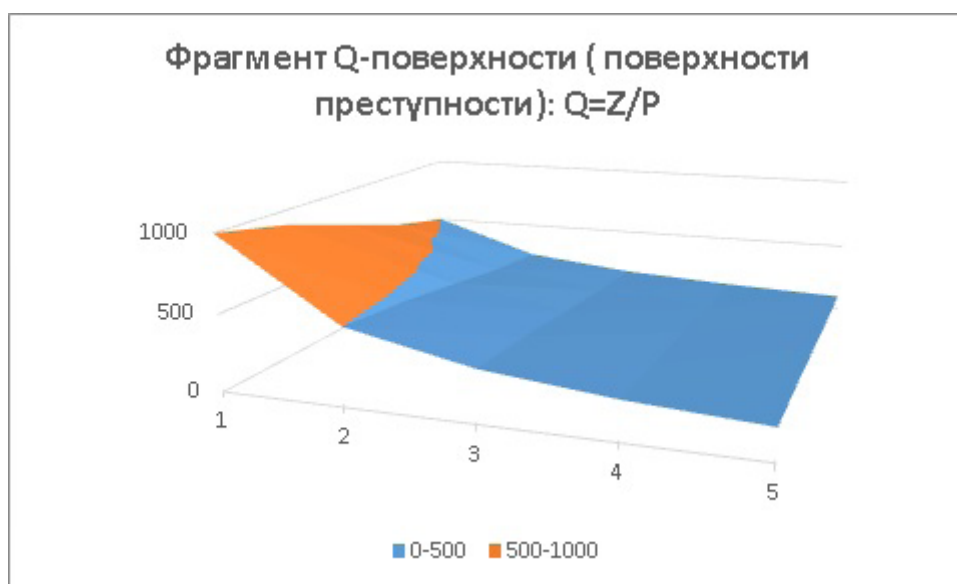

Рисунок 4 – Фрагмент Q -поверхности – поверхности преступности: $Q = \frac{Z}{P}$; $P \in [1...5]$, $Z \in [500...1000]$, $Q \in [100...1000]$

Picture 4 – The fragment of Q -surface – the surface of crime: $Q = \frac{Z}{P}$; $P \in [1...5]$, $Z \in [500...1000]$, $Q \in [100...1000]$

Таблица 7.

Фрагмент дискретных значений, снятых с непрерывной поверхности преступности, представленной на вышерасположенном рисунке

Table 7.

The fragment of discrete values taken from the continuous surface of crime, presented in the above figure

$Q \setminus Z \downarrow P \rightarrow$	1	2	3	4	5
1000	1000	500	333,33	250	200
900	900	450	300	225	180
750	750	375	250	187,5	150
600	600	300	200	150	120
500	500	250	166,667	125	100

Применение формулы $Q=Z/P$ и ее модификации.

Говоря о спросе на обычные товары, можно применять непосредственно формулу 1.1. Например, если потребность в молоке составляет 30 литров в месяц и у вас есть 30 литров молока, то $z = 0$, и при любой цене молока на рынке вы покупать молоко не будете, следовательно, спрос будет равен нулю. Если же у вас 0 литров молока, а потребность 30 литров, то $z = 30 - 0 = 30$, и спрос на молоко будет предъявляться в зависимости от потребности на молоко, но сдерживаться ценой молока, ценой товаров-заместителей, бюджетным ограничением, то есть R – это не простая рыночная цена, а некоторая агрегированная величина, сама являющаяся функцией от ряда переменных: $R = f(P, G, P_s)$, где P – цена товара, P_s – цены товаров-заместителей, G – бюджетное ограничение (скажем, размер пенсии или заработной платы, часть из которой вы можете

потратить на молоко). Если совокупная потребность в молоке стоит 30 литров х 55 рублей = 1650 рублей в месяц, а на молоко в месяц вы можете выделить только 1000 рублей, то реально приобрести вы сможете только $1000/55=18$ литров молока вместо желаемых 30-ти. Удовлетворенный спрос на молоко составит 18 литров, а неудовлетворенный 12 литров. Следовательно, в денежном выражении можно записать: $Q = 1650/1000 = 33/20 = 1,65$, а в количественном товарном: $Q = 30/18 = 1,67$. Как видно, для интерпретации эти формулы не удобны и нужно модифицировать формулу 1.1, вычитая единицу: $Q=z/R-1$ (формула 1.11). Тогда для нашего примера имеем: $Q = 30/18-1 = 0,67$, или 67 %. То есть спрос на молоко в месяц составляет 67 % от потребности с учетом сопротивления (цены товара и бюджетного ограничения), или в денежном выражении: $Q=1650/1000-1=0,65$, или 65% от потребно-

сти. Разность в спросе между товарной и денежной формами представления объясняется в данном случае ошибками округления.

Теперь вернемся к товару «преступление». Цена товара «преступление» у нас была выражена в годах лишения свободы, и ее следует перевести в денежный эквивалент. Согласно главному закону уголовной политики – закону возрастающей предельной полезности уголовных наказаний, цена товара особенно высока для тех, кто никогда не был наказан реальным уголовным наказанием, и является субъективной оценкой. По сути, лишение свободы может быть полностью неприемлемо для данного физического лица, и тогда, сколь бы высоким не было напряжение данной личности, спрос на преступление предъявляться не будет, и можем воспользоваться для измерения спроса простой и немодифицированной формулой № 1.1: $Q = z/\infty = 0$. В данном случае $R = \infty$. С другой стороны, для рецидивистов, неоднократно отбывавших реальные уголовные наказания, согласно закону возрастающей предельной полезности уголовных наказаний, сопротивление стремится к нулю и спрос на преступления является достаточно высоким. В данном случае также удобно модифицировать формулу 1.1 и в левой части уравнения ставить вероятность приобретения товара «преступление»: $B_Q = 1 - \left(\frac{z}{R}\right)^{-1}$ (формула 1.12). Например, если неудовлетворенная потребность составляет 20 единиц, а сопротивление равно 0,01, то получим вероятность совершения преступлений:

$$B_Q = 1 - \left(\frac{20}{0,01}\right)^{-1} = 0,9995$$

Невероятность совершения преступления данным физическим лицом: $B_Q = 1 - 0,9995 = 1/2000 = 5 \cdot 10^{-4}$. Следовательно, шансы совершения преступления данным физическим лицом составляют:

$$\frac{B_Q}{B_Q} = \frac{0,9995}{5 \cdot 10^{-4}} = \frac{1999}{32} \sim 62,5 \text{ к одному.}$$

С другой стороны, если для данного физического лица сопротивление равно 100 КО, а напряжение равно 100 КВ, то по формуле 1.12 получим:

$$B_Q = 1 - \left(\frac{z}{R}\right)^{-1} = 1 - \left(\frac{100}{100}\right)^{-1}$$

То есть умышленно в данном случае преступление совершаться не будет, поскольку вероятность умышленного преступления со стороны данного физического лица равна нулю. Однако если уровень напряжения поднимется, скажем, до 1000, а сопротивление не изменится, то получим высокую вероятность совершения преступления:

$$B_Q = 1 - \left(\frac{z}{R}\right)^{-1} = 1 - \left(\frac{1000}{100}\right)^{-1} = 0,9.$$

Соответственно, вероятность совершения преступления составит: $B_Q = 1 - 0,9 = 0,1$ и шансы

совершения преступления данным физическим лицом равны $\frac{B_Q}{B_Q} = \frac{0,9}{0,1} = 9$ к одному.

4. Выведем фундаментальную формулу для напряжения с учетом ранее полученных по эмпирическим данным результатов. Ранее мной была получена зависимость между спросом на товар «преступление» и ценой преступлений: $\hat{Q} = \alpha P^{-\beta}$, однако это лишь часть фундаментальной зависимости в реалии, определяющей спрос на преступность. Действительно, цена (сопротивление) нелинейно снижает спрос на преступления, но существует и фактор, который наращивает спрос, и он должен быть включен в фундаментальную формулу спроса на товары «преступления». Нам уже известно, что напряжение определяется формулой: $Z = QP$, но нам известна и формула для спроса в зависимости от цены: $Q = \alpha P^{-\beta}$. Следовательно, можно записать: $Z = \alpha P^{1-\beta}$, откуда, упрощая, получим: $Z = P^{1-\beta} \alpha$.

Зная уравнение спроса на преступность в России для 2018 года: $\hat{Q} = \frac{1,189 \cdot 10^6}{P^{2,07838}}$, легко определить уровень общественного напряжения, вызвавший данную величину спроса наряду с ценами на товары «преступления»: $\alpha = 1,189 \cdot 10^6$; $\beta = -2,07838$ и, следовательно, для 2018 года имеем: $Z = P^{1-\beta} \alpha = P^{1-2,07838} \cdot 1,189 \cdot 10^6$. Дальнейшие рассуждения тривиальны, поскольку в нашем распоряжении имеется таблица 1 с исходными данными о ценах зарегистрированных преступлений. Например, для грабежей получим нижеследующий результат вычислений: $Z_{\text{грабежи}} = 4^{1-2,07838} \cdot 1,189 \cdot 10^6 = 2,666 \cdot 10^5$ Кв. Видно, что этот результат немного отличается от ранее полученного в таблице 6.

Обсуждение и заключения

Результатом проведенных вычислений стали следующие выводы:

1. Общий закон спроса на товар «преступление» для любых государств в любое историческое время описывается уравнением: $Q = \alpha P^{-\beta}$ либо фундаментально: $Q = Z/P$ или $Q = Py/x$; то есть уровень преступности (спрос на товар «преступление» (Q)) сильно и положительно зависит от социального напряжения: Z (суммарно складывается из личностных напряжений), но сильно и отрицательно зависит от уровня цен (P) на товары «преступления» (уголовных наказаний), то есть является равнодействующей этих двух агрегированных сил при прочих равных условиях: $Q = Z/P$, что имеет чистый физический аналог: $I = U/R$, где I – сила тока, U – напряжение, R – сопротивление.

2. Закон предложения товаров «преступления» совпадает с законом их спроса, поскольку продавец и покупатель выступают в одном лице.

3. Цена товара «преступление» определяется по формуле: $P=Z/Q$.

4. Напряжение в системе определяется по формулам:
 $Z=QP$ или $z = \frac{P^2}{x} y$ или $Z=P^{1-\beta} \alpha$.

5. Мощность, с которой действует личность на рынках преступности, описывается формулой:

$$w = \frac{P \cdot y^2}{x^2}.$$

6. Точка оптимума удовлетворения достигается при равенстве предельных норм желаемого и действительного: $\frac{\partial z}{\partial x} = \frac{\partial z}{\partial y} \Rightarrow \frac{y}{x^2} = \frac{1}{x}$. То есть равенство предельных полезностей желаемого и действительного возможно лишь тогда, когда $y = 1$ и $x = 1$. Подставляя, имеем:

$$\frac{\partial z}{\partial x} = \frac{\partial z}{\partial y} \Rightarrow \frac{1}{1^2} = \frac{1}{1} = 1 \Rightarrow \frac{\partial z}{\partial x} = \frac{\partial z}{\partial y} = 1.$$

7. Геометрически уровень преступности (спрос преступности) есть поверхность в трехмерном пространстве, заданная функцией (законом): $Q=Z/P$.

8. Формулу $Q=Z/P$ удобно модифицировать для практических целей в двух вариантах:

$$1) Q = \frac{z}{R} - 1; 2) B_Q = 1 - \left(\frac{z}{R}\right)^{-1}.$$

9. С учетом формулы спроса преступности от цены получено уравнение напряжения: $Z = P^{1-\beta} \alpha$, позволяющее оценивать уровень напряжения в социально-правовых системах, зная уравнение спроса на товары преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ольков С.Г. О разъяснении природы уголовно-правовых отношений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т.10. № 2 (26). С. 128- 142. DOI: 10.24420/ KUI.2019.11.33.002
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 115, 123-124.
3. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: пер. с англ. / сост., науч. ред., послесл. Р.И. Капелюшников; предисл. М.И. Левин. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 293-297.
4. Ольков С.Г. Доказательство закона возрастающей предельной полезности уголовных наказаний и инверсии субъекта в функциях совокупной и предельной полезности этих наказаний. Законы спроса и предложения преступности // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2017. № 3. С. 14-32.
5. Гилинский Я.И. Наказание как результат недомыслия // Неволя. 2017. Т.52. С. 58-67. URL: <http://index.org.ru/nevol/2017-52/04-52- gilinski.html> (дата обращения: 26.04.2019).

REFERENCES

1. Ol'kov S.G. O raz'yasnenii prirody ugovolno-pravovyh otnoshenij // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. T.10. № 2 (26). S. 128- 142. DOI: 10.24420/ KUI.2019.11.33.002
2. Bekkaria CH. O prestupleniyah i nakazaniyah / sost. i predisl. V.S. Ovchinskogo. M.: INFRA-M, 2004. S. 115, 123-124.
3. Bekker G.S. SChelovecheskoe povedenie: ekonomicheskij podhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii: per. s angl. / sost., nauch. red., poslesl. R.I. Kapelyushnikov; predisl. M.I. Levin. M.: GU VSHE, 2003. S. 293-297.
4. Ol'kov S.G. Dokazatel'stvo zakona vozrastayushchej predel'noj poleznosti ugovolnyh nakazaniy i in-versii sub"ekta v funkciyah sovokupnoj i predel'noj poleznosti etih nakazaniy. Zakony sprosa i predlozheniya prestupnosti // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region. 2017. № 3. S. 14-32.
5. Gilinskij YA.I. Nakazanie kak rezul'tat nedomysliya // Nevolya. 2017. T.52. S. 58-67. URL: <http://index.org.ru/nevol/2017-52/04-52- gilinski.html> (data obrashcheniya: 26.04.2019).

Об авторе: Ольков Сергей Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
e-mail: olkovsg@mail.ru
© Ольков С.Г., 2019.

Статья получена: 01.07.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

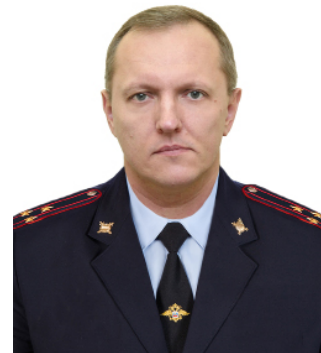
About the author: Ol'kov Sergey G., Doctor of Legal Sciences (Dr. habil.), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and the Criminal Process of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)
e-mail: olkovsg@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Л.В. Карнаушенко

**РОЛЬ МЕТАФИЗИКИ ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ
ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ**

**THE ROLE OF METAPHYSICS OF LAW IN MODERN
PHILOSOPHICAL AND LEGAL DISCOURSE**

Введение: предметом исследования в статье выступают метафизически ориентированные теории естественного права и их место в общей системе философии права. Необходимость переосмысления роли метафизики права в философско-правовом дискурсе определяется возрастающим интересом к теоретическим положениям естественного права и системным влиянием теории естественного права на позитивно-правовые учения. Это позволяет рассматривать метафизику права в качестве неотъемлемого компонента философско-правового дискурса.

Материалы и методы: определение роли философии права в системе современного философско-правового дискурса предполагает широкое применение диалектического метода анализа развивающихся социокультурных систем. Диалектический метод применяется к рассмотрению факторов взаимной обусловленности естественно-правовых и позитивно-правовых учений. Наиболее показательной такая связь является в контексте полемики между данными подходами в системе аналитической философии права.

Результаты исследования: рассмотрение метафизико-правовых учений в контексте диалектической модели саморазвития идеи права ставит проблему определения их конкретной роли в данном процессе. В частности, для адекватного понимания современных теорий естественного права возникает необходимость в отказе от их интерпретации в контексте классической метафизики права. Обосновывается необходимость рассмотрения современных теорий естественного права в качестве диалектической пары теории позитивного права.

Обсуждение и заключения: возрождение теории естественного права, рассмотренное в контексте диалектического подхода, позволяет сделать вывод, что современное состояние философско-правового дискурса можно определить как период синтеза теорий естественного и позитивного права, что указывает на необходимость снятия противоречия между ними.

Ключевые слова: метафизика, право, философско-правовой дискурс, идеализм, мораль

Для цитирования: Карнаушенко Л.В. Роль метафизики права в современном философско-правовом дискурсе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 277-282. DOI: 10.24420/KUI.2019.41.37.003

Introduction: the subject of research is metaphysically oriented theories of natural law and their place in the general system of legal philosophy. The need to rethink the role of metaphysics of law in the philosophical and legal discourse is determined by the increasing interest in the theoretical propositions of natural rights and the systemic influence of the theory of natural law on positive legal teachings. This allows us to consider the metaphysics of law as an integral component of the philosophical and legal discourse.

Materials and Methods: defining the role of the philosophy of law in the system of modern philosophical and legal discourse implies a wide application of the dialectical method of analysis of developing socio-cultural systems. The dialectical method is applied to the consideration of the factors of the mutual dependence of natural-law and positive-legal doctrines. Such a connection is most illustrative in the context of the controversy between these approaches in the system of the analytical philosophy of law.

Results: consideration of metaphysical and legal doctrines in the context of the dialectical model of self-development of the idea of law poses the problem of determining their specific role in this process. In particular, for an adequate understanding of modern theories of natural law, there is a need to abandon their interpretation in the context of classical metaphysics of law. The necessity of considering the modern theories of natural law as a dialectical pair of the theory of positive law is substantiated.

Discussion and Conclusions: the revival of the theory of natural law considered in the context of the dialectical approach allows us conclude that the current state of the philosophical and legal discourse can be

defined as a period of synthesis of theories of natural and positive law, which indicates the need to remove the contradiction between them.

Key words: metaphysics, law, philosophical and legal discourse, idealism, moral

For citation: Karnaushenko L.V. The role of metaphysics of law in modern philosophical and legal discourse // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 3. P. 277-282. DOI: 10.24420/KUI.2019.41.37.003

Введение

Философия права является высшей формой теоретической рефлексии над сущностными основаниями права как регулятора социальных взаимоотношений. Конкретная правовая сфера испытывает необходимость в самоопределении через философию права как более высокую ступень правосознания. Сама же философия права осуществляет свое бытие посредством диалектического развертывания правовой дискуссии в истории человечества. В настоящей статье определяется целесообразность рассмотрения метафизики права в качестве необходимого и системного условия для осуществления полноценной философско-правовой дискуссии. Автор считает, что одной констатации априорной значимости метафизики права для философско-правового дискурса еще недостаточно для определения способа ее включенности в пространство философско-правовой мысли. Так, «метафизическая составляющая» правовой реальности может быть включена в различные теоретико-методологические контексты, определяющие структуру интерпретационной модели для понимания общетеоретических правовых проблем, а также выступающие основанием для принятия конкретных решений в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Подобный взгляд позволяет по-новому оценить актуализацию естественно-правовых тенденций в современном пространстве философско-правовой мысли. Благодаря включенности философии естественного права в современные эпистемологические контексты, такие как система теоретико-методологических принципов аналитической философии, можно заметить возрождение интереса к теориям естественного права. Вслед за этим возрастает роль метафизики права, происходит ее реактуализация, благодаря чему конкретизируются точки соприкосновения с теорией позитивного права, а также принципиальные позиции разногласия между ними. Подобная рецепция естественного права и метафизической правовой парадигмы приводит к ситуации неопределенности онтоэпистемологического статуса метафизики права. Вслед за этим конкретная сфера юриспруденции нуждается в формировании определенного научно обоснованного подхода к данному вопросу и не может

переместить данную проблематику в область мировоззренческих оснований, формируемых индивидуально или даже стихийно у каждого конкретного правоведа. Все это обуславливает необходимость определения роли метафизики права в современном философско-правовом дискурсе.

Обзор литературы

Основу источниковой базы для философии естественного права составляют такие фундаментальные произведения, как «Мораль права» Л. Фуллера, а также «Естественное право и естественные права» Дж. Финниса [1, 2]. Данные произведения, с одной стороны, можно рассматривать как реакцию на ситуацию недооценки морального аргумента в интенсивно развивающейся аналитической юриспруденции, формирование которой происходит на базе методологических принципов позитивного права [3, 4, 5]. С другой стороны, можно судить о том, что возрождение естественного права, предпринятое Фуллером и Финнисом, порождает соответствующую реакцию в традиции юспозитивизма [6, 7, 8]. Таким образом, многие идеи, традиционно относящиеся к метафизике права, находят отражение в критических исследованиях на базе естественно-правовой позиции. Это определяет формирование группы источников, возникших как в рамках критики отдельных положений метафизики права (Харт, Раз), так и в рамках самой школы естественного права. Вместе с этим возрастает интерес исследователей к философско-правовой проблематике во всем мире, в том числе и в России (В.С. Нерсисянц, С.Н. Касаткин, В.В. Оглезнев, М.В. Антонов, А.Б. Дидикин, Л.И. Петражицкий, П.С. Гуревич и др.). Таким образом, можно сделать вывод, что общее содержание теории естественного и позитивного права получает серьезное отражение как в фундаментальных произведениях философов права, так и в исследовательской литературе.

Материалы и методы

В настоящем исследовании концепт роли метафизики права в современном философско-правовом дискурсе рассматривается как основание актуальной и открытой теоретической проблемы. Мы исходим из того, что концептуальная определенность на данном уровне философско-правовой рефлексии имеет системное значение для всей последующей логики развития теории права. В связи

с этим данный аспект философско-правового дискурса нуждается в самостоятельном исследовании. Мы полагаем, что изначальное отношение к метафизике права, определяющее интерес к данной области, следует рассматривать не только с позиции непосредственных участников философско-правового дискурса, но и с позиции логики развития самого философско-правового дискурса как объективного процесса. Попытки теоретического осмысления современного состояния метафизики права, рассматриваемой в сложной системе взаимоотношения с теориями позитивного права, определяет целесообразность применения диалектической методологии. Поскольку речь идет об исследовании метафизики права в отношении взаимной обусловленности со стороны противоположных теоретико-правовых тенденций, настоящее исследование формируется вокруг теоретической дискуссии между современными теориями естественного и позитивного права. Полемика между данными концептуальными подходами в системе аналитической философии права, а также ее последующее отражение в критической литературе составляет основной материал исследования.

Результаты исследования

В статье мы обосновываем целесообразность теоретического рассмотрения метафизической традиции философии права не только в качестве одной из исторических форм философии права, но и в качестве необходимого участника философско-правового дискурса в современности.

В качестве исходного пункта исследования отмечается, что метафизика права, как специфический тип правопонимания, получает свое выражение в теориях естественного права. В настоящее время многими исследователями философии права отмечается «возрождение естественного права» [3, 6, 9]. В связи с этим современное состояние естественного-правовых учений представляет теоретический интерес в свете необходимости прояснения оснований реактуализации реализуемой в них парадигмы правопонимания.

Важный шаг на пути определения общего теоретического статуса естественного-правовых учений состоит во включении их в диалектический контекст. В соответствии с этим подходом присутствие данных теорий в системе философско-правового дискурса является необходимым условием диалектического самоопределения понятия права. При этом теоретические подходы естественного и позитивного права, взятые по отдельности, проявляют себя в качестве абстрактных и конечных моделей правопонимания.

Существенным теоретическим достижением в результате применения диалектического подхода

к состоянию современного философско-правового дискурса является установление обратной зависимости между степенью разработанности рассматриваемых подходов к праву и их самоопределением в качестве конкретного знания. Конечность и ограниченность данных подходов не преодолевается по мере разработки и систематизации заложенных в них концептуальных оснований. Напротив, имеет место обратная ситуация: по мере разработки каждого из подходов осуществляется его исчерпание и актуализируется противоположная модель правопонимания. Данное обстоятельство усиливает теоретические позиции диалектического подхода к аналитике исторически развивающегося философско-правового дискурса.

Преодоление абстрактности естественно-правового подхода происходит поэтапно, в том числе и посредством его отрицания. Редукция метафизики права к исторической форме постановки и развития правовой проблематики является частью традиции преобразования социально-гуманитарного познания на базе позитивистской методологии научного познания. Так, классический позитивизм определяет метафизический тип философии в качестве одного из этапов развития общечеловеческого познания, который уже пройден и к которому не следует возвращаться [10, с. 9]. Это, в свою очередь, негативным образом сказывается не только на отношении к философии права, чье формирование происходит в идейном русле естественного права, но и на отношении к теории позитивного права. В результате возникает реакция со стороны теории естественного права, усиливается критика конечности позитивно-правовых учений и обнаруживаются новые стратегии развития метафизики права. В частности, наряду с трансцендентной метафизикой права формируется имманентная метафизика права, определяющая аксиологическое содержание права как феномена культуры [2].

Применение диалектического подхода к развитию философии права позволяет существенно переосмыслить роль каждого из подходов. Делается вывод, что открытая теоретическая дискуссия не может считаться полноценной без наличия ее основных участников. В системе философии права, как и в других отраслях знания, подобный теоретический дискурс всегда является многоуровневым явлением. В первую очередь следует различать личностный и надличностный уровень осуществления теоретической дискуссии. В первом случае речь идет о столкновении способов концептуального освоения действительности на индивидуализированном уровне отражения реальности. Для сторонних наблюдателей, как правило, данный уровень теоретического дискурса доступен через полемику между

отдельными мыслителями, защищающими те или иные взгляды. Следует заметить, что редукция научного или философского спора к эгоистическим основаниям, связанным с необходимостью во что бы то ни стало доказать состоятельность занимаемой позиции, отражает лишь один из возможных психологических мотивов, существенно принижает роль самого содержания теоретического дискурса. Однако это наиболее простой взгляд на теоретическую дискуссию, если субъектами данной дискуссии считать именно единичных мыслителей. В истории философской мысли концепция надындивидуальной субъективности не является инновацией, впервые появившись уже в античной классике [8]. Так, уже у Платона идеи трактуются как в высшей степени живые сущности, специфическим образом управляющие предметной реальностью. При этом идея, взятая как абстракция, есть достояние человеческого ума, по сути как один из способов конечного отражения идеи. Итак, вторым уровнем теоретической дискуссии является столкновение самих идей, которые вовлекают в дискурс участников, формируя в их сознании то или иное мировоззрение.

Восприятие теоретической дискуссии в качестве способа коммуникации между самими идеями, общими теориями, системами мысли (парадигмами) позволяет понять, что не может быть состоятельной критики какой-либо теоретической системы, реализованной с позиции отдельного мыслителя. Теоретическую систему способна критиковать только иная теоретическая система, проявляющаяся в деятельности отдельных мыслителей. Так, на субъективном уровне отчетливо проявляется противостояние конкретных мыслителей (хрестоматийный пример – полемика между Хартом и Фуллером), тогда как на общетеоретическом уровне участниками дискуссии становятся уже правовые теории, восходящие к тем или иным правовым концепциям и сформированные в русле определенной парадигмы. Перенесение проблематики на уровень теоретического обобщения, при котором способ развития и общее содержание дискурса определяется с объективистских оснований, ориентирует научное познание на выявление инвариантных структур данного дискурса. Диалектическую модель исследования в этом смысле можно понять как развернутую систему, интегрирующую отдельные теоретические подходы в одно целое [12]. Ее применение к истории развития философии права нацелено на выявление взаимообуславливающих связей между концептуальными подходами, а также преодоление односторонней оценки каждого из них.

Обсуждение и заключения

Теоретическая задача, направленная на установление роли метафизики права в современном фило-

софско-правовом дискурсе (несмотря на надысторичность самой метафизики права), подразумевает ряд практических оснований актуальности. В частности, каждая отдельная гипотеза, определяющая место метафизики права в системе правовой реальности и правовой мысли, обладает существенным герменевтическим потенциалом, который может быть реализован как в теоретической, так и практической сфере. Поэтому недостаточно ограничиться суждением о высокой роли метафизики права в системе правопонимания – важно продвигаться в сторону качественного определения данной роли.

В настоящем исследовании приоритетную роль мы отводим диалектической модели познания как способу интерпретации исторически развивающегося противостояния теории естественного и позитивного права. Однако следует признать, что данный подход не является единственным. Так, в современном пространстве философско-правовой мысли набирает популярность концепция интегративного правопонимания как способа объединения теоретических достижений естественного и позитивного права [13, с. 91]. Применение диалектической методологии к обобщению содержания философско-правовой дискуссии между естественным и позитивным правом обусловлено тем, что данный подход более всего подходит для описания развивающихся систем, содержащих в себе элементы, находящиеся в отношении противоречия. Таким образом, если вообще возможно говорить о философско-правовом дискурсе в целом, то есть как о едином процессе, то это возможно лишь в рамках диалектического подхода. Данному подходу сложно противопоставить какую-либо частную модель правопонимания, в силу того что она априори будет подвергнута диалектическому снятию, частная модель правопонимания найдет свое место во всеобщей логике развития права как идеи. Диалектическое обобщение философско-правового дискурса, таким образом, является способом рассмотрения философии права, является парадигмой, вопрос о достоверности которой выходит за рамки исследования. Антитезисом диалектического подхода можно считать плюралистический подход к праву, отрицающий единство историчности права, а также общее и универсальное содержание понятия права [14, с. 25]. В силу этого нельзя не признать, что неустранимая гипотетичность всей предметной сферы философии права допускает существование альтернатив диалектики в описании истории философии права, а также в определении современного значения метафизики права. Однако такой подход остается вне целостного рассмотрения философско-правового дискурса.

Важным аргументом в пользу применения диалектического подхода к анализу современного состояния метафизики права является то, что именно в системе диалектики метафизический подход утрачивает собственную односторонность и абстрактность. Применяя данную модель к конкретной исторической ситуации, мы получаем теоретическую базу для определения перспектив развития философии права после преодоления (снятия) противоречия между противоположными

тенденциями. В этом смысле современное состояние философско-правового дискурса можно определить как период синтеза теорий естественного и позитивного права, что указывает на необходимость снятия противоречия между ними, а также на определение инобытия результата данного синтеза. Последнее видится перспективным направлением дальнейшего исследования в системе философии права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуллер Л.А. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. М.: ИРИС ЭН, 2007. 308 с.
2. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012. 554 с.
3. Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 244 с.
4. Оглезнев В.В. Аналитическая философия права: новый подход к решению старых проблем // Философия права. 2010. № 5. С. 7-10.
5. Бикс Б. О философии в американском праве: аналитическая философия права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С.211-218.
6. Оглезнев В.В. Переосмысление и новая интерпретация дискуссий между Г.Л.А. Хартом и Л.Л. Фуллером и их значение для аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С.55-59.
7. Антонов М.В. Об основных элементах чистого учения г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 169-196.
8. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. 2-е изд. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
9. Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Schole (СХОЛЭ). 2014. № 2. С.418-424.
10. Рудковский В.А. Позитивизм и естественное право (философия права) в контексте современного правопонимания // Философия права. 2008. № 5. С. 9-16.
11. Плотников В.В. Надындивидуальный субъект, как категория социально-гуманитарного познания // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность: межвузовский сборник научных трудов. Краснодар, 2018. С. 159-161.
12. Гришай Е.В., Плотников В.В. Интегративные тенденции в методологических установках социально-гуманитарного познания: социально-философский анализ на примере исследования феноменологических оснований историзма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 4 (34). С. 126-130.
13. Палеха Р.Р. От монистических концепций правопонимания к интегративным // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 2. С. 91-95.
14. Оль П.А. Плюрализм правопонимания и необходимость выработки единого понятия права: некоторые вопросы юридической гносеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 1. С. 25-30.

REFERENCES

1. Fuller L.A. Moral' prava / per. s angl. T. Danilovoj; pod red. A. Kuryaeva. M.: IRIS EN, 2007. 308 s.
2. Finnis Dzh. Estestvennoe pravo i estestvennye prava. M.: IRISEN; Mysl', 2012. 554 s.
3. Didikin A. B. Analiticheskaya filosofiya prava: istoki, genezis i struktura. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2016. 244 s.
4. Ogleznev V.V. Analiticheskaya filosofiya prava: novyj podhod k resheniyu staryh problem // Filosofiya prava. 2010. № 5. S. 7-10.
5. Biks B. O filosofii v amerikanskom prave: analiticheskaya filosofiya prava // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2013. № 2 (22). S.211-218.
6. Ogleznev V.V. Pereosmyslenie i novaya interpretaciya diskussij mezhdru G.L.A. Hartom i L.L. Fullerom i ih znachenie dlya analiticheskoy filosofii prava // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 330. S.55-59.
7. Antonov M.V. Ob osnovnyh elementah chistogo ucheniya g. Kel'zena o prave i gosudarstve // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2013. № 4. S. 169-196.
8. Kel'zen G. CHistoe uchenie o prave / per. s nem. M.V. Antonova i S.V. Lyozova. 2-e izd. SPb.: Izdatel'skij dom «Alef-Press», 2015. 542 s.
9. Didikin A.B. Sovremennye teorii estestvennogo prava i klassicheskaya tradiciya // Schole (SKHOLE). 2014. № 2. S.418-424.

10. Rudkovskij V.A. Pozitivizm i estestvennoe pravo (filosofiya prava) v kontekste sovremennogo pravoponimaniya // *Filosofiya prava*. 2008. № 5. S. 9-16.
11. Plotnikov V.V. Nadyndividual'nyj sub"ekt, kak kategoriya social'no-gumanitarnogo poznaniya // *Aktual'nye voprosy sociogumanitarnogo znaniya: istoriya i sovremennost': mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Krasnodar, 2018. S. 159-161.
12. Grishaj E.V., Plotnikov V.V. Integrativnye tendencii v metodologicheskikh ustanovkah social'no-gumanitarnogo poznaniya: social'no-filosofskij analiz na primere issledovaniya fenomenologicheskikh osnovanij istorizma // *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2016. № 4 (34). S. 126-130.
13. Palekha R.R. Ot monisticheskikh koncepcij pravoponimaniya k integrativnym // *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 2010. № 2. S. 91-95.
14. Ol' P.A. Plyuralizm pravoponimaniya i neobhodimost' vyrabotki edinogo ponyatiya prava: nekotorye voprosy yuridicheskoy gnoseologii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2005. № 1. S. 25-30.

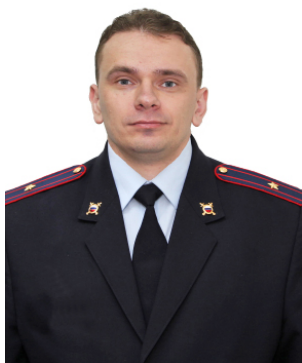

Об авторе: Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России
e-mail: karnl@mail.ru
© Карнаушенко Л.В., 2019.

Статья получена: 19.03.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the author: Karnaushenko Leonid V., Doctor of History (Dr. habil.), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of MIA of Russia
e-mail: karnl@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

А.В. Курсаев, А.Ю. Терехов

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УЧЕТА ЭТИЧЕСКИХ ПРАВИЛ
ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ**

**ON SOME ISSUES OF ETHICAL RULES IN THE DESIGN
OF CRIMINAL LAW**

Введение: в статье представлены результаты анализа учета этических правил процессуальной осуществимости уголовного преследования при криминализации общественно опасных деяний в уголовном праве.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составил Уголовный кодекс РФ (УК РФ). Методологической основой послужили диалектико-материалистический метод познания и основанные на нем общенаучные и частные методы исследования (анализ, синтез, логико-юридический, сравнительно-правовой методы).

Результаты исследования: на основе анализа научной литературы и материалов судебной практики рассмотрен вопрос взаимодействия уголовного права и морали при установлении и реализации уголовно-правового запрета.

Обсуждение и заключения: в статье приведен комплексный анализ учета этических правил при конструировании состава преступления.

Ключевые слова: криминализация, уголовно-правовой запрет, уголовное преследование, нравственность

Для цитирования: Курсаев А.В., Терехов А.Ю. О некоторых вопросах учета этических правил при конструировании уголовно-правовых норм // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 283-289. DOI: 10.24420/KUI.2019.75.12.004

Introduction: the article presents the results of the analysis of ethical rules of procedural feasibility of criminal prosecution in the criminalization of socially dangerous acts in criminal law.

Materials and Methods: the normative basis of the study is the Criminal Code of the Russian Federation. The methodological basis is the dialectical-materialistic method of cognition and general scientific and private research methods (analysis, synthesis, logical-legal, comparative-legal methods).

Results: on the basis of the analysis of scientific literature and materials of judicial practice the question of interaction of criminal law and morality in the establishment and implementation of criminal law prohibition is considered.

Discussion and Conclusions: the article presents a comprehensive analysis of the ethical rules in the construction of corpus delicti.

Key words: criminalization, criminal law prohibition, criminal prosecution, morality

For citation: Kursayev A.V., Terexov A.YU. On some issues of ethical rules in the design of criminal law // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 3. P. 283-289. DOI: 10.24420/KUI.2019.75.12.004 10.24420/KUI.2019.10.62.005

Введение

Право и мораль представляют собой разновидности социальных норм, которыми люди руководствуются в повседневной жизни. И нравственность, и мораль выступают в качестве регуляторов социального поведения. Нравственные нормы служат неформальным средством регулирования поведения людей и опираются на силу общественного мнения, в связи с этим они тесно связаны с укладом жизни общества, более тесно привязаны к его культуре.

При этом право и мораль направлены на достижение одних и тех же целей, связанных с упорядочиванием общественных отношений и поведения отдельных членов общества, внесением в социальную жизнь организующих начал. Мораль определяет ту социальную среду, которая обуславливает возникновение, существование и реализацию права.

Традиционно в отечественной правовой науке взаимодействие права и морали исследовалось в контексте правоприменения, когда изучалось влияние на общественные отношения уже сформулированных и вступивших в законную силу правовых норм. Однако законодатель не должен быть освобожден от учета этических норм и на стадии правотворчества, в частности, при формулировании уголовно-правового запрета.

Указанное положение является актуальным и в связи с тем, что предмет доказывания по каждому уголовному делу неразрывно связан с составом преступления, так как для привлечения к уголовной ответственности необходимо установить и доказать наличие каждого элемента состава преступления, а также доказать наличие или отсутствие обстоятельств, исключающих возможность привлечения к уголовной ответственности.

Обзор литературы

Проблемам взаимодействия нравственности и морали при установлении и реализации уголовной ответственности за отдельные преступления посвящены работы И.И. Карпеца [1], Р.Б. Осокина [2], С.В. Тасакова [3], а необходимость учета процессуальной осуществимости преследования при криминализации деяний затрагивалась в научных публикациях Г.А. Злобина [4], А.В. Иванчина [5] и С.А. Маркунцова [6].

Указанные работы в основном касались нравственных основ норм уголовного права и их конструирования. Однако в названных трудах отсутствует анализ влияния этических требований на обусловленные взаимодействием норм уголовного и уголовно-процессуального права общественные отношения, в частности, на проблемы конструирования состава преступления с учетом его доказуемости, что и предопределило предмет настоящего исследования.

Результаты исследования

Общественное сознание в идеале должно оценивать в качестве нравственных все уголовно-правовые запреты. При этом данное положение касается не только юридико-технической редакции норм уголовного права, но и способности обеспечить привлечение к уголовной ответственности за их нарушение разрешенными Уголовно-процессуальным кодексом РФ (УПК РФ) способами и средствами, не отвергаемыми моралью.

Как отмечает А.Д. Франк, «уголовное право способно подорвать нормы общественной нравственности, если оно становится в прямую оппозицию к нравственному закону и к самим законным влечениям человеческого сердца, а нравственность становится в опасности и разрушается уголовным правосудием, не имеющим твердых начал или руководимым ложными принципами» [7, с. 59 - 60].

Очевидно, что оптимальное построение уголовно-правового запрета обеспечивается не только соблюдением при его конструировании правил юридической техники, но и возможностью его реализации на практике. Охранительные уголовно-правовые отношения реализуются в рамках уголовно-процессуальных отношений, в связи с этим при создании уголовно-правовой нормы должны учитываться уголовно-процессуальные и криминалистические особенности процесса расследования и рассмотрения конкретной категории дел.

Следует признать правоту Г.А. Злобина и Б.С. Никифорова, которые отмечали, что уголовный закон, устанавливающий ответственность за определенный вид деяний, может быть практически функционален и достаточно эффективен лишь в том случае, если все предусмотренные уголовно-правовой нормой признаки состава преступления, как правило, нормально доказуемы [8, с. 224 - 253].

Статья 73 УПК РФ содержит обстоятельства, подлежащие доказыванию по каждому уголовному делу (предмет доказывания), которые характеризуют возможность наличия соответствующих элементов состава преступления (событие преступления, виновность лица, характер и размер вреда, причиненного преступлением) или их отсутствия (в силу обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния).

Это означает, что любой признак состава преступления должен быть так сформулирован, чтобы факт его существования в большинстве случаев мог быть обнаружен и доказан: а) с достаточной степенью достоверности, б) процессуально допустимыми действиями и в) без ущерба для морали и социально положительных межличностных связей людей [4, с. 232].

Учитывая изложенное, уголовно-правовой запрет следует устанавливать только при способ-

ности государственного аппарата обеспечить его практическую реализацию. Применимость уголовного закона следует рассматривать в качестве показателя его качества, так как вне процедуры и результатов применения уголовного закона судить о его эффективности невозможно.

Названные требования к криминализации деяния, безусловно, должны учитывать и «моральную» составляющую процесса доказывания. Применение норм права может повлечь вторжение в нравственную оценку уже устоявшихся жизненных отношений, спровоцировать конфликт морали и права. Игнорирование данного тезиса может привести к столкновению нормы права с общественным мнением и вызвать коллективное неприятие как самой правовой нормы, так и избранного способа доказывания. Нередко аморальные проступки людей вызывают в обществе большее осуждение, чем правонарушения или даже отдельные преступления. Может возникнуть ситуация, когда противоправное поведение человека «обеляется» безнравственными действиями по его установлению.

Соответственно, достоверность раскрываемости каждого преступления должна обеспечиваться в том числе тем, что:

1) деяние не может быть криминализовано, если его установление, оперативно-розыскное сопровождение и расследование невозможно без провоцирования со стороны виновного преступных действий. В силу статьи 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, то есть осуществлять провокацию.

Прецедентная практика Европейского суда по правам человека также исходит из того, что в любой негласной операции должно соблюдаться требование о проведении расследования в основном пассивным способом. Это, в частности, исключает любое поведение, которое может расцениваться как давление, оказанное на заявителя с целью совершения им преступления, такое как инициативный контакт с заявителем, повторное предложение к совершению преступления после первоначального отказа, настоятельные требования¹ либо провокация преступления действиями тайных полицейских агентов²;

2) доказывание криминализуемого деяния не должно быть поставлено в зависимость от наличия обвинительных показаний членов семьи и близких родственников самого обвиняемого. Недаром статья 56 УПК РФ определяет перечень лиц, которые не подлежат допросу в качестве свидетелей, а также позволяет отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников;

3) не допустима криминализация также того преступления, в котором в качестве единственного возможного доказательства могут выступать только показывания заинтересованных лиц (например, сообщников совершения преступления, лиц, в интересах которого совершалось преступление). Иными словами, в процессе доказывания должен быть обеспечен выбор видов доказательств и средств доказывания, с тем чтобы обеспечить верифицируемость (проверяемость) каждого доказательства другим средством доказывания.

На моральную оценку процесса доказывания и выбор надлежащих правовых средств при уголовном преследовании также обращалось внимание и в зарубежном уголовном праве.

Так, К. Кенни отмечал, что при разрешении вопроса о возможности криминализации «вредоносного деяния» необходимо, чтобы это деяние было с достоверностью доказуемым, доказывание подобных деяний должно достигаться «без ущерба для неприкосновенности частной жизни и отношений доверия между близкими людьми», а вред от криминализуемого деяния должен быть значительно прямого и косвенного вреда, который неизбежно влечет за собой уголовное наказание [9, с. 27 - 29].

Великий итальянский гуманист и реформатор уголовного права Чезаре Беккариа в своей фундаментальной труде «О преступлениях и наказаниях» проблеме труднодоказуемых преступлений посвятил отдельный параграф (§ XXXI). Ч. Беккариа отметил, что «наказание за преступление не может быть признано справедливым (или, что то же, необходимым), пока для предотвращения последнего закон не употребил наилучшие средства, доступные нации при данных условиях» [10, с. 137].

При оценке этических правил процессуальной осуществимости уголовного преследования следует также учитывать, что нравственные начала зачастую регулируют те сферы человеческой деятельности, которые регулировать правом и устанавливать в них запреты достаточно затруднительно.

¹ Постановление Большой Палаты от 5 февраля 2008 года по делу «Раманаускас против Литвы»; постановления от 15 декабря 2005 года по делу «Ваньян против Российской Федерации», от 1 июля 2008 года по делу «Малинина против Литвы» и от 2 октября 2012 года по делу «Веселов и другие против Российской Федерации» // Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 июня 1998 года по делу «Тейшейра де Кастро против Португалии» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

но, например, сферу личной жизни. Достаточно сложно криминализировать общественно опасное деяние, характер которого таков, что установить его наличие возможно не на основе простого заявления или жалобы, а только в результате активного расследования по инициативе правоохранительных органов. В качестве фактора, препятствующего декриминализации общественно опасного деяния, следует рассматривать и его совершение преимущественно в частной жизни.

Указанные обстоятельства могут выступать в качестве причин, способствующих частичной декриминализации или депенализации преступного деяния.

В частности, статьей 134 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Субъект данного преступления – лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста. Принимая во внимание, что данное преступление затрагивает личную жизнь, а также учитывая его специфику, законодатель в примечаниях к данной статье предусмотрел как возможность освобождения от уголовной ответственности в случае вступления в брак с потерпевшей (потерпевшим), так и ограничение применения наказания в виде лишения свободы на определенный срок в случае, если разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и подсудимым (подсудимой) составляет менее четырех лет.

В то же время не освобождает от уголовной ответственности и не делает нравственным допустимой пунктом 2 статьи 13 Семейного кодекса РФ возможность вступления в брак до 16 лет, возможность чего реализована в законодательстве отдельных субъектов Российской Федерации (Республика Башкортостан, Тамбовская область). Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 21 октября 2008 г. № 568-О-О¹, указанная правовая норма исключает возможность квалификации по статье 134 УК РФ полового сношения лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, имевшего место только после регистрации их брака.

Трудность доказывания преступления может рассматриваться как вероятность невиновности. Опасность осудить невиновного возрастает, когда вероятность невиновности выше, чем вероятность виновности. Однако данное обстоятельство не означает, что в целях раскрытия преступления со следователя должно быть снято ограничение в применении приемов и методов, которыми он может руководствоваться при изобличении виновного. Сложность

процессуальной формы, как правило, обусловлена опытом человечества по обеспечению достоверности судебного следствия и установленных по его результатам фактов. И этот опыт подсказывает, что без сложной судебной процедуры и выполнения ее требований можно совершить немало ошибок.

Например, уголовным законом криминализовано причинение вреда здоровью, иные формы физического и психического насилия над человеком. Применение аналогичных способов в целях раскрытия таких преступлений, конечно же, не будет отвечать задачам, стоящим перед уголовным законодательством. Недопустимы и те действия, которые формально и не связаны с принуждением, но исходя из общей обстановки создают неоправданное насилие над личностью. В этих целях УПК РФ устанавливает запрет на производство следственного действия в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства (часть 3 статьи 164), а также предусматривает предельное время непрерывного проведения допроса – не более четырех часов (часть 2 статьи 187).

В связи с этим между уровнем обеспечения действенности уголовно-правовой нормы и сложностью процессуальной процедуры привлечения к уголовной ответственности существует взаимная коррелирующая связь.

В то же время сложность доказывания и невозможность доказывания – понятия абсолютно разные. Нельзя впадать и в иную крайность, объясняя сложностями доказывания отдельных признаков состава преступления необходимость декриминализации объективно общественно опасного деяния либо изменения элементов состава преступления в сторону его упрощения.

Следует согласиться с мнением А.В. Иванчина, что сложности доказывания того или иного признака, несущего в себе заряд общественной опасности, не могут служить решающим фактором в процессе конструирования состава преступления [5, с. 120].

Действительно, в уголовном законе существует большое количество норм, которые практически не применяются на практике. Данный феномен получил наименование «мертвых норм». По подсчетам М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина, в Особенной части УК РФ имеется 162 статьи, на долю каждой из которых приходится не более 0,01% использования [11, с. 159]. Редкое применение данных норм может быть обусловлено как объективными сложностями в их доказывании, так и искусственным «осложнением» элементов состава преступления.

Однако подход, при котором эффективность уголовно-правового запрета может оцениваться только исходя из количества зарегистрированных или совер-

¹ Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

шенных преступлений, страдает односторонностью видения проблемы. Уголовный закон является сложной динамической системой, и показатели оценки его качеств могут быть различны в зависимости от того, что мы оцениваем. Закон может подлежать оценке и как текстологический объект, и как элемент системы законодательства, рассматриваться как средство управления социальными процессами либо как показатель шкалы нравственности общества. Соответственно, и оценки достижения целевых показателей по каждому из этих направлений различны. Так, само по себе наличие уголовно-правового запрета выполняет важную информационную функцию и может предостеречь субъекта от нежелательного поведения.

Нравственность представляет собой социальную категорию, присущую конкретному обществу в определенный период времени. Безусловно, существуют определенные нравственные императивы, присущие любому человеческому социуму, вроде «категорического императива» Иммануила Канта. В то же время понятия морали и нравственности менялись, что оказывало влияние и на уголовное право.

Например, общество достаточно негативно относится к различному роду доносам и анонимкам. Данная проблема тесно связана с проблемой прикосновенности к преступлению, то есть к уголовно наказуемой причастности к преступлению, не находящейся с ней в причинной связи. Прикосновенность к преступлению может существовать в формах укрывательства, попустительства и недоносительства о преступлении.

Специфика прикосновенности к преступлению состоит в том, что «стороннее» лицо не выступает исполнителем или соучастником преступления, однако может оказать влияние на его совершение или процесс сокрытия. Поэтому общество, борясь с преступностью, вынуждено устанавливать ответственность и за отдельные виды прикосновенных преступлений. Границы данной ответственности могут меняться. Например, на момент вступления УК РФ ответственность была предусмотрена только за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (статья 174), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (статья 175) и за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (статья 316).

Однако негативные тенденции роста количественных показателей преступности и тяжести преступлений побудили законодателя криминализировать также несообщение о совершении преступления террористического характера (статья 205б УК РФ).

Изменение нравственного отношения общества к определенному явлению может вообще являться основанием для его криминализации.

Так, постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 г. № 65/1134 были запрещены аборты, а в УК РСФСР 1926 года установлена уголовная ответственность за производство абортов в больнице или родильном доме, кроме случаев, когда прерывание беременности было обусловлено различными медицинскими показаниями (статья 140). Указанное привело к росту подпольных абортов и, как следствие, к фактам многочисленных смертей рожениц. В итоге Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1954 года уголовная ответственность беременных женщин за производство аборта был исключена. Действующий российский уголовный закон в статье 123 предусматривает ответственность только за незаконное проведение искусственного прерывания беременности.

Названный выше пример является наглядной иллюстрацией того, что уголовный закон не должен по общему правилу вмешиваться в частную жизнь человека, за исключением того случая, когда затрагиваются интересы других лиц. Следует признать, что исторически право возникло в качестве дополнения моральных требований, подкрепляя их возможностью применения санкций за неправомерное поведение. Именно в сближении правовых и нравственных норм и достигается социальная справедливость, и поэтому нельзя нарушать баланс нравственного и правового регулирования общественных отношений. Представляется в связи с этим вполне логичным, что одной из закрепленных в части 2 статьи 43 УК РФ целей наказания выступает такая нравственная категория, как восстановление социальной справедливости.

Таким образом, возможные противоречия между юридическими правилами и нормами морали должны исключаться, а в случае если такие коллизии возникли, они должны незамедлительно разрешаться. Преступление должно порицаться обществом, являться аморальным проступком.

Кроме того, в отдельных случаях именно положения нравственных норм позволяют определить границы уголовно-правового запрета. Например, признаки особой жестокости в составе убийства, безусловно, должны формироваться с учетом нравственных положений. Каждое убийство жестоко. Одна при установлении наличия квалифицирующего признака особой жестокости убийства нужны дополнительные параметры.

Без оценки нравственной категории жестокости невозможно определить и наличие признаков преступления, связанного с жестоким обращением с животными (статья 245 УК РФ).

Нравственность в названном случае выступает не только в качестве важного фактора криминализации возможного преступного деяния, но и сама участвует в формировании его признаков, наполняя

содержанием отдельные оценочные признаки объективной стороны состава преступления.

Обсуждение и заключения

Обобщив рассмотренные выше положения об учете этических правил процессуальной осуществимости и допустимости уголовного преследования при криминализации общественно опасных деяний, можно сделать следующие выводы:

– во-первых, одним из факторов криминализации деяния следует рассматривать фактическую возможность государства по обеспечению раскрытия планируемого к запрещению деяния;

– во-вторых, в качестве средств и способов доказывания должны исключаться те элементы, которые

вступают в противоречие с положениями нравственности и, как следствие, могут привести или к неверному результату в процессе доказывания, либо сами по себе являются сугубо безнравственными;

– в-третьих, в отдельных случаях границы нравственного и безнравственного поступка могут являться достаточно изменчивыми и быть скорректированы в относительно короткий промежуток времени. Однако эта имеющаяся в отдельных случаях неопределенность границ морали не освобождает законодателя от учета при конструировании состава преступления научно обоснованных правил его конструирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпец И.И. Уголовное право и этика. М.: Юридическая литература, 1985. 256 с.
2. Осокин Р.Б. Уголовная политика по противодействию преступлениям против общественной нравственности. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 284 с.
3. Тасаков С.В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 318 с.
4. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М.: Наука, 1982. 303 с.
5. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Проспект, 2014. 352 с.
6. Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета. М.: Юриспруденция, 2015. 560 с.
7. Франк А.Д. Философия уголовного права в популярном изложении // Философия уголовного права / под ред. Ю.В. Голика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 348 с.
8. Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М.: Юридическая литература, 1972. 264 с.
9. Кенни К. Основы уголовного права / под ред. Б.С. Никифорова. М.: Иностранная литература, 1949. 599 с.
10. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2009. 183 с.
11. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014. 296 с.

REFERENCES

1. Karpec I.I. Ugolovnoe pravo i etika. M.: YUridicheskaya literatura, 1985. 256 s.
2. Osokin R.B. Ugolovnaya politika po protivodejstviyu prestupleniyam protiv obshchestvennoj npravstvennosti. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.YA. Kikotya, 2018. 284 s.
3. Tasakov S.V. Npravstvennye osnovy norm ugolovno prava o prestupleniyah protiv lichnosti. SPb.: YUridicheskij centr Press, 2008. 318 s.
4. Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya. M.: Nauka, 1982. 303 s.
5. Ivanchin A.V. Konstruirovaniye sostava prestupleniya: teoriya i praktika / otv. red. L.L. Kruglikov. M.: Prospekt, 2014. 352 s.
6. Markuncov S.A. Teoriya ugolovno-pravovogo zapreta. M.: YUrisprudenciya, 2015. 560 s.
7. Frank A.D. Filosofiya ugolovnogo prava v populyarnom izlozhenii // Filosofiya ugolovnogo prava / pod red. YU.V. Golika. SPb.: YUridicheskij centr Press, 2004. 348 s.
8. Zlobin G.A., Nikiforov B.S. Umysel i ego formy. M.: YUridicheskaya literatura, 1972. 264 s.
9. Kenni K. Osnovy ugolovnogo prava / pod red. B.S. Nikiforova. M.: Inostrannaya literatura, 1949. 599 s.
10. Bekkaria CH. O prestupleniyah i nakazaniyah / sost. i predisl. V.S. Ovchinskogo. M.: INFRA-M, 2009. 183 s.
11. Babaev M.M., Pudovochkin YU.E. Problemy rossijskoj ugolovnoj politiki. M.: Prospekt, 2014. 296 s.

Об авторах: Курсаев Александр Викторович, кандидат юридических наук, главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД России

e-mail: kursaev@list.ru

Терехов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России по научной работе

e-mail: terekhov.au@gmail.com

© Курсаев А.В., 2019.

© Терехов А.Ю., 2019.

Статья получена: 04.06.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the authors: Kursaev Alexander V., Candidate of Law (Research doctorate), Chief Expert-Specialist of Department of Treaty and Law of MIA of Russia

e-mail: kursaev@list.ru

Terehov Alexey YU., PhD, Assistant Professor, Deputy Head of Ufa Law Institute of MIA of Russia for Scientific Work

e-mail: terekhov.au@gmail.com

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов

Курсаев Александр Викторович – инициация исследования, формирование общей идеи исследования, теоретических выводов и практических рекомендаций, сбор и анализ эмпирического и научного материала.

Терехов Алексей Юрьевич – постановка цели и задач исследования, определение объекта и методов, анализ результатов и выводов исследования, их уточнение и дополнение, научная редакция текста.

УДК 340.12

DOI: 10.24420/KUI.2019.10.62.005

П.Е. Соборнов

**К ВОПРОСУ О ПРАВОПОНИМАНИИ В СОВЕТСКОЙ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ 20-30-х ГОДОВ XX ВЕКА**

**THE ISSUE OF LEGAL CONSCIOUSNESS
IN THE SOVIET LAW OF 1920s–1930s**

Введение: актуальность темы статьи заключается в недостаточной изученности научных дискуссий по проблемам правопонимания в отечественной юриспруденции периода 1920 – 1930-х годов, что затрудняет процесс изучения и преподавания дисциплины «История политических и правовых учений» на современном этапе. Между тем творческое наследие представителей советской юриспруденции: А.Г. Гойхбарга, М.А. Рейснера, Е.В. Пашуканиса, А.Я. Вышинского, выраженное в идеях о праве данного периода, позволит понять закономерности развития отечественной юридической науки, которое еще только становится объектом самостоятельных научных исследований.

Материалы и методы: в ходе исследования процесса возникновения и развития правовых теорий был использован принцип историзма и социальный подход, которые позволяют оценить существо и проблематику научных дискуссий 20 – 30-х годов XX века по проблемам правопонимания, а также историко-сравнительный метод, позволяющий сравнить и выявить специфику разнообразных взглядов на право как способ регулирования отношений в обществе.

Результаты исследования: в результате изучения правовых теорий 1920 – 1930-х годов были сделаны выводы о многогранности марксистской парадигмы правопонимания, которая прошла путь от отрицания права через признание временного характера права до формирования цельной правовой концепции 1930-х годов Андрея Януарьевича Вышинского.

Обсуждение и заключения: в историческом и историко-правовом знании 20–30-е годы XX века традиционно изучались через призму внутрипартийных дискуссий Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева и становления режима личной власти И.В. Сталина. Научному анализу подвергались разнообразные стороны внутрипартийных дискуссий: организация и деятельность профессиональных союзов, взаимоотношения классов в период Гражданской войны в России, проблемы новой экономической политики. Но проблемы понимания права и отношения к нему только сейчас начинают находить своего исследователя. Выдающийся советский правовед Д. Магеровский писал о том, что «право – та сфера социальной жизни, на которую меньше всего обращала внимание марксистская мысль» [1, с. 24].

Ключевые слова: правопонимание, советская юриспруденция, история политических и правовых учений, правовой нигилизм

Для цитирования: Соборнов П.Е. К вопросу о правопонимании в советской юриспруденции 20 – 30-х годов XX века // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 290-295. DOI: 10.24420/KUI.2019.10.62.005

Introduction: the relevance to the subject of the article consists in insufficient study of scientific discussions on the challenges of legal consciousness in domestic law of 1920s – 1930s. This insufficiency complicates the process of studying and teaching the discipline "History of Political and Legal Doctrines" now. Meanwhile, creative heritage of representatives of the Soviet law: A.G. Goyhbarg, M.A. Reysner, E.V. Pashukanis, A.YA. Vyshinsky expressed in the ideas about the right of this period allows understanding regularities of the development of domestic jurisprudence which is just becoming the subject to independent scientific research.

Materials and Methods: during the research of the process of emergence and development of legal theories, the principle of historicism and social approach is used that allows estimate the essence and the subject matter of scientific discussions of 1920s – 1930s on correct understanding of law, and also the historical and comparative method allowing compare and reveal specifics of various views of the right as a way of regulation of the relations in society.

Results: as a result of studying the legal theories of 1920s – 1930s, conclusions were drawn on multidimensional nature of the Marxist paradigm of legal consciousness which worked its way from denial of the right through recognition of temporality of the right to formation of the integral legal concept of 1930s of A.YA. Vyshinsky.

Discussions and Conclusions: in historical and historical and legal perception, 1920s–1930s were traditionally studied through a prism of inner-party discussions of N.I. Buharin, L.D. Trotsky, L.B. Kamenev and G.E. Zinovyev and formation of the mode of a personal authority of I.V. Stalin. The various parties of inner-party discussions were exposed to the scientific analysis: organization and activity of labor unions, relationship between the classes during Russian Civil War, a challenge of the new economic policy. But the challenges of legal consciousness and the attitude towards it is only just beginning to find its researcher. The outstanding Soviet legal scholar D. Magerovsky writes that "the right is that sphere of social life to which the Marxist thought least of all paid its attention" [1, p. 24].

Key words: right understanding, Soviet law, history of political and legal exercises, legal nihilism

For citation: Sobornov P.E. The issue of legal consciousness in the Soviet law of 1920s – 1930s // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 290-295. DOI: 10.24420/KUI.2019.10.62.005

Введение

Одной из самых малоизученных проблем в процессе изучения и преподавания истории политических и правовых учений в системе современного юридического образования является вопрос правопонимания в советской юриспруденции периода двадцатых – тридцатых годов. Например, во многих программах по истории политических и правовых учений творческое наследие советских правоведов Евгения Брониславовича Пушуканиса (1891– 1937), Михаила Александровича Рейснера (1868 – 1928), Петра Ивановича Стучки (1865 – 1932), Александра Григорьевича Гойхбарга (1883 – 1960) вообще не находят своего отражения, что связано с субъективным фактором – в 1937 году ряд представителей отечественной правовой науки подверглись репрессиям и их творчество оказалось незаслуженно «вычеркнуто» из истории отечественной юриспруденции или подвергнуто шельмованию. Например, в процессе обсуждения макета первого послевоенного учебника по истории политических учений, который подвергся обсуждению в Академии наук СССР в 1954 году, правопонимание советских правоведов не несло в себе самостоятельного значения и понималось только в контексте темы «Развитие марксистско-ленинского учения о социалистическом государстве и праве в период борьбы за построение социализма в СССР» [2, с. 130]. Многие ученые-правоведы на протяжении нескольких десятилетий практически не изучали проблемы правопонимания в советской юриспруденции, что, безусловно, нашло свое отражение в учебной литературе 1950 – 1970-х годов [3, с. 3]. Только к концу 1980-х годов, в связи с процессами реабилитации осужденных, появились первые научные работы, посвященные проблемам развития советской юридической науки двадца-

тых – тридцатых годов, но и они не отражали проблем правопонимания.

Процесс вовлечения творческого наследия советских правоведов в курс дисциплины «История политических и правовых учений» начался во второй половине 2000-х годов. В учебнике для вузов по дисциплине «История политических и правовых учений», вышедшем под редакцией доктора юридических наук, профессора В.С. Нерсисянца, появился один параграф общим объемом 6 страниц – «Советская юриспруденция: основные политико-правовые концепции». Этот параграф и стал постановкой проблемы правопонимания изучаемого периода [4, с. 892]. Однако в данном параграфе не нашла своего отражения идея отрицания значимости права, практически не освещена в динамике и проблема развития правопонимания. Все это свидетельствует о малоизученности проблемы правопонимания в трудах представителей советской официальной юриспруденции, а работы В.С. Нерсисянца, М.Н. Марчено и И.Ф. Мачина [5, с. 410], О.В. Мартышина [6, с. 787], на наш взгляд, следует признать практически первым опытом осмысления проблем правопонимания в советской юриспруденции.

Обзор литературы

Проблемы правопонимания в период 20 – 30-х годов XX века традиционно изучались через призму внутривнутрипартийных дискуссий Николая Ивановича Бухарина, Льва Давыдовича Троцкого, Льва Борисовича Каменева и Григория Евсеевича Зиновьева и становления режима личной власти И.В. Сталина. Изучались проблемы типологии и сущности пролетарского государства, но правовые проблемы традиционно не занимали внимания ученых в революционный и постреволюционный периоды. Приоритет в марксистской юриспруденции

отдавался изучению пролетарской государственности, где классовое насилие заменит собой право и максимально отразит интересы пролетариата и беднейшего крестьянства. Вместе с тем вопрос о механизмах и способах этого классового насилия оставался не изученным в отечественной юриспруденции рассматриваемого периода. Более того, все попытки восполнить имеющийся пробел в юридическом знании подвергались разоблачению. Вместе с тем следует отметить, что, изучая эту проблему отечественной юриспруденции, отечественные правоведы внесли большой вклад в развитие науки, который был догматизирован учением А.Я. Вышинского, где право понималось в качестве формально выраженной воли господствующего класса. Между невниманием к проблеме правопонимания и взглядами на право А.Я. Вышинским было высказано огромное количество точек зрения на право и правовое регулирование в обществе.

Результаты исследования

После Октябрьской революции 1917 года одной из самых актуальных проблем в правовой науке становится замена права революционным насилием пролетариата, разработка критериев рецепции дореволюционного отечественного опыта правопонимания в условиях отрицания права. Один из крупнейших теоретиков права А.Г. Гойхбарг писал: «Трудовые массы заменяют право обеспечением материальными и духовными потребностей людей или же в некоторых областях раскрепощают личность, высвобождают ее из-под тяжелого гнета правящих оков» [7, с. 1]. Возникла идея правового нигилизма, которая проистекала из марксистского понимания развития классовой борьбы в обществе. Она строилась на базовых постулатах марксизма: 1) при новом социалистическом строе будут созданы условия ликвидации классовой борьбы; 2) право, которое воспринимается в качестве формы принуждения в отношениях между людьми, исчезнет. Право в постреволюционный период понималось в качестве «орудия угнетающих классов, против которых надо вести антирелигиозную и антиправовую пропаганду» [7, с. 5].

Вместе с тем А.Г. Гойхбарг признавал, что, «несмотря на принятие декретов об отмене буржуазного правового уклада, буржуазное право не может быть изжито» [7, с. 6]. Ведь процесс становления социалистических, а по сути коллективистских отношений в обществе может занять длительное время, поэтому *советское право* мыслилось в качестве временного способа регулирования общественных отношений, до полного слома буржуазных пережитков в области сохранения частнособственных инстинктов. В основе советского права, с точки зрения сторонников этой правовой теории,

должен лежать *декретный принцип*, в соответствии с которым декреты должны были отражать процесс внедрения социалистических, то есть коллективистских, норм морали и *вытеснять нормы буржуазного права* в случае возникновения противоречий декретного, социалистического и буржуазного права. При этом обращает на себя внимание факт временного сосуществования буржуазного и социалистического права в виде действия законов дореволюционной России, в том случае если последние не противоречат декретам и установлениям советской власти.

Именно благодаря восприятию права в качестве временного института «*природа права оставалась вне соответствующего изучения*, теория государства переходного периода была развита еще Карлом Марксом с достаточной полнотой, а о *праве переходного периода было известно очень мало*» [8, с. 24]. Советские правоведы начала 1920-х годов пытались объяснить такое невнимание к правопониманию тем, что в постреволюционный период «все силы и средства были заняты борьбой с контрреволюцией, интервенцией, разрухой и голодом» [9, с. 9]. Данный довод не выглядит убедительным в связи с постановкой в правовой литературе 1917 – 1919 годов самого термина «государство и право переходного периода». Под этим термином понимался промежуточный этап в развитии государственно-правовых явлений между отменой старого, буржуазного права «русских помещиков и капиталистов» и нового социалистического права, рожденного Октябрьской революцией 1917 года. Все дело в том, что на этом «переходном этапе в развитии права и государства»: 1) праву вообще не отводилось самостоятельной роли; 2) господствовало пренебрежение правом как институтом господства буржуазного класса, свергнутого Октябрьской революцией 1917 года.

В конце 20-х – начале 30-х годов идея *правового нигилизма* была подвергнута резкой критике за недооценку роли советского права в процессе социалистической реконструкции народного хозяйства и «подавления классовых врагов». Данная теория была названа «левацкой» и отброшена. Не менее популярной становилась правовые идеи анархо-коммунизма, сторонником которых был Н.И. Бухарин (1888 – 1938). Основными идеями Н.И. Бухарина были: 1) отказ принять «переходный этап в развитии советского права и государства, что должно было выражаться в полной отмене даже тех форм буржуазного права, которые не противоречило праву советскому [9, с. 88]; 2) решительная замена права революционным насилием народных масс. При этом критерии и формы применения революционного насилия народных масс, которое должно

было заменить собой право как институт старого буржуазного общества, так и не были определены автором теории анархо-коммунизма. Перспективы применения революционного насилия связывались с перспективой мировой революции и продолжения участия Советской России в мировой войне, которая должна была стать формой революционного насилия восставших народных масс против буржуазии в разных странах мира. «Изолированная русская рабоче-крестьянская революция не в состоянии спастись. Она или перекинется за пределы России, или погибнет. Погибнет не только от военных ударов капитализма, а от собственного экономически-организаторского бессилия» [9, с. 88].

Таким образом, правовые концепции, возникшие в период гражданской войны: 1) недооценивали право либо всячески игнорировали его как буржуазный пережиток; 2) одной из дискуссионных проблем в период Октябрьской революции и Гражданской войны оставался вопрос о степени рецепции норм старого, буржуазного права и об отмирании права вместе с государством на этапе социалистических преобразований. Эти взгляды имели в условиях революционной эйфории периода Гражданской войны огромное количество сторонников и препятствовали глубокому научному осмыслению проблем сущности права.

Совершенно новой эпохой в правопонимании стал период *Новой экономической политики 20-х годов XX века*, когда тезис о поэтапном «отмирании» права был окончательно отброшен в связи с укреплением социалистической государственности. Новое советское право, выраженное в Конституциях РСФСР и СССР 1918 и 1924 годов, Гражданском и Уголовном кодексах 1922–1926 годов, становится практическим воплощением советского права.

Сами представители советской юриспруденции признавали: «Мы произвели рецепцию – заимствование буржуазного права» [10, с. 3]. В отечественной юридической науке возникли противоречия. С одной стороны, право понималось в качестве «последнего прибежища эксплуататорских классов», с другой же стороны, признавался факт того, что «наше поколение, пережившее пролетарскую революцию, от этого термина не откажется [10, с. 4]. Феноменом советского права периода новой экономической политики стало возникновение «буржуазного права, без буржуазии», под которым понималось право, основанное на формальном равенстве, охраняемое государством, но без буржуазии» [11, с. 99]. Чем же обусловлено было правопонимание в трудах представителей отечественной юриспруденции? Во-первых, недостаточностью разработки понятий «пролетарское правосознание», «революционное правосознание», во-вторых,

необходимостью организации советского государственного управления в условиях невозможности воплощения военно-коммунистического устройства советского общества;

Постановка нового правопонимания в отечественной юриспруденции привела к возникновению *идеи о праве как идеологии*, источником которой становилась монография П.И. Стучки на тему «Общая теория права», в которой автор приходил к выводу о том, что «право – один из подвидов идеологий, позволяющих бороться с внутренней и международной буржуазией» [12, с. 173], а это означает: 1) признание факта первичности государства в отношении права как системы идеологических постулатов; 2) закрепление различий буржуазного и советского права как двух, в первую очередь, идеологических систем, поддерживаемых классовым типом буржуазного и пролетарского государства; 3) право мыслилось в качестве идеологического института общества, само по себе лишённого объективной, не зависящей от человека, идеологической концепцией. Постановка идеи М.А. Рейснера в первой половине 20-х годов XX века вызвала несколько научных дискуссий по вопросу о сущности и самодостаточности права как научной категории, роли права в функционировании норм и ценностей советского и буржуазного общества. Одним из основоположников взгляда на право, как на идеологию, был Михаил Александрович Рейснер, который не делал различий между правом, искусством, религией и философией. Все эти явления он относил к структурным элементам идеологии. *Право* лишилось самостоятельного статуса и сводилось к *разновидности общественной идеологии*. В процессе понимания процесса возникновения общественной идеологии М.А. Рейснер исходил из того, что *общественная идеология, внедряемая пролетарским государством посредством пропаганды, будет способствовать возникновению пролетарской идеологии классовой борьбы с буржуазией*, право же, по мнению ученого, превратится в инструмент этой борьбы. Таким образом, во взглядах М.А. Рейснера: 1) право полностью сводилось к форме общественного сознания; 2) процесс возникновения права связывался с психическими переживаниями индивида, возникающими в процессе отражения деятельности государства; 3) эволюция права связывалась со сменой общественной идеологии и форм государства.

Взгляды на право как на идеологию временно примиряли буржуазное и пролетарское право на этапе временного отступления от построения социализма в виде новой экономической политики, в чем и заключалось значение идеологической теории права М.А. Рейснера.

М.А. Рейснер наметил пути временного сосуществования буржуазного права частной собственности и пролетарского государства. «До исторического поражения буржуазии, государство будет внедрять пролетарское право в советское общество, для которого характерна социальная неоднородность» [13, с. 97].

Такой взгляд на право в период новой экономической политики вызвал масштабную дискуссию в отечественной юридической науке. На эту дискуссию оказали влияние политические факторы: окончание борьбы за власть в высшем политическом руководстве СССР, «сворачивание» внутрипартийных дискуссий к концу 20-х годов и политические репрессии. К тому же процесс форсированной индустриализации и коллективизации поставил перед советскими правоведами проблему унификации марксистской концепции права. Огромную роль в этом процессе сыграл *Первый всесоюзный съезд марксистов-государственников 1931 года*, где Е.Б. Пашуканис подверг резкой критике идеологическую теорию М.А. Рейснера, которая «обосновывала буржуазную реставрацию в правопонимании» и становилась правовым обоснованием сохранения буржуазной морали и права» [14, с. 24]. В условиях начавшейся коллективизации и ликвидации кулачества как класса потребовалась совершенно иная теория советского права, выразителем которой был выдающийся советский правовед П.И. Стучка. Он выступил против идеологической концепции права и пришел к выводу, что *право – система обществен-*

ных отношений, регулируемых государством в интересах господствующего класса с формальным закреплением в виде законов и других нормативных правовых актов. П.И. Стучка в своем научном сочинении «Революционная роль советского права», вышедшим в 1931 году в издательстве «Советское законодательство», внес вклад в определение предмета марксистской теории права. Этот вклад выразился в признании объективных, не зависящих от индивида, общественных отношений [15, с. 89]. Такое правопонимание стало господствующим в отечественной юриспруденции до конца 1930-х годов. В 1938 году состоялось Первое совещание по вопросам науки советского государства и права, на котором критике было подвергнуто и правопонимание П.И. Стучки за недооценку субъективной природы права, невнимание к проблемам развития надстроечных явлений: политических учений, форм государства, политических партий» [16, с. 15].

Обсуждение и заключения

Таким образом, в период 20–30-х годов: 1) советское правопонимание прошло путь от отрицания права в качестве ценности до формирования концепций, обосновывающих необходимость права; 2) удалось сформулировать достаточно сбалансированную концепцию правопонимания в отечественной юриспруденции, учитывающую и базисные (способ производства), и надстроечные явления в развитии права как социально-классового института, что стало основой формирования марксистской парадигмы правового знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магеровский Д. Советское право и методы его изучения // Советское право: журнал института советского права. 1922. № 1. С. 24 – 35.
2. Обсуждение макета учебника по истории политических учений // Советское государство и право. 1954. № 5. С. 125 – 130.
3. История политических учений. Часть 2 / под ред. проф. К.А. Мокичева. М., 1971. 375 с.
4. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общей ред. академика РАН, д.ю.н., профессора В.С. Нерсесянца. М., 2006. 944с.
5. Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений: учебник. М., 2005. 495 с.
6. История политических и правовых учений: учебник для вузов под общей редакцией проф. О.В. Мартышина. М., 2006. 912 с.
7. Гойхбарг А.Г. Пролетариат и право: сборник статей. М., 1919. 112 с.
8. Магеровский Д. Советское право и методы его изучения // Советское право: журнал института советского права. 1922. № 1. С. 24 – 35.
9. Леман Н., Покровский С. Идеиные истоки правого уклона. Об ошибках и уклонах товарища Бухарина. Л.: Прибой, 1930. 203 с.
10. Гойхбарг А.Г. Несколько замечаний о праве // Советское право: журнал института советского права. 1924. № 1(7). С. 3 – 24.
11. Стучка П.И. Революционная роль советского права. М.: Советское законодательство, 1932. 214 с.
12. Рейснер М.А. Общая теория права П.И. Стучки // Вестник Социалистической академии. 1923. № 1. С.162 – 175.
13. Резунов М. Марксизм и психологическая школа права / под редакцией Е.Б. Пашуканиса. М.: Издательство Коммунистической академии, 1931. 136 с.
14. Пашуканис Е.Б. За марксо-ленинскую теорию государства и права: доклад на I Всесоюзном съезде марксистов-государственников. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. 36 с.

15. Стучка П.И. Революционная роль советского права: хрестоматия. М.: Соцэргиз, 1931. 236 с.
16. Вышинский А.Я. Марксистское учение о праве и государстве // Большевик. 1938. № 12. С. 12 – 15.

REFERENCES

1. Magerovskij D. Sovetskoe pravo i metody ego izucheniya // Sovetskoe pravo: zhurnal instituta sovetskogo prava. 1922. № 1. S. 24 – 35.
2. Obsuzhdenie maketa uchebnika po istorii politicheskikh uchenij // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1954. № 5. S. 125 – 130.
3. Istoriya politicheskikh uchenij. CHast' 2 / pod red. prof. K.A. Mokicheva. M., 1971. 375 s.
4. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij: uchebnik dlya vuzov / pod obshchej red. akademika RAN, d.yu.n., professora V.S. Nersesyanca. M., 2006. 944s.
5. Marchenko M.N., Machin I.F. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij: uchebnik. M., 2005. 495 s.
6. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij: uchebnik dlya vuzov pod obshchej redakciej prof. O.V. Martyshina. M., 2006. 912 s.
7. Gojhbarg A.G. Proletariat i pravo: sbornik statej. M., 1919. 112 s.
8. Magerovskij D. Sovetskoe pravo i metody ego izucheniya // Sovetskoe pravo: zhurnal instituta sovetskogo prava. 1922. № 1. S. 24 – 35.
9. Leman N., Pokrovskij S. Idejnye istoki pravogo uklona. Ob oshibkah i uklonah tovarishcha Buharina. L.: Priboj, 1930. 203 s.
10. Gojhbarg A.G. Neskol'ko zamechanij o prave // Sovetskoe pravo: zhurnal instituta sovetskogo prava. 1924. № 1(7). S. 3 – 24.
11. Stuchka P.I. Revolyucionnaya rol' sovetskogo prava. M.: Sovetskoe zakonodatel'stvo, 1932. 214 s.
12. Rejsner M.A. Obshchaya teoriya prava P.I. Stuchki // Vestnik Socialisticheskoy akademii. 1923. № 1. S.162 – 175.
13. Rezunov M. Marksizm i psihologicheskaya shkola prava / pod redakciej E.B. Pashukanisa. M.: Izdatel'stvo Kommunisticheskoy akademii, 1931. 136 s.
14. Pashukanis E.B. Za markso-leninskuyu teoriyu gosudarstva i prava: doklad na I Vsesoyuznom s"ezde mark-sistov-gosudarstvennikov. M.-L.: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1931. 36 s.
15. Stuchka P.I. Revolyucionnaya rol' sovetskogo prava: hrestomatiya. M.: Socekgiz, 1931. 236 s.
16. Vyshinskij A.YA. Marksistskoe uchenie o prave i gosudarstve // Bol'shevik. 1938. № 12. S. 12 – 15.

Об авторе: Соборнов Павел Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России
e-mail: sobornovpavel@inbox.ru
© Соборнов П.Е., 2019.

Статья получена: 11.06.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the author: Sobornov Pavel E., Candidate of Historical Sciences (Research doctorate), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Nizhny Novgorod's Academy of MIA of Russia
e-mail: sobornovpavel@inbox.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 340.1

DOI: 10.24420/KUI.2019.69.88.006

Р.Ф. Степаненко, М.Р. Камаров

ТРАНСАКЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ: СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

TRANSACTION COSTS: MODERN METHODOLOGICAL APPROACHES IN STUDYING LEGAL REALITY

Введение: применение методологических подходов экономической теории для анализа правовых отношений позволяет исследователю рассматривать наделение субъектов правоотношений правами, обязанностями, свободами как сделку или транзакцию. Транзакционными издержками будут являться затраченные ресурсы, денежные или временные, которые необходимо потратить для такой транзакции.

Материалы и методы: при написании статьи были использованы научные достижения институциональной экономики, экономического анализа права, а также общей теории государства и права. Материалами исследования выступили работы отечественных и зарубежных юристов и экономистов в области изучения и построения концепции транзакционных издержек.

Результаты исследования: представлены результаты изучения существующих в юридической и экономической науках классификаций транзакционных издержек, выделены их недостатки, связанные с ограничением применения лишь сферой гражданско-правовых отношений. Предложена новая авторская классификация транзакционных издержек, подходящая для исследования публично-правовых и, в частности, процессуальных отраслей права.

Ключевые слова: транзакционные издержки, теория права, методология права, экономический анализ права, институциональная экономика, эффективность права

Для цитирования: Степаненко Р.Ф., Камаров М.Р. Транзакционные издержки: современные методологические подходы к изучению правовой реальности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 296-301. DOI: 10.24420/KUI.2019.69.88.006

Introduction: the usage of the economic theory for the analysis of legal relations allows to study an attribution a subject of law with rights, obligations and freedoms as a contract or transaction. The transaction costs are the resources which must be used for such transaction.

Materials and Methods: as a methodology the methods of institutional economics and law and economics, as well as general theory of state and law were used. The materials are Russian and foreign research in the sphere of transaction costs.

Results: the existing classifications of transaction costs in economics and law are studied, their applicability to civil law only is identified as their main drawback. The new classification of transaction costs applicable to public and procedural spheres is offered.

Keywords: transaction cost, theory of law, methodology of law, economic analysis of law, institutional economics, effectiveness of law

For citation: Stepanenko R.F., Kamarov M.R. Transaction costs: modern methodological approaches in studying legal reality // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 296-301. DOI: 10.24420/KUI.2019.69.88.006

Введение

Современная фундаментальная юриспруденция, базирующаяся на изучении права как открытой, динамично развивающейся и самоорганизующейся системы, серьезное внимание уделяет новейшим методологическим подходам познания сущностных характеристик и взаимодействия правовых институтов с иными сферами обеспечения жизнедеятельности, одной из которых является экономика. Гетерономные, на первый взгляд, методологические подходы изучения правовой и экономической среды на общетеоретическом междисциплинарном уровне вполне могут быть объединены в единое научное пространство, интегрированное в качественно новую конструкцию, позволяющую познавать правовую реальность на качественно новом уровне.

Если использовать современную методологию юридической науки для анализа экономических отношений, её результатом явится концепция «экономического права». Если же согласиться с Дж. С. Миллем, что «экономика – это не столько наука, сколько методология» [1], то в итоге таких рассуждений следует говорить об экономическом анализе права. Важно упомянуть, что экономический анализ различных явлений нашей жизни (социальных, природных, техногенных и др.) является популярным и актуальным инструментом научного познания в зарубежной науке. Так, в 2018 году Нобелевскую премию получили экономисты У. Нордхаус и П. Ромер (США), осуществившие анализ климатических изменений с помощью методов экономической науки.

Представляется, что экстраполяция методов и методологии экономического анализа социальных явлений в юриспруденцию может быть успешно апробирована и для познания эффективности / неэффективности правовой реальности. В этом смысле экономика и различные виды экономической деятельности, будучи априори урегулированными правовыми средствами, способами, методами упорядочения и регламентации посредством нормативной сферы, представляют собой, на наш взгляд, самостоятельную междисциплинарную социогуманитарную сферу познания. Опыт таких междисциплинарных исследований нами был осуществлен при обосновании положений общеправовой теории маргинальности (Казань, 2015), где экономико-правовой подход был применен в части уяснения причин ухудшения социально-экономического положения определенных групп российского населения, а также для предположения конкретных мер экономического характера для минимизации процессов маргинализации.

Как справедливо отмечают В.В. Ершов и Е.М. Ашмарина, В.Н. Корнеев, в современной России сформировалась «комплексная мегаотрасль» экономического права, исторически обусловленная тесным взаимодействием экономики и права, представленная упорядочиванием публичных и частных интересов в процессе «поступательной смены стадий экономической деятельности (обмен, распределение, производство и потребление)». Значительность этих процессов для мирового сообщества и национальных интересов в обосновании доктрины экономического права позволяет констатировать необходимость классификации мегаотрасли экономического права на частное и публичное экономическое право в двух различных направлениях – макроэкономика и микроэкономика [2]. Их изучение должно основываться на применении формально-догматического, сравнительно-правового, метода правового моделирования и других юридико-методологических подходах, в том числе с использованием новых научных направлений экономической теории, одним из которых является метод «транзакционных издержек». Сочетание методологических подходов правовой и экономической науки демонстрирует ту самую междисциплинарность исследований, о необходимости применения которой говорится в Стратегии национальной безопасности России до 2020 г. В частности, к числу приоритетных стратегических национальных интересов Российской Федерации на долгосрочную перспективу относятся системные междисциплинарные исследования, как отмечено в статье 70 Указа Президента РФ от 31.12.2015 № 683¹.

Обзор литературы

Понятие транзакционных издержек прямо вытекает из понятия транзакции (или сделки). Так, например, американский экономист Джон Коммонс пишет, что «транзакция – это не обмен товарами, а отчуждение и присвоение прав собственности и свобод, созданных обществом» [5], Карл Поланьи считает, что транзакции – это социальные и экономические взаимодействия [6]. В то же время финский экономист Петри Оллила утверждает, что транзакция – это правовой переход собственности [7].

Данные три подхода демонстрируют разный уровень научного абстрагирования при попытке дать определение транзакции. Стоит также отметить, что в институциональной экономике и экономическом анализе права одним из основных направлений исследований является изучение права собственности. В связи с этим для применения данной методологии при анализе, например, про-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683) URL: <http://base.garant.ru/71296054/> свободный (дата обращения: 20.07.2019).

цессуальных отношений необходимо расширить объект исследования. Между тем в правовой сфере представляется возможным сформулировать определение трансакции следующим образом: «Трансакция – это отчуждение либо присвоение прав, обязанностей, свобод, гарантий, ответственности и компетенции между субъектами правоотношений (государство, общество, личность)». Трансакция – это договор, соглашение (сделка) в публичной (государство, общество, личность) или частной либо частно-государственной сферах. Основанием этой сделки являются правовая устойчивая связь человека и государства (гражданство) или же договорные правовые взаимоотношения.

Следующим методологически важным вопросом является определение категории трансакционных издержек. Так, американский экономист Кеннет Эрроу определяет трансакционные издержки как издержки эксплуатации экономической системы [8]. Другой известный экономист, Дуглас Норт, не давал определение трансакционных издержек, но писал, что они «состоят из издержек оценки полезных свойств объекта обмена и издержек обеспечения прав и принуждения к их соблюдению» [9]. В качестве категории «трансакционных издержек» можно предложить их как определение в качестве «потерь материального, временного и нематериального характера, необходимых для совершения трансакции».

Говоря о классификации трансакционных издержек, стоит упомянуть, что существует несколько моделей такой классификации. В качестве исследуемых в данной работе использован пример (образец), созданный американскими исследователями (модель Норта-Эггерссона), а также две модели, предложенные отечественными учеными: А.А. Аузаном и М.Ю. Малкиной.

В соответствии с классификацией Норта-Эггерссона [10] трансакционные издержки образуются из осуществления следующих действий: 1) поиск информации о контрагенте; 2) проведение переговоров; 3) составление контракта; 4) мониторинг исполнения контракта; 5) принуждение к исполнению контракта; 6) защита от действий третьих лиц.

В соответствии с классификацией А.А. Аузана [11] трансакционные издержки состоят из следующих составляющих: 1) поиск информации; 2) проведение переговоров; 3) измерение блага (предмета договора); 4) спецификация и защита прав собственности; 5) издержки оппортунистического (или в более привычной для юристов трактовке – неправомерного или же маргинального, «пограничного» по отношению к праву) поведения; 6) управление/принятие решений.

На наш взгляд, элементы данной классификации нуждаются в пояснении. Под спецификацией прав (не обязательно именно прав собственности) понимается установление (легитимизация) принадлежности прав участников правоотношений. При отсутствии такой конкретизации прав возникают проблемы при выборе, например, надлежащего ответчика или субъекта, совершившего правонарушение.

Оппортунистическое поведение в экономической науке определяется как поведение индивида, который стремится получить одностороннюю выгоду за счет партнера, уклоняясь от соблюдения условий контракта [12]. Издержки оппортунистического поведения являются издержками по контролю за соблюдением условий контракта, представляющими определенные риски и для иных участников договорных отношений. Они (издержки) могут носить как экономический, так и юридический характер и, следовательно, иметь экономические и юридические последствия (благоприятные/неблагоприятные).

Третьей рассматриваемой классификацией является классификация М.Ю. Малкиной. В соответствии с данной классификацией трансакционные издержки состоят из поиска информации; переговоров; измерения атрибутов (характеристик) блага; заключения договора; осуществления расчетов; спецификации и защиты прав собственности; издержек оппортунистического поведения.

Перечисленные издержки в данной классификации могут быть разделены на две части: *ex ante* (до заключения сделки) и *ex post* (после заключения сделки). К первой группе относятся первые четыре вида издержек, ко второй – оставшиеся три вида [13]. Данная классификация также требует дополнительного изучения, в особенности в части издержек оппортунистического поведения, которое может присутствовать на всех стадиях совершения трансакции и иметь первостепенное значение для юридических исследований.

Материалы и методы

В рамках дисциплин экономического права и экономического анализа права существует несколько критериев оценки эффективности права, которые применяются в экономической науке. К ним относятся:

1) аллокативная эффективность, определяющая итоги однократного перераспределения ресурсов между участниками рыночных отношений в краткосрочном периоде;

2) эффективность по Парето, определяющая обмен как эффективный, если при перераспределении ресурсов одни участники обмена получают блага, а другие их не теряют;

3) эффективность Калдор-Хикса, определяющая обмен как результат перераспределения ресурсов участников обмена, в котором теряющие ресурсы субъекты теряют их меньше, чем другие участники обмена их получают;

4) динамическая эффективность, делающая акцент на долгосрочных позитивных проектах перераспределения ресурсов.

Данные виды эффективности ставят своей целью распределение ресурсов, которое бы максимизировало общественные блага: денежные средства, снижение числа преступлений, соблюдение контрактных обязательств и прочее [4]. В то же время концепция «правовой реальности» подсказывает нам, что в юридическом дискурсе перераспределяются не ресурсы, а упорядочиваются проблемы соблюдения и защиты прав, свобод, обязанностей, устанавливаются компетенции и обеспечиваются гарантии. Тем не менее даже такие неовещественные блага перераспределяются от одних лиц к другим с учетом определенных препятствий (обязанностей, дозволений, запретов) или же трансакционных издержек.

Результаты исследования

В ходе исследования нами рассмотрены различные виды издержек, в изложении которых наблюдается определенный консенсус среди экономистов и юристов. К числу подобных издержек могут быть отнесены издержки на поиск информации и ведение переговоров. Среди них есть те виды трансакционных издержек, которые присутствуют в двух классификациях, а есть те, которые присущи лишь одной. Данные факты дают основание утверждать, что ни одна из классификаций не является в настоящее время универсальной, все они объясняют научный интерес экономики и права в большей степени к трансакционным издержкам, связанным с переходом права собственности. Учитывая, что перечень объектов трансакций в юридической реальности представляется нам существенно более широким, возникает проблема в создании правовой классификации трансакционных издержек, которая бы учитывала преимущества и недостатки данных подходов. Данная классификация должна быть применима для описания как материальных, так и процессуальных правоотношений, как в частном, так и публичном праве.

Полагаем, что необходимо изложить типологию трансакционных издержек следующим образом:

1. Издержки до заключения трансакции.
2. Издержки во время исполнения трансакции.
3. Издержки в случае неисполнения трансакции.
4. Издержки, присутствующие на всех этапах экономико-правовой деятельности.

Обсуждение и заключения

В развитие данной концепции можно предположить, что трансакционные издержки стоит разделить на: 1) естественные, то есть возникающие без участия государства, и тесно связанные с государственным регулированием. Так, например, в случае заключения трудового договора с иностранным гражданином или лицом без гражданства естественными трансакционными издержками на стадии заключения договора будут издержки по подписанию данного договора двумя сторонами, а «государственными» трансакционными издержками будут трансакционные издержки по получению разрешительных документов на ведение трудовой деятельности иностранным гражданином, уведомлению миграционных органов о заключении трудового договора и т.д. Стоит обратить внимание на то, что процесс защиты нарушенных прав также можно считать трансакцией, которая будет состоять из указанных выше этапов.

Таким образом, метод трансакционных издержек, будучи созданным для анализа распределения благ на уровне прежде всего вещного права, нуждается в значительной корректировке для применения его к анализу разнообразных проявлений правовой реальности, регулируемых различными отраслями права. Первым шагом в решении данной задачи является обоснование подходящей классификации трансакционных издержек, которая в будущем будет использована для анализа издержек, проявляющихся при ведении экономико-правовой деятельности, а также для поиска пути к их (издержек) минимизации.

В заключение стоит отметить, что развитие отечественной и зарубежной юридической науки невозможно без использования междисциплинарных подходов, включающих в себя не только взаимодействие межотраслевых связей [14], но и синергию правового, экономического, политического, психологического, а также естественно-гуманитарных направлений. В связи с этим представляется, что экономическая теория, а также практическая сфера институциональной экономики предложат действенную методологию для ответа на разнообразные современные правовые проблемы. В свою очередь, юридическая наука, развивая методологию междисциплинарности, будет наиболее эффективно выполнять свое социальное предназначение, заключающееся в изучении качества и уровня жизни российских граждан. Вместе с тем объяснение и реализация указанных методологий невозможны без их глубокого научного понимания и адаптации предлагаемых подходов к реалиям отечественной и зарубежной правовой реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mill J.S. On the definition of Political Economy; and on the Method of Philosophical Investigation Proper to It // *Collected Works of John Stuart Mill*, IV. Toronto: University of Toronto Press, 1967. P. 309-339.
2. Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнеев В.М. Экономическое право как наука // *Государство и право*. 2016. № 3. С 54-65.
3. Kamarov M. Selected questions of measuring efficiency of law // *Инновации в юриспруденции и проблемы цифровизации российского права: материалы I Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (13-15 марта 2019 г.)*. Махачкала, 2019. С. 24-27.
4. Commons J.R. *Institutional Economics* // *American Economic Review*. 1931. V. 21. P. 652.
5. Polanyi K. *The Great Transformation. The political and economic origins of our time*. Boston: Beacon Press, 2001. 309 p.
6. Petri O. *Principles of Institutional Economics: With Applications to Cooperative Enterprises*. Helsinki: Helsinki University, Department of Economics, 2009. P. 12.
7. Kenneth J. Arrow. The Potentials and Limits of the Market in Resource Allocation. In: G.R.Feiwel (ed.). *Issues in Contemporary Microeconomics and Welfare*. London: Macmillan, 1985. P. 107–124.
8. North D. Transaction costs, institutions, and economic performance. San Francisco, CA: ICS Press, 1992. P. 5.
9. Eggertsson T. *Economic Behavior and Institutions: Principles of Neoinstitutional Economics (Cambridge Surveys of Economic Literature)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 57.
10. Аузан А.А. *Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: учебник*. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 120.
11. Одинцова М.И. *Институциональная экономика*. М.: ГУ ВШЭ, 2007. С. 93.
12. Малкина М.Ю., Логинова Т.П., Лядова Е.В. *Институциональная экономика: учебное пособие*. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2015. 258 с.
13. Чельшев М.Ю. Межотраслевые связи гражданского и налогового права в части первой Налогового кодекса Российской Федерации // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2002. № 4 (9). С. 65.

REFERENCES

1. Mill J.S. On the definition of Political Economy; and on the Method of Philosophical Investigation Proper to It // *Collected Works of John Stuart Mill*, IV. Toronto: University of Toronto Press, 1967. R. 309-339.
2. Ershov V.V., Ashmarina E.M., Korneev V.M. *Ekonomicheskoe pravo kak nauka* // *Gosudarstvo i pravo*. 2016. № 3. S 54-65.
3. Kamarov M. Selected questions of measuring efficiency of law // *Innovacii v yurisprudencii i problemy cifrovizacii rossijskogo prava: materialy I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, magistrantov, aspirantov i molodyh uchenyh (13-15 marta 2019 g.)*. Mahachkala, 2019. S. 24-27.
4. Commons J.R. *Institutional Economics* // *American Economic Review*. 1931. V. 21. P. 652.
5. Polanyi K. *The Great Transformation. The political and economic origins of our time*. Boston: Beacon Press, 2001. 309 p.
6. Petri O. *Principles of Institutional Economics: With Applications to Cooperative Enterprises*. Helsinki: Helsinki University, Department of Economics, 2009. R. 12.
7. Kenneth J. Arrow. The Potentials and Limits of the Market in Resource Allocation. In: G.R.Feiwel (ed.). *Issues in Contemporary Microeconomics and Welfare*. London: Macmillan, 1985. R. 107–124.
8. North D. Transaction costs, institutions, and economic performance. San Francisco, CA: ICS Press, 1992. R. 5.
9. Eggertsson T. *Economic Behavior and Institutions: Principles of Neoinstitutional Economics (Cambridge Surveys of Economic Literature)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. R. 57.
10. Auzan A.A. *Institucional'naya ekonomika: novaya institucional'naya ekonomicheskaya teoriya: uchebnik*. M.: INFRA-M, 2017. S. 120.
11. Odincova M.I. *Institucional'naya ekonomika*. M.: GU VSHE, 2007. S. 93.
12. Malkina M.YU., Loginova T.P., Lyadova E.V. *Institucional'naya ekonomika: uchebnoe posobie*. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosuniversitet, 2015. 258 s.
13. CHelyshev M.YU. *Mezhotraslevye svyazi grazhdanskogo i nalogovogo prava v chasti pervoj Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii* // *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2002. № 4 (9). S. 65.

Об авторах: Степаненко Равия Фаритовна, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета

e-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Камаров Мурат Рашитович, младший специалист ООО «ПрайсвотерхаусКуперс Консультирование»

e-mail: kamuras@list.ru

© Степаненко Р.Ф., 2019.

© Камаров М.Р., 2019.

Статья получена: 23.07.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the authors: Stepanenko Raviya F. , Doctor of Legal Sciences (Dr. habil.), Professor of Department of Theory and History of State and Law of Kazan (Volga region) Federal University

e-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Kamarov Murat R. , PricewaterhouseCoopers Advisory Junior Specialist

e-mail: kamuras@list.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

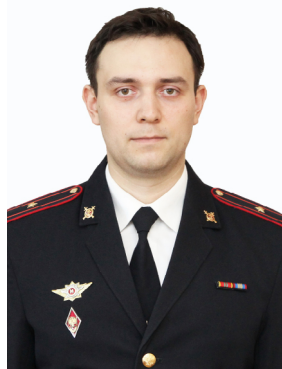
Заявленный вклад авторов

Степаненко Равия Фаритовна – разработка концепции и инициатива исследования, осуществление теоретического анализа и доработка текста.

Камаров Мурат Рашитович – подготовка первоначального варианта текста, проведение критического анализа материалов и формирование выводов, подбор и поиск аналитических материалов.

УДК 343.9

DOI: 10.24420/KUI.2019.91.33.007

Р.Р. Абдулганеев

**ПРАВОВОЙ ОПЫТ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА**

**SELECTED ASPECTS OF THE CRIMINAL LAW
OF THE REPUBLIC OF AUSTRIA
ON COUNTERING TERRORISM**

Введение: в статье рассматриваются отдельные аспекты уголовного законодательства Австрийской Республики о противодействии преступлениям террористического характера.

Материалы и методы: материальную базу исследования составили нормы действующего уголовного законодательства Австрийской Республики, нормативные правовые акты Европейского союза, статистические данные правоохранительных органов и специализированных государственных структур Австрийской Республики о количественных и качественных показателях преступлений террористического характера, а также статистические данные Полицейской службы Европейского союза (Европол).

Методика исследования основана на диалектическом методе, в качестве частных научных методов применялись статистический, сравнительно-правовой и формально-логический методы.

Результаты исследования: в статье рассматриваются особенности австрийского уголовного законодательства при квалификации преступлений террористического характера. В рамках данной статьи особое внимание уделено этапам становления, причинам актуализации и опыту реализации антитеррористических норм уголовного законодательства Австрийской Республики.

Обсуждение и заключения: в статье обосновывается мнение, согласно которому антитеррористические нормы австрийского уголовного права, находясь во взаимосвязи с правовыми нормами Европейского союза, формируют особый правовой контекст, в котором противодействие терроризму уголовно-правовыми средствами представляется в качестве обеспечительной меры национальной безопасности.

Ключевые слова: терроризм, преступление террористического характера, австрийское уголовное законодательство, противодействие терроризму

Для цитирования: Абдулганеев Р.Р. Правовой опыт Австрийской Республики в противодействии преступлениям террористического характера // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 302-308. DOI: 10.24420/KUI.2019.91.33.007

Introduction: the article considers the legal experience of the Republic of Austria in the sphere of countering crimes of a terrorist nature by criminal law means.

Materials and Methods: the material base of the study was constituted by the norms of the current criminal legislation of the Republic of Austria, the regulatory legal acts of the European Union, statistical data of law enforcement agencies and specialized state structures of the Republic of Austria on quantitative and qualitative indicators of terrorist crimes, as well as data of the European Union Police Service.

The research methodology is based on the dialectical method. Statistical, comparative legal and formal logical methods were used as private scientific methods.

Results: the article deals with the peculiarities of the Austrian criminal law when qualifying crimes of a terrorist nature. Within the framework of this article, special attention is paid to the stages of formation, the reasons for the actualization and the experience in the implementation of the anti-terrorist norms of the criminal legislation of the Republic of Austria.

Discussion and Conclusions: the article substantiates the view that the anti-terrorist norms of Austrian criminal law, while interrelated with the legal norms of the European Union, form a special legal context in which countering terrorism with criminal means is presented as a security measure of national security.

Key words: terrorism, terrorism crime, Austrian criminal law, countering terrorism

For citation: Abdulganeev R.R. Selected aspects of the criminal law of the Republic of Austria on countering terrorism // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 302-308. DOI: 10.24420/KUI.2019.91.33.007

Введение

Противодействие терроризму на территории стран Западной Европы выступает одним из ключевых элементов в обеспечении стратегических интересов национальной безопасности государств-членов Европейского союза (ЕС). Данное основание находит свое правовое закрепление в рамках «Глобальной стратегии внешней политики и политики безопасности ЕС» (A Global Strategy for the EU's Foreign and Security Policy)¹ как руководящего документа европейского стратегического планирования.

При этом высокая вероятность террористической угрозы потребовала от ряда стран Европейского союза существенной модернизации национальной нормативной правовой базы, в том числе норм уголовного законодательства, за совершение преступлений данной категории.

К одной из стран, сформировавших особый правовой режим, позволяющий эффективно противодействовать терроризму уголовно-правовыми средствами, относится Австрийская Республика. Мы полагаем, что рассмотрение положений австрийского уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям террористического характера позволит выявить и обобщить положительный правовой опыт, а также сформировать направления по актуализации антитеррористических барьеров в рамках отечественного уголовного права.

Обзор литературы

Формирование новых подходов в определении действенных антитеррористических мер уголовно-правового характера составляет одно из ключевых направлений деятельности австрийского научного сообщества. Так, различным аспектам противодействия терроризму уголовно-правовыми средствами были посвящены труды ведущих австрийских ученых: Ф. Форштубера (F. Forsthuber) (терроризм и уголовное право – взгляд с практической и теоретической точек зрения [1], А. Ленер (A. Lehner) (преступления, связанные с финансированием терроризма) [2], И. Митгуча (I. Mitgutsch) (национальная юрисдикция в отношении зарубежных террористических организаций) [3], Н.М. Шаллмозер (N.M. Schallmoser) (участие в террористических организациях за рубежом и внутренняя юрисдикция) [4], П. Хилпольда (P. Hilpold) (австрийский нейтралитет и борьба с терроризмом) [5] и др.

Материалы и методы

Материальную основу исследования составили статистические данные Полицейской службы Европейского союза (Европол) с 2014 по 2018 гг. об

индексах террористической угрозы на территории государств-членов Европейского союза; статистические данные Министерства внутренних дел Австрийской Республики с 2013 по 2018 гг. о количественных и качественных показателях выявленных преступлений террористического характера; статистические данные Министерства по вопросам конституции, реформам, дерегуляции и юстиции с 2014 по 2018 гг. о количестве расследованных уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений террористического характера; данные Федерального ведомства по охране конституции и борьбе с терроризмом Австрийской Республики с 2016 по 2018 гг. о количестве и видах совершенных преступлений террористического характера; данные Федерального управления статистики Австрийской Республики о количестве преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Австрийской Республики с 2016 по 2018 гг.

Результаты исследования

Австрийская Республика относится к числу стран со значительным индексом террористической угрозы², этому способствует не только соседство с государствами, подвергшимися террористической агрессии, но и расположение на пересечении крупных транзитных путей незаконной миграции из регионов с осложненным политическим и (или) социально-экономическим положением.

По данным Министерства внутренних дел Австрийской Республики (Bundesministerium für Inneres), географическая близость к государствам западно-балканского региона и реализация процессов интеграции этих государств в Европейский союз оказывают исключительное влияние на ситуацию с антитеррористической защищенностью³.

Таким образом, в зоне особого внимания правоохранительных органов Австрийской Республики остается высокая вероятность включения в нелегальные миграционные потоки представителей террористических организаций, в том числе лиц, имеющих гражданство или вид на жительство в странах Европейского союза.

По данным Федерального ведомства по охране конституции и борьбе с терроризмом (Bundesamt für Verfassungsschutz und Terrorismusbekämpfung), с 2016 г. усилилась тенденция к возвращению лиц из числа граждан Австрийской Республики, выехавших на территории квазигосударственных образований в сирийско-иракскую зону военных действий. Так, только за последние три года на территорию страны вернулось более 170 граждан Австрийской Республики⁴.

¹ A Global Strategy for the EU's Foreign and Security Policy, June 2016. URL: https://eeas.europa.eu/topics/eu-global-strategy/17304/global-strategy-european-unions-foreign-and-security-policy_en (дата обращения: 10.02.2019)

² European Union Terrorism Situation and Trend Report 2018. Hague. 2018. P. 57.

³ Verfassungsschutzbericht. 2017. Wien. 2018. S. 12.

⁴ Verfassungsschutzbericht. 2017. Wien. 2018. S.12; Verfassungsschutzbericht. 2016. Wien. 2017. S. 24.

С 2013 г. в Австрийской Республике наблюдается устойчивый рост преступлений, совершенных мигрантами¹. Из 30157 лиц, которые были осуждены в 2018 г. за совершение преступлений, доля иностранных граждан составила 43,5% (13118 лиц)²; в 2017 г. – 42,8% (13001 лиц из 30746); в 2016 г. – 41,1% (12520 из 30450); в 2015 г. – 40 % (12857 из 32118); в 2014 г. – 37% (12210 из 32980); в 2013 г. – 35,2% (12107 из 34424)³.

По нашему мнению, данные обстоятельства обуславливают формирование пространства для потенциальной радикализации, в том числе образование анклавов и закрытых социальных групп, организованных на национальной или религиозной основе, где велика вероятность культивирования крайних идеологических воззрений, в том числе идеологии терроризма.

Все указанное свидетельствует о наличии напряженного криминогенного фона внутри австрийского общества, приводящего к разногласиям на межнациональной и религиозной почве, нередко переходящим грань уголовного закона.

Осознавая сложность преодоления угрозы терроризма и обеспечения внутренней безопасности в Австрийской Республике, федеральное правительство предприняло ряд шагов по актуализации норм уголовного законодательства современным вызовам и угрозам террористического характера. Так, с 1974 по 2019 гг. в Уголовный кодекс Австрийской Республики (УК Австрийской Республики) было внесено 58 изменений, из них 6 связаны с совершенствованием норм, направленных на противодействие терроризму.

Важной особенностью действующего уголовного законодательства Австрийской Республики является отсутствие дефиниции терроризма. При этом, как отмечает А. Ленер, с 1963 г. Австрийская Республика ратифицировала действие 19 конвенций и протоколов о противодействии терроризму, которые по-разному толкуют данное понятие [2], но так и не выработала собственного правового понимания терроризма как преступного явления.

С момента принятия Уголовного кодекса Австрийской Республики (Strafgesetzbuch) в 1974 г.⁴ раздел 20 «Преступные действия против обще-

ственного спокойствия» (Strafbare Handlungen gegen den öffentlichen Frieden) не предусматривал преступления террористического характера в качестве самостоятельной нормы, а терроризм как разновидность преступной деятельности.

Отметим, что нарастающая опасность террористической угрозы потребовала принятия взвешенных и эффективных мер уголовно-правового характера, что нашло отражение в следующих этапах становления и актуализации антитеррористических норм уголовного законодательства Австрийской Республики:

I. Правовое осознание угрозы международного терроризма

Переосмысление ключевых подходов в работе по формированию актуальных уголовно-правовых барьеров на пути террористической угрозы приобрело новый виток после трагических событий 11 сентября 2001 г. в г. Нью-Йорке. Так, в 2002 г. УК Австрийской Республики был подвергнут масштабному реформированию, в результате которого в раздел 20 Уголовного кодекса Австрийской Республики были включены статьи 278b «Террористическое сообщество» (Terroristische Vereinigung), 278c «Террористические преступления» (Terroristische Straftaten) и 278d «Финансирование терроризма» (Terrorismusfinanzierung)⁵.

II. Развитие уголовно-правовой мысли о противодействии новым формам террористической деятельности

Данный этап реформирования уголовного законодательства Австрийской Республики был связан с принятием закона «О предупреждении терроризма» (Das Terrorismuspräventionsgesetz) в 2010 г., на основании которого была проведена работа по дополнению раздела 20 УК Австрийской Республики статьей 278f «Инструктаж по совершению террористического преступления» (Anleitung zur Begehung einer terroristischen Straftat) и статьей 282a «Подстрекательство к совершению террористических преступлений и поощрению совершения террористических преступлений» (Aufforderung zu terroristischen Straftaten und Gutheißung terroristischer Straftaten), которые вступили в силу в январе 2012 г.⁶

¹ По данным Федерального управления статистики Австрийской Республики, по состоянию на 2018 г. в стране официально проживает 1,697 млн иностранных граждан и лиц без гражданства, что составляет 19,2% от общей численности населения страны // Bundesländer Statistiken zu migration & integration. – 2018. Wien, 2018. S. 10.

² Kriminalität. URL: http://statistik.at/web_de/statistiken/menschen_und_gesellschaft/soziales/kriminalitaet/index.html (дата обращения: 12.08.2019).

³ Sicherheitsbericht 2017. Bericht über die Tätigkeit der Strafjustiz. Wien, 2018. S. 39.

⁴ Bundesgesetz vom 23. Jänner 1974 über die mit gerichtlicher Strafe bedrohten Handlungen (Strafgesetzbuch – StGB) // Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. 1974. Nr. 60, ausgegeben zu Wien am 29 Jänner 1974, S. 641-692.

⁵ Bundesgesetz Strafrechtsänderungsgesetz 2002 // Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. 2002. Teil I. Nr. 134, ausgegeben zu Wien am 13 August 2002, S. 1407-1422.

⁶ Bundesgesetz, mit dem das Strafgesetzbuch zur Verhinderung von Terrorismus sowie das Strafgesetzbuch und die Strafprozessordnung 1975 zur Verbesserung des strafrechtlichen Schutzes der Umwelt geändert werden // Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. 2011. Teil I. Nr. 103, ausgegeben zu Wien am 21 November 2011. URL: https://www.sbg.ac.at/ssk/bgbl/2013_i_116.pdf (дата обращения: 20.05.2019).

III. Совершенствование уголовно-правовых механизмов по противодействию воспроизводимому потенциалу террористических организаций

К одному из последних изменений УК Австрийской Республики, произошедших в октябре 2018 г., относится дополнение раздела 20 статьей 278g «Поездка в террористических целях» (*Reisen für terroristische Zwecke*)¹, направленной на противодействие пополнению рядов террористических организаций австрийскими гражданами и лицами, имеющими вид на жительство в стране.

Стоит отметить, что особое влияние на формирование уголовно-правовой политики в области противодействия терроризму оказывает нахождение Австрийской Республики в рамках правового пространства Европейского союза. Так, Директива 2017/541 Европейского парламента и Совета от 15.03.2017 г. «О борьбе с терроризмом и замене Рамочного решения Совета 2002/475/JI и внесении изменений в Решение Совета 2005/671/JI»² в части 1 статьи 19 определила, что каждое государство-член ЕС должно принять необходимые меры для установления своей юрисдикции в отношении ряда преступлений, к числу которых также относятся деяния террористического характера.

Таким образом, в современном уголовном законодательстве Австрийской Республики к преступлениям террористического характера (без дополнительных условий) относятся: статья 278b «Террористическое сообщество», статья 278c «Террористические преступления» и статья 278d «Финансирование терроризма»; 278e «Обучение (подготовка) в террористических целях»; статья 278f «Инструктаж по совершению террористического преступления»; статья 278g «Поездка в террористических целях»; статья 282a «Подстрекательство к совершению террористических преступлений и поощрению совершения террористических преступлений».

По данным Министерства по вопросам конституции, реформам, дерегуляции и юстиции (*Bundesministerium für Verfassung, Reformen, Deregulierung und Justiz*), с 2014 по 2018 г. на территории Австрийской Республики было осуждено 126 человек (2014 г. – 1; 2015 г. – 18; 2016 г. – 43; 2017 – 29³; 2018 – 35⁴), за совершение преступлений террористического характера.

По данным статистики за 2014–2018 гг., к наиболее распространенным преступлениям террористического характера относятся деяния, указанные в статьях 278b, 278d и 282a УК Австрийской Республики⁵.

По нашему мнению, приведенные выше нормы составляют рациональное сочетание правовых усилий австрийского законодателя в сфере формирования актуальных антитеррористических барьеров уголовно-правового характера.

1. Статья 278b «Террористическое сообщество» (*Terroristische Vereinigung*).

Раскрывая положения статьи 278b «Террористическое сообщество», важно отметить, что она относится к числу первых антитеррористических норм австрийского уголовного законодательства и с момента ее введения в УК Австрийской Республики в 2002 г. претерпевает уже вторую редакцию.

В УК Австрийской Республики под террористическим сообществом понимается объединение лиц на долгосрочной основе, состоящее более чем из двух человек, имеющее целью совершение хотя бы одним из них одного или нескольких террористических преступлений или осуществление финансирования терроризма.

Действующая редакция статьи 278b «Террористическое сообщество» УК Австрийской Республики по итогам внесенных изменений в 2010 г. включает в себя три части. В части 1 предусмотрена ответственность лица за руководство террористическим сообществом, в части 2 – за участие в деятельности террористического сообщества, а в части 3 приведено понятие террористического сообщества.

При этом в изначальной редакции 2002 г. в части 1 статьи 278b УК Австрийской Республики были заложены две формы активного преступного поведения, заключающиеся как в непосредственном руководстве террористическим сообществом, так и в руководстве террористическим сообществом с целью совершения преступлений, указанных в части 1 статьи 278c УК Австрийской Республики⁶.

Отметим, что при характеристике участия лица в деятельности террористического сообщества применяются требования части 3 статьи 278 «Преступное сообщество» (*Kriminelle Vereinigung*) УК Австрийской Республики, на основании которых членом преступного сообщества является любой,

¹ Bundesgesetz Strafrechtsänderungsgesetz 2018 // Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. 2018. Teil I. Nr. 70, ausgegeben zu Wien am 25 Oktober 2018. URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblAuth/BGBLA_2018_I_70/BGBLA_2018_I_70.pdf (дата обращения: 20.05.2019).

² Richtlinie (EU) 2017/541 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 15. März 2017 zur Terrorismusbekämpfung und zur Ersetzung des Rahmenbeschlusses 2002/475/JI des Rates und zur Änderung des Beschlusses 2005/671/JI des. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=celex%3A32017L0541> (дата обращения: 05.03.2019).

³ Sicherheitsbericht 2017. Bericht über die Tätigkeit der Strafjustiz. Wien, 2018, S. 49.

⁴ European Union Terrorism Situation and Trend Report 2019. Hague, 2019, P. 69.

⁵ Sicherheitsbericht 2017. Bericht über die Tätigkeit der Strafjustiz. Wien, 2018, S. 48-49.

⁶ Статья 278c «Террористические преступления» УК Австрийской Республики включает в себя список умышленных деяний, которые могут считаться террористическими преступлениями, если они совершены при наличии террористического мотива.

кто совершает уголовное преступление в рамках своей преступной деятельности или иным образом участвует в деятельности такого сообщества (предоставляя информацию, активы и др.), зная, что своими действиями пропагандирует сообщество или его преступную деятельность.

2. Статья 278d «Финансирование терроризма» (Terrorismusfinanzierung).

Современная австрийская уголовно-правовая политика в сфере формирования барьеров на пути финансирования терроризма складывается в инклюзивном ключе, позволяя координировать правовые усилия в противодействии организованным формам финансового обеспечения терроризма.

В первоначальной (2002 г.) редакции статья 278d УК Австрийской Республики включала две части, содержащие восемь различных вариантов преступной деятельности. К таковым относилось финансирование разнородных по своему правовому характеру деяний (воздушное пиратство, преднамеренная угроза для воздушной безопасности; преднамеренное воздействие ядерного или ионизирующего излучения; покушение на жизнь, здоровье или свободы лица, пользующегося международной защитой, и др.). Однако в 2013 г. в свете реализации Рекомендаций ФАТФ «Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения»¹ преступлением было признано финансирование не только террористических актов, но и отдельных террористов и террористических организаций, даже при отсутствии связи их действий с конкретным террористическим актом или актами.

На этом основании 29.07.2013 в Федеральный закон Австрийской Республики от 13.08.2002 №134 «О внесении изменений в Уголовный кодекс»² были внесены поправки, в соответствии с которыми часть 1 статьи 278d УК Австрийской Республики была дополнена пунктом 9 и введена в действие часть 1а.

Положения пункта 9 части 1 статьи 278d УК Австрийской Республики предусматривают ответственность за предоставление или сбор финансовых активов с целью их использования (даже частичного) при совершении любого из преступлений, указанных в пункте 1 статьи 278с «Террористические преступления», статье 278е «Обучение (подготовка) в террористических целях», статье 278f «Инструктаж по совершению террористи-

ческого преступления» и статье 278g «Поездка в террористических целях» или за использование финансовых активов с целью вовлечения другого лица к совершению одного из преступлений, указанных в пунктах с 1 по 9 и 10 части 1 статьи 278с УК Австрийской Республики.

В свою очередь, введение части 1а в статью 278d УК Австрийской Республики позволило включить в уголовно-правовую орбиту две новые разновидности финансирования терроризма: а) деяния, связанные с предоставлением или сбором финансовых активов для другого лица, о котором достоверно известно, что оно готовит совершение одного из деяний, указанных в части 1 статьи 278d УК Австрийской Республики; б) деяния, связанные с предоставлением или сбором финансовых активов для члена террористического сообщества, которое готовит совершение деяния, указанного в части 1 статьи 278d УК Австрийской Республики.

3. Статья 282а «Подстрекательство к совершению террористических преступлений и поощрению совершения террористических преступлений».

Формирование уголовно-правовых барьеров на пути распространения крайних идеологических воззрений, в том числе идеологии терроризма среди широких слоев общества, получило новый импульс в свете активизации в 2010–2016 гг. миссионерского движения салафитского толка в Австрийской Республике и на территории приграничных государств³.

В 2011 г. в рамках реализации требований Рамочного решения Совета ЕС 2008/913/ JHA от 28 ноября 2008 года «О криминализации определенных форм и проявлений расизма и ксенофобии»⁴ УК Австрийской Республики был дополнен статьей 282а.

Структурно указанная норма состоит из двух частей. В части 1 предусмотрена ответственность за публичное подстрекательство в печатном издании, в прямом эфире средств массовой информации или любым другим способом к совершению любого преступления, указанного в пунктах с 1 по 9 или 10 части 1 статьи 278с УК Австрийской Республики.

Важно отметить, что, исходя из положений статьи 12 УК Австрийской Республики, лицом, совершающим преступление, признается не только непосредственный его исполнитель, но также и любое лицо, подбирающее соучастников для его совершения, или лицо, иным образом способствующее его совершению.

¹ Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / пер. с англ. М., 2012. С. 15.

² Bundesgesetz, mit dem das Strafgesetzbuch geändert wird // Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. 2002. Teil I. Nr. 134, ausgegeben zu Wien am 13 August 2002. S. 1407-1422.

³ Verfassungsschutzbericht. 2017. Wien, 2018. S. 12.

⁴ Rahmenbeschluss 2008/913/JI des Rates vom 28. November 2008 zur strafrechtlichen Bekämpfung bestimmter Formen und Ausdrucksweisen von Rassismus und Fremdenfeindlichkeit // Amtsblatt der Europäischen Union. 2008. № L 328. S. 55-58.

В свою очередь, в положении части 2 статьи 282а УК Австрийской Республики закреплено, что уголовной ответственности подлежит любое лицо, которое поощряет совершение любого преступления, указанного в пунктах с 1 по 9 или 10 части 1 статьи 278с УК Австрийской Республики, в такой форме, которая может привести к совершению другим лицом одного или нескольких подобных преступлений.

Полагаем, что такое понимание подстрекательства к совершению террористических преступлений и поощрению их совершения является характерной чертой австрийского уголовного законодательства, позволяющей комплексно реагировать на угрозу распространения идеологии терроризма и взвешенно подходить к преодолению новых вызовов террористического характера.

Обсуждение и заключения

На основании проведенного анализа отдельных аспектов уголовного законодательства Австрийской Республики в сфере противодействия терроризму считаем необходимым выделить следующее:

1. По нашему мнению, осложнение криминогенной обстановки и нарастание внутренних дестабилизирующих процессов, происходящие изменения вектора распространения крайних идеологических воззрений, сопряженные с негативными последствиями миграционного кризиса 2015–2016 гг., способствовали выявлению уязвимых компонентов общеевропейской архитектуры безопасности, что потребовало актуализации отраслевой нормативной правовой базы, в том числе и норм уголовного законодательства.

Важно отметить, что, начиная с 2002 г., из 6 внесенных изменений в УК Австрийской Республики, связанных с совершенствованием норм, направленных на противодействие терроризму, 4 были внесены в период с 2010 по 2018 гг. Считаем, что этапность происходящих с 2010 г. модификаций антитеррористических норм австрийского уголовного законодательства носит не системный, а, скорее, уточняющий характер. По нашему мнению, указанное выступает следствием материальных изменений терроризма как преступного явления на территории государств-членов Европейского союза, что имманентно отражается на всей правовой системе Австрийской Республики. Данное основание позволяет сделать вывод о наличии «конвенционной зависимости» антитеррористических норм уголовного законодательства Австрийской Республики, что может негативно отражаться на формировании национальных правовых барьеров в указанной сфере.

2. В содержательной плоскости основная тенденция развития антитеррористических норм УК Австрийской Республики связана с динамикой

ужесточения санкций за совершение преступлений террористического характера. Так, одним из основных видов наказаний за совершение преступлений террористического характера является лишение свободы на определенный срок. Начиная с 2010 г., минимальный размер данного вида наказания в среднем был увеличен в два раза и в максимальном исчислении достигает 20 лет лишения свободы.

В качестве характерной особенности австрийского уголовного законодательства стоит отметить, что любое лицо при совершении хотя бы одного из деяний, указанных в части 1 статьи 278с УК Австрийской Республики, подлежит наказанию в соответствии с законом, применимым к упомянутому в нем преступлению, при этом максимальный размер наказания за его совершение увеличивается вдвое, но не может составлять более 20 лет.

3. Уголовно-правовые формы защиты национальных интересов Австрийской Республики от преступлений террористического характера сформированы на основе присущей романо-германской правовой системе законодательной градации в зависимости от уровня общественной опасности. Необходимо отметить, что преступления террористического характера до 2002 г. не составляли отдельную категорию уголовно-наказуемых деяний, а рассматривались как разновидность организованных форм преступной деятельности. При этом в рамках действующей редакции УК Австрийской Республики перечень преступлений, признаваемых террористическими, не представлен в виде отдельного раздела, а находит свое отражение в разделе 20 «Преступные действия против общественного спокойствия».

4. В правовом контексте конструирование отдельных антитеррористических норм УК Австрийской Республики имеет новаторский формат, выходящий за пределы классических подходов доктринального обоснования противодействия терроризму уголовно-правовыми средствами. Так, особого внимания заслуживает статья 278с «Террористические преступления», которая в части 1 предусматривает перечень деяний, по своей совокупности не являющихся террористическими, но при наличии террористического мотива подлежащих квалификации как преступления террористического характера.

Полагаем, что рассмотренные отдельные аспекты действующего уголовного законодательства Австрийской Республики в сфере противодействия терроризму позволили раскрыть основные тенденции развития правовой мысли в указанной сфере, выявить характерные для австрийского уголовного законодательства правовые конструкции и обобщить правовой опыт противодействия терроризму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Forsthuber F. Terrorismus und Strafrecht – Gedanken aus richterlicher und grundrechtlicher Sicht // Terrorismus und Strafrecht. Symposiummaterialien am 15. April 2016. Wien, 2017. S. 9–15.
2. Lehner A. Straftatbestände zur Bekämpfung der Terrorismusfinanzierung. Eine rechtsvergleichende Untersuchung der österreichischen und deutschen Bestimmungen unter Berücksichtigung internationaler und europäischer Rechtsinstrumente: dis. ... Dr. iur. Wien, 2014. 298 s.
3. Mitgutsch I. Innerstaatliche Gerichtsbarkeit bei terroristischer Vereinigung (§ 278b StGB) eines Ausländers im Ausland // Journal für Strafrecht. 2019. № 1. S. 41–44.
4. Schallmoser N.M. Beteiligung an terroristischer Vereinigung im Ausland und inländische Gerichtsbarkeit // Juristische Blätter. 2017. № 12. S. 809–815.
5. Hilpold P. Die österreichische Neutralität und der Kampf gegen den Terrorismus // Journal für Rechtspolitik. 2016. № 4. S. 282–286.

Об авторе: Абдулганеев Ренат Рафаилович, кандидат юридических наук, начальник научно–исследовательского отделения Казанского юридического института МВД России
e-mail: niirio@inbox.ru
© Абдулганеев Р.Р., 2019.

Статья получена: 03.07.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the author: Abdulganeev Renat R., Candidate of Law (Research doctorate), Head of Research Department of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: niirio@inbox.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

А.Н. Варыгин, О.В. Шляпникова

**ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ГРУППОВУЮ
ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ**

CHALLENGES OF PREVENTIVE INFLUENCE ON GROUP JUVENILE CRIME

Введение: в статье анализируются проблемные вопросы профилактического воздействия на групповую подростково-молодежную преступность. Основная цель исследования заключается в обосновании приоритетной роли ранней профилактики групповой подростково-молодежной преступности, заключающейся в ее надлежащем правовом, информационном, методическом, материальном, кадровом обеспечении.

Материалы и методы: выбор методологического подхода заявленной темы обоснован целью и задачами исследования и основан на диалектическом методе, а также общих (анализ, синтез, обобщение и сравнение), частнонаучных (статистический, социологический и др.) методах научного познания.

Результаты исследования: в статье предложены новые подходы к системе мер профилактического воздействия на групповую подростково-молодежную преступность, основанные на особенностях группового поведения и процессе его формирования в подростково-молодежной среде, условиях формирования криминогенных и организованных подростково-молодежных групп, на специфике факторов, порождающих совершение преступлений со стороны участников криминогенных и организованных подростково-молодежных формирований.

Обсуждение и заключения: авторы отмечают, что в основе концепции профилактического воздействия на групповую подростково-молодежную преступность должны лежать основополагающие принципы, характерные для концепции реагирования на преступность в целом, с учетом возрастных и социально-психологических особенностей лиц, совершающих преступления, надлежащего научного и правового обеспечения такого воздействия.

Ключевые слова: преступность, подростково-молодежная преступность, подростково-молодежные формирования, профилактическое воздействие, ранняя профилактика

Для цитирования: Варыгин А.Н., Шляпникова О.В. Проблемы профилактического воздействия на групповую подростково-молодежную преступность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 309-314. DOI: 10.24420/KUI.2019.83.20.008

Introduction: the article analyses the problematic issues of the preventive effect on group juvenile delinquency. The main objective of the study is to justify the priority role of early prevention of group teenage and youth crime, in its proper legal, informational, methodological, material, staffing.

Materials and Methods: the choice of the methodological approach of the stated topic is justified by the purpose and objectives of the study and is based on the dialectical method, as well as the general ones: analysis, synthesis, generalization and comparison, private-scientific: statistical, sociological and other methods of scientific knowledge.

Results: the article proposes new approaches to the system of preventive measures for group juvenile delinquency based on the characteristics of group behavior and the process of its formation in adolescent and youth, the

conditions for the formation of criminogenic and organized adolescent and youth groups on the specificity of the factors that generate commission of crimes by members of criminogenic and organized teenage and youth groups.

Discussion and Conclusions: the authors note that the concept of preventive impact on group juvenile crime should be based on the fundamental principles specific to the concept of response to crime in general, taking into account the age and socio-psychological characteristics of perpetrators of crimes, appropriate scientific and legal support for such an impact.

Key words: crime, youth crime, youth formation, preventative intervention, early prevention

For citation: Varygin A. N., Shlyapnikova O. V. Challenges of preventive influence on adolescent and youth crime // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 309-314. DOI: 10.24420/KUI.2019.83.20.008

Введение

В условиях построения правового государства наибольшую актуальность приобретает борьба с криминогенными и криминальными проявлениями в подростково-молодежной среде. Следует признать, что меры реагирования в рассматриваемой сфере не соответствуют реалиям настоящего времени и недостаточно эффективны. Во многом, как нам представляется, это связано с отсутствием научно обоснованной концепции реагирования на подростково-молодежную преступность и правильного использования криминологической информации о ней. Данное обстоятельство указывает на настоятельную необходимость исследования вопросов, связанных с общей характеристикой специфики включения несовершеннолетних и молодых людей в криминогенные и криминальные формирования; с криминологической характеристикой делинквентных и криминальных подростково-молодежных формирований, их взаимосвязью; с процессами детерминации, определяющими включение несовершеннолетних и молодежи в организованные формы преступности, и обстоятельствами, которые влияют на преступное поведение членов организованных преступных формирований. При этом необходимо определить не только степень самодетерминации группового подростково-молодежного поведения, но и роль субъективных и объективных факторов в механизме его формирования.

Теория и практика противодействия групповой подростково-молодежной преступности требует комплексного, но в то же время дифференцированного подхода, заключающегося в особенностях профилактического воздействия в отношении лиц, включенных в криминогенные и криминальные организованные формирования, в результате применения к ним мер криминологического, уголовно-правового и иного характера.

Обзор литературы

В криминологической литературе на протяжении длительного времени предпочтение отдавалось рассмотрению и предупреждению, как пра-

вило, преступности несовершеннолетних, а также несовершеннолетних и молодежи, причем исследование в большей степени основывались на анализе преступности несовершеннолетних, ее состоянии, структуре, динамике, тенденциях развития. Следует отметить работы Р.М. Абызова [1], М.М. Бабаева [2], А.Н. Варыгина [3], Н.И. Ветрова [4], А.И. Долговой [5], В.Д. Ермакова и Н.И. Крюковой [6], В.А. Лелекова [7], С.М. Самоделкина и С.Л. Сибирякова [8] и многих других ученых.

Необходимо при этом отметить, что групповому характеру совершения преступлений как одной из главных особенностей криминальных проявлений в подростково-молодежной среде не уделялось должного внимания. Сотрудниками правоохранительных органов не учитывались, да и сейчас слабо учитываются такие склонности, присущие молодым людям, как чувство стадности, повышенная восприимчивость, обостренное стремление к самовыражению. В результате – наличие множества подростково-молодежных группировок, характеризующихся многообразием стилей, интересов, течений, манер поведения, форм проявлений криминогенной и криминальной активности.

На фоне хотя и недостаточно высокого, однако устойчивого удельного веса рассматриваемого вида преступности теоретиков и практических работников тревожит изменение качественных ее характеристик: преобладание имущественных преступлений (78,1%); рост количества убийств (за последние 5 лет увеличение данного вида преступления составило всего 0,2%, однако выросла доля преступлений, совершаемых с особой жестокостью, издевательствами над жертвой (причем жестокость выступает не как средство достижения цели, а как сама цель); увеличение доли тяжких преступлений, совершенных в группах несовершеннолетних (66%) [9, с. 4].

Многие ученые указывают не только на рост криминальной активности подростков и молодежи, которая почти в 2 раза выше, чем у тридцатилетних лиц и старше, но и на приобретение ими новых форм преступных действий, характеризующихся

повышением уровня организованности, проявлением насилия и массовых столкновений на почве расовой, национальной и религиозной ненависти и вражды [10, с. 126].

Кроме того, следует отметить еще одно обстоятельство, заключающееся в том, что для поведения несовершеннолетних, в том числе в группе, характерно так называемое внеколлективное поведение, которое складывается из поведенческих действий лиц, не объединенных общей целью и тесной совместной деятельностью. Отношения между такими лицами носят преимущественно временный и неустойчивый характер. В результате этого возможно возникновение всевозможных конфликтных ситуаций и, как следствие, совершение непредумышленных (ситуационных преступлений), удельный вес которых достаточно высок [11, с. 63].

Анализ правонарушений в подростково-молодежной среде, форм их проявлений, личностей самих правонарушителей указывает на несформированность у них нервной системы, неумение сдерживать свои эмоции и контролировать поведение, его зависимость от поведения большинства сверстников («толпы»). Это прежде всего относится к подросткам – музыкальным и спортивным фанатам, которые зачастую являются субъектами массового поведения, возникающего под воздействием общего интереса. Такие группы в социальной психологии называются «публикой», они оказывают существенную роль в формировании противоправного, в том числе преступного, поведения членов подростково-молодежных формирований [12, с. 25-29].

Следует признать, что в настоящее время в деятельности правоохранительных органов сложились определенные трудности, связанные с активизацией антиобщественных проявлений у членов подростково-молодежных формирований, что требует изменения привычных форм организации и осуществления профилактической деятельности при выборе средств воздействия на нарушителей как в обычных, так и в экстремальных условиях, на основании изучения закономерностей межличностного и группового общения.

В сложившейся ситуации субъекты профилактической деятельности призваны прежде всего способствовать формированию положительной направленности данных групп, а в случае нарушения ими правовых требований – своевременно пресекать неправомерные действия. Такой подход к решению правовой охраны возможен при условии, если субъекты профилактической деятельности будут владеть необходимыми знаниями о причинах и условиях формирования соответствующих групп и особенностях формирования их индивидуального и группового поведения.

Результаты исследования

Профилактическая деятельность правоохранительных органов включает в себя все средства, методы, способы воздействия на групповые правонарушения членов подростково-молодежных формирований. В связи с этим профилактика правонарушений в указанной сфере – это практическая деятельность указанных органов, направленная на выявление и нейтрализацию всех причин и условий, порождающих данную разновидность правонарушений, на лиц, склонных к их совершению, а также на негативные условия их жизни и воспитания, формирующие противоправное поведение подростков. Как любая социальная деятельность, она должна быть научно обоснованной.

Полагаем, что профилактическое воздействие как на всю преступность в целом, так и на групповую подростково-молодежную преступность в частности необходимо рассматривать как самостоятельную систему, включающую в себя ряд структурных элементов: объект; субъекты профилактического воздействия; виды (уровни) реагирования и их конкретные меры.

Г.А. Аванесов отмечал, что к объектам профилактического воздействия следует относить причины и условия преступлений, факторы, способствующие негативному формированию личности правонарушителя, сама личность и ее поведение [13, с. 44]. Если говорить об объекте профилактического воздействия на подростково-молодежную преступность, то он имеет свои особенности, связанные с характеристиками личности самих правонарушителей и спецификой именно группового поведения и процесса его формирования. Следует отметить, что важно изучение как противоправного поведения подростков и молодежи, так и правомерного, поскольку это парные категории и роль профилактической деятельности в своей значительной части связана с воздействием и на правомерное поведение с целью его упорядочивания, то есть согласования действий и поступков между собой, и с внешними условиями. Такое содержание предупредительной деятельности наиболее характерно при проведении культурно-зрелищных, спортивных и других массовых мероприятий, а также в ситуациях больших скоплений людей.

Групповое поведение членов криминогенных и криминальных организованных подростково-молодежных формирований зависит от многих факторов. Анализ их необходим для того, чтобы: 1) определить место административно-правовых и уголовно-правовых средств в предупреждении и пресечении неправомерных действий; 2) найти правильное соотношение организационных и различного рода юридических средств в системе мер

упорядочения поведения участников криминогенных и криминальных подростково-молодежных формирований; 3) обеспечить успешное взаимодействие с органами и организациями, от которых зависит успех противодействия противоправному поведению членов данных групп.

Субъекты профилактического воздействия, по-нашему мнению, должны быть представлены достаточно широко и включать в себя не только государственные органы, в том числе и правоохранительные, но и неспециализированные органы (например, общественные объединения, представителей институтов гражданского общества; самодетельных организаций; юридических лиц, отдельных граждан). Например, проведенное нами исследование¹ позволило установить более 40 органов и организаций, способных воздействовать на формирование личности в рассматриваемой сфере.

Следует согласиться с А.И. Долговой в том, что при реагировании на преступность, в том числе и на подростково-молодежную, необходимо разграничивать компетенции как отдельных субъектов, так и субъектов коллективного реагирования [14, с. 3-4].

Проведенное нами эмпирическое исследование выявило определенные недостатки в деятельности субъектов профилактического воздействия. На вопрос «Каковы, по Вашему мнению, основные причины подростково-молодежной преступности?» были получены следующие ответы респондентов: утрата воспитательной функции в семье и в системе образования – 60%; низкий уровень профилактики правонарушений – 24%; проблемы межведомственного взаимодействия субъектов профилактики – 16%.

Несомненный теоретический и практический интерес представляют ответы прокурорских работников на вопрос «Что чаще всего является основанием для внесения представлений в ходе надзора за исполнением законов в деятельности подразделений по делам несовершеннолетних?»: несвоевременность и неполнота выявления сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) несовершеннолетних, с которыми они должны проводить работу, – 30%; непринятие мер по разобщению групп несовершеннолетних правонарушителей или переориентация их на положительные интересы, к выявлению лиц, вовлекающих подростков в преступную деятельность и иные формы антиобщественного поведения, – 30%; недостаточное изучение работниками ПДН личности поставленных на учет несовершеннолетних, условий их жизни и воспитания, причин и условий, способствующих совершению подростками

преступлений и иных правонарушений, характера антиобщественного поведения родителей, – 20%; недостаточный контроль за поведением несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы условно и с отсрочкой исполнения приговора, возложенных на них судом обязанностей, несвоевременное представление об отмене условного осуждения или отсрочки исполнения приговора – 10%; отсутствие взаимодействия ПДН с иными государственными и общественными органами в предупреждении преступлений, иных правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних, в работе с родителями, злостно не выполняющими свои обязанности, – 10%.

На вопрос «Какие формы координации предупредительной деятельности являются наиболее эффективными?» были получены следующие ответы: проведение координационных совещаний – 30%; обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью – 30%; проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений, а также устранение причин и условий, способствующих их совершению, – 20%; взаимное использование возможностей правоохранительных органов для повышения квалификации работников – 10%; проведение совместных семинаров, конференций – 10%.

Самыми неэффективными формами взаимодействия респонденты назвали следующие: издание совместных приказов, указаний, подготовка информационно-распорядительных документов – 48%; разработка и утверждение согласованных планов координационной деятельности – 30%; выпуск совместных бюллетеней (сборников) и других информационных изданий – 22%.

Концепцию же профилактического воздействия на групповую подростково-молодежную преступность, о необходимости разработки которой мы говорили, можно представить как совокупность теоретических положений о целях и задачах, основных направлениях воздействия на данный вид преступности, а также мероприятий общесоциального, специально-криминологического, индивидуального и правового характера, направленных на выявление и устранение причин и условий данного вида преступности, воздействия на несовершеннолетних, совершающих преступления и иные правонарушения, а также на среду, формирующую их противоправное поведение. Условиями эффективности воздействия правоохранительных органов на криминогенные и криминальные организованные подростково-молодежные формирования являются: должное материально-техническое и кадровое обеспечение субъ-

¹ Проведен опрос 250 сотрудников прокуратуры и органов внутренних дел Саратовской, Самарской, Пензенской областей.

ектов профилактической деятельности; научное обеспечение данной деятельности; изучение и использование в деятельности передового опыта, достигнутого различными субъектами реагирования; должное информационное обеспечение субъектов и правовое регулирование реагирования на подростково-молодежную групповую преступность.

Обсуждение и заключения

Эффективность профилактической деятельности в рассматриваемой сфере во многом зависит от четкого определения круга лиц, совершающих преступления и иные правонарушения и являющихся объектом профилактического воздействия; установления нижних и верхних границ молодежного возраста, которые позволят выявить не только возрастные, но и другие характерные признаки, в том числе физиологические, психологические, типологические, членов криминогенных и криминальных организованных подростково-молодежных формирований, необходимые для применения дифференцированных мер профилактического

воздействия на них; использование новых, порой нетрадиционных мер профилактического воздействия на подростков и молодежь, прежде всего психолого-педагогического характера, учитывающих вышеназванные признаки личности членов указанных формирований.

Среди форм предупредительного воздействия на групповую подростково-молодежную преступность приоритетной представляется ранняя профилактика преступлений, совершаемых членами криминогенных и криминальных организованных формирований. Это требует от субъектов профилактического воздействия высокого профессионализма, глубоких социально-психологических, психолого-педагогических и правовых знаний, организаторских способностей, настойчивости. Успех ранней профилактики будет достигнут, если практические работники станут направлять свои усилия не на подавление и разрушение группы, а в первую очередь на искоренение причин и условий, порождающих данные формирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абызов Р.М. Типология личностных деформаций несовершеннолетних преступников: монография. Ижевск, 1998. 236 с.
2. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность: монография: М., 2006. 382 с.
3. Варыгин А.Н., Григорян З.М. Убийства, совершаемые несовершеннолетними (особенности мотивации и предупреждения): монография. М., 2013. 152 с.
4. Ветров Н.И. Когда в ответе родители: монография. М., 1980. 127 с.
5. Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних: монография. М., 1981. 160 с.
6. Ермаков В.Д., Крюкова Н.И. Несовершеннолетние преступники в России: монография. М., 1998. 311 с.
7. Лелеков В.А. Молодежная преступность: проблемы и опыт региональных исследований: монография. Воронеж, 1998. 119 с.
8. Самоделкин С.М., Сибиряков С.Л. Преступность несовершеннолетних и ее предупреждение: монография. Волгоград, 1992. 260 с.
9. Криминогенная ситуация в РФ в начале 21 века / под общей редакцией профессора В.Я. Кикотя. М.: ВНИИ МВД России, 2001. С. 100.
10. Крайнева О.Л., Шляпникова О.В. Молодежная насильственная преступность как угроза национальной безопасности России // Информационная безопасность регионов. 2011. № 2 (9). С. 123-128.
11. Варыгин А.Н. «Системное» и «ситуационное» в преступности // Право и политика. 2015. № 1. С. 63.
12. Шляпникова О.В. Проблемы реагирования на поведенческие ситуации с участием членов криминогенных подростковых и молодежных формирований в сфере охраны общественного порядка // Российский следователь. 2009. № 4. С. 25-29.
13. Авансов Г.А. Криминология и социальная профилактика: учебное пособие. М., 1980. С. 44.
14. Долгова А.И. Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. С. 3-4.

REFERENCES

1. Abyzov R.M. Tipologiya lichnostnyh deformatsij nesovershennoletnih prestupnikov: monografiya. Izhevsk, 1998. 236 s.
2. Babaev M.M., Kruter M.S. Molodezhnaya prestupnost': monografiya: M., 2006. 382 s.
3. Varygin A.N., Grigoryan Z.M. Ubijstva, sovershaemye nesovershennoletnimi (osobennosti motivacii i preduprezhdeniya): monografiya. M., 2013. 152 s.
4. Vetrov N.I. Kogda v otvete roditeli: monografiya. M., 1980. 127 s.
5. Dolgova A.I. Social'no-psihologicheskie aspekty prestupnosti nesovershennoletnih: monografiya. M., 1981. 160 s.
6. Ermakov V.D., Kryukova N.I. Nesovershennoletnie prestupniki v Rossii: monografiya. M., 1998. 311 s.

7. Lelekov V.A. Molodezhnaya prestupnost': problemy i opyt regional'nyh issledovaniy: monografiya. Voronezh, 1998. 119 s.
8. Samodelkin S.M., Sibiryakov S.L. Prestupnost' nesovershennoletnih i ee preduprezhdenie: monografiya. Volgograd, 1992. 260 s.
9. Kriminogennaya situatsiya v RF v nachale 21 veka / pod obshchej redakciej professora V.YA. Kikotyа. M.: VNII MVD Rossii, 2001. S. 100.
10. Krajneva O.L., Shlyapnikova O.V. Molodezhnaya nasil'stvennaya prestupnost' kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii // Informacionnaya bezopasnost' regionov. 2011. № 2 (9). S. 123-128.
11. Varygin A.N. «Sistemnoe» i «situacionnoe» v prestupnosti // Pravo i politika. 2015. № 1. S. 63.
12. Shlyapnikova O.V. Problemy reagirovaniya na povedencheskie situatsii s uchastiem chlenov kriminogennyh podrostkovykh i molodezhnykh formirovaniy v sfere ohrany obshchestvennogo poryadka // Rossijskij sledovatel'. 2009. № 4. S. 25-29.
13. Avansov G.A. Kriminologiya i social'naya profilaktika: uchebnoe posobie. M., 1980. S. 44.
14. Dolgova A.I. Reagirovanie na prestupnost' : koncepcii, zakon, praktika. M.: Rossijskaya kriminologicheskaya asociatsiya, 2002. S. 3-4.

Об авторах: Варыгин Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии

e-mail: van808@yandex.ru

Шляпникова Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии

e-mail: ctork64@gmail.com

© Варыгин А.Н., 2019.

© Шляпникова О.В., 2019.

Статья получена: 09.08.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the authors: Varygin Alexander N., Doctor of Law (Dr. habil.), Professor, Head of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of Saratov State Law Academy

e-mail: van808@yandex.ru

Shlyapnikova Olga V., Candidate of Law Sciences (Research doctorate), Associate Professor, Professor, Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of Saratov State Law Academy

e-mail: ctork64@gmail.com

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов

Варыгин Александр Николаевич – концепция и инициация исследования, осуществление критического анализа и доработка текста.

Шляпникова Ольга Викторовна – подготовка первоначального варианта текста, проведение критического анализа материалов и формирование выводов, подбор и поиск аналитических материалов.

М.Ю. Воронин

**ОСОБЕННОСТИ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ
CAUSES OF JUVENILE DELINQUENCY IN RUSSIA**

Введение: статья посвящена исследованию особенностей причин преступности несовершеннолетних. Существующий комплекс причин преступности лиц несовершеннолетнего возраста включает в себя причины и условия, как общие для преступности в целом, так и специфические, характерные особенности, присущие только преступности несовершеннолетних.

Материалы и методы: методологическую основу данной статьи составил диалектический подход к научному познанию особенностей причин преступности несовершеннолетних. При написании статьи были применены общенаучные методы познания.

Результаты исследования: преступность лиц несовершеннолетнего возраста совершенно справедливо относится к одной из первостепенных проблем современного общества. Именно лица несовершеннолетнего возраста являются будущим любого общества. От того, что представляют собой несовершеннолетние в настоящее время, зависит возможный прогноз их будущего, а также развитие общества в целом. Анализ причин преступного поведения лиц несовершеннолетнего возраста начинается с исследования недостатков в организации воспитания детей в основных социальных институтах: в семье, формальных коллективах в детском саду, школе, неформальных группах по месту жительства, специальных воспитательных учреждениях. Исходя из современных реалий, данный перечень следует дополнить еще одним направлением исследования – изучением «жизни» несовершеннолетних в социальных сетях.

Обсуждение и заключения: при оценке причин и условий, способствующих существованию преступности современных несовершеннолетних, следует исходить из тех же положений, что и при оценке причин и условий, лежащих в основе преступности в целом. Компьютеризация, развитие информационно-коммуникационных технологий, пронизывающие все сферы жизнедеятельности современного общества, оказывают как позитивное, так и негативное влияние на особенности, процессы развития преступности несовершеннолетних. Данные процессы лежат в основе формирования «новых» причин преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступность несовершеннолетних, семья, социальная среда, причины преступности несовершеннолетних

Для цитирования: Воронин М.Ю. Особенности преступности несовершеннолетних в России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 315-320. DOI: 10.24420/KUI.2019.46.97.009

Introduction: the article is devoted to the study of causes of juvenile delinquency. The causal complex of juvenile delinquency includes causes and conditions, both common to crime in general and specific, features inherent only in juvenile delinquency.

Materials and Methods: the methodological basis of this article is a dialectical approach to scientific knowledge of the causes of juvenile delinquency. General scientific methods of cognition are used in the article.

Results: the crime of juveniles quite rightly belongs to one of the primary issues of concern of modern society. It is the juveniles who are the future of any society. Their future, as well as the development of the society as a whole, depend on what are juveniles. Analysis of the causes of criminal behavior of minors begins with a study of shortcomings in education of children in such social institutions as: family, formal groups in kindergarten, school, in informal groups at place of residence, as well as in special educational institutions. Based on modern realities, this list should be supplemented by another area of research, namely the study of "life" of minors in social networks.

Discussion and Conclusions: the assessment of the causes and conditions that contribute to the existence of juvenile delinquency should be based on the same provisions as the assessment of the causes and conditions that underlie crime in general. Computerization, information and communication technologies development permeating all spheres of modern society, have both positive and negative impact on the features, the development of juvenile delinquency. These processes are the basis for the formation of "new" causes of juvenile delinquency.

Key words: juvenile, juvenile delinquency, family, social environment, causes of juvenile delinquency

For citation: Voronin M.YU. Causes of juvenile delinquency in Russia // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 315-320. DOI: 10.24420/KUI.2019.46.97.009

Введение

В силу психологических и возрастных особенностей несовершеннолетних, а также оригинальности социально-правового статуса самого лица, не достигшего совершеннолетнего возраста, причины преступности несовершеннолетних являются достаточно специфичными [1, с. 792].

Воздействие окружающей социальной среды на особенности культурно-нравственного формирования и развитие индивида, а также существующие разногласия в процессе становления современного российского общества оказываются ключевыми в объяснении причин противоправного поведения лиц несовершеннолетнего возраста. Так, динамично развивающиеся в нашем обществе процессы политического, экономического, идеологического, культурно-воспитательного, культурно-нравственного, социально-психологического, а также демографического характера оказывают значительное влияние на поведение лиц несовершеннолетнего возраста, определяют его модель, сущность и характер. Такие процессы детерминируют условия жизни в современном обществе, подчеркивают своеобразие (в зависимости от контингента и территории и т.д.) деятельности по воспитанию и обучению несовершеннолетних, а также формированию их личности [1, с. 695]. Также они обуславливают и такие социально-негативные явления, как количественные показатели разводов, повышенный уровень заболевания и смертности лиц несовершеннолетнего возраста, уровень суицидов, алкоголизацию, наркоманию, проституцию, преступность в целом.

В состав комплекса причин преступности лиц несовершеннолетнего возраста входят как причины и условия, общие для преступности в целом, так и специфичные, характерные особенности, присущие только преступности несовершеннолетних [2]. Речь идет о социальных явлениях и процессах, которые негативным образом влияют на социализацию несовершеннолетних, формирование их личности, избираемую модель поведения в силу возрастных и индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего.

Исследования, проводимые в криминологической науке, способствуют более глубокому пони-

манию сути, особенностей и тенденций развития преступности лиц несовершеннолетнего возраста. Именно криминологи вместе с представителями иных социальных наук выявляют, исследуют и анализируют те социальные процессы, которые лежат в основе происходящих асоциальных явлений [3].

Обзор литературы

В разные годы особенности, специфика причин преступности несовершеннолетних исследовались такими учеными, как Ю.М. Антонян, М.М. Бабеев, С.Е. Вицин, Н.И. Гуковская, А.И. Долгова, Л.А. Ефименко, Г.И. Забрянский, Н.И. Крюкова, Н.Ф. Кузнецова, В.М. Кудрявцев, Н.В. Машинская, Г.М. Миньковский, Б.А. Плюснин, Г.М. Погорелова, С.Т. Сулейманова, А.П. Тузов.

Материалы и методы

Методологическую основу данной статьи составил диалектический подход к научному познанию особенностей причин преступности несовершеннолетних. В связи с этим были применены общенаучные методы познания. Общенаучные методы познания представлены системно-структурным анализом, методом дифференциации, обобщением, сравнением, абстракцией, формализацией, аналогией, историко-правовым методом, моделированием.

Результаты исследования

По мнению профессора А.Н. Трайнина, преступность «отражает и резюмирует все влияния окружающей среды. Оттого преступность неубывающая, а тем более преступность растущая – грозное свидетельство неблагополучия в самих основах современного общества» [4, с. 182]. Эта точка зрения была озвучена на рубеже 20 – 30-х годов XX века, когда проводились криминологические исследования и в ряде крупных городов работали криминологические кабинеты, а также был создан институт уголовной и исправительно-трудовой политики. Следует отметить, что возрождение в последующем криминологической науки в нашей стране началось именно с констатации существующих причин и условий преступности.

Так, основополагающее понятие причин преступности, рассматриваемое как первоначальная научная позиция, сводится к тому, что под причиной следует понимать одиночное явление, а также сово-

купность взаимосвязанных явлений, которое продуцирует другое явление (явления), исследуемое в подобных случаях как следствие (или действие). Говоря о причинах преступности, о совокупности взаимосвязанных явлений, необходимо подчеркнуть, что следствием их выступает преступность как социально-негативное явление. Причина создает возможность появления определенного следствия, для наступления которого также необходимы и определенные условия [5, с. 44-48.]. Еще в 70-х годах XX века авторами была обозначена следующая позиция: условия сами по себе не могут породить, произвести следствие, но в определенной ситуации (обстановке, обстоятельствах) помогают реализации действия причины. Подобный аспект относится и к причинам преступности (так же, как и к ее условиям). При этом, анализируя причины преступности, необходимо учитывать различные виды связей: связи строения, функционирования, социально-генетические связи, а также причинно-следственные и многие другие связи и взаимозависимости. Некоторые из них имеют общие черты, но, естественно, обладают присущими только им особенностями [6, с. 89, 90.]. Данная точка зрения не утратила своей актуальности и в настоящее время.

Выявляя, изучая и анализируя причины преступности, исследователи делают акцент на причинно-следственных связях. Естественно, абсолютизация их неприемлема. Глубокое исследование такого непростого социально-негативного явления, как преступность, не может ограничиваться рассмотрением только причинно-следственных связей. Подобный подход может лечь в основу разобщенности отдельных процессов и явлений, к отделению их от существующих взаимосвязей, взаимозависимостей с иными процессами, явлениями. Так, при осуществлении фундаментального исследования преступности не следует изучать не только связь между причиной и следствием. Ф. Энгельс в своих научных работах писал: «Если исследовать отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, то представления о причине и следствии «сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами» [7, с. 22]. В подобных случаях причина и следствие выступают в единстве, взаимно заменяют друг друга, а порой даже не различаются. Их характеризует общность. Значит, содержание явления может раскрыться путем исследования, анализа не только его причин, но также и следствия. Это касается и преступности как социально-негативного явления. Следовательно, при исследовании причин преступности необходимо иметь в виду не только следствие, но и саму преступность.

Преступность лиц несовершеннолетнего возраста совершенно справедливо относится к одной из первостепенных проблем современного общества, так как именно лица несовершеннолетнего возраста являются будущим нашего общества. От того, как характеризуются несовершеннолетние в настоящее время, зависит возможный прогноз их будущего, а также развитие общества в целом.

Так, анализ причин преступного поведения лиц несовершеннолетнего возраста начинается с изучения, подробного анализа существующих недостатков в организации воспитания несовершеннолетних в основных социальных институтах: в семье, формальных коллективах в школе, неформальных группах по месту жительства, иных специальных воспитательных учреждениях. Современные реалии свидетельствуют, что данный перечень необходимо дополнить еще одним направлением исследования – изучением и анализом «жизни» лиц несовершеннолетнего возраста в социальных сетях (в Интернете).

По мнению В.А. Лелекова и Е.В. Кошелева, «полной причиной преступности несовершеннолетних является исторически изменчивая совокупность факторов, характеризующих состояние микро- и макросреды в конкретном регионе, обеспечивающая формирование и развитие негативных свойств личности несовершеннолетних, совершение ими преступлений» [8, с. 73].

Затрагивая аспект индивидуального уровня причин преступности несовершеннолетних (как правило, они связаны именно с характеристикой (особенностями, спецификой) личности лица, совершившего преступление), криминологи В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов отмечают: «Общей причиной преступного поведения на индивидуальном уровне является недостаточная социализация личности, т.е. непонимание норм социальной жизни, а также слабая адаптированность к окружающим условиям» [9, с. 24]. Особенное актуальное звучание данная позиция приобретает в современных условиях динамично развивающихся и всесторонне внедряющихся в повседневную жизнь информационно-коммуникационных технологий, которые оказывают значительное влияние на развитие, формирование личности несовершеннолетних, а также на их восприятие окружающей среды, адаптацию к условиям, нормам жизни в социуме.

Л.А. Ефименко пишет: «Основные причины совершаемых преступлений лицами несовершеннолетнего возраста связаны с довольно низкой ролью права как социальной ценности в общей структуре ценностей правонарушителей, а также с отсутствием понимания, восприятия глубины, значимости социального смысла существующих норм права» [10, с. 17-18]. Ученый особенно подчеркивает, что именно

существующая дефектность правовой психологии является стержнем основных мотивов совершения преступлений, так как именно совершение противозаконного деяния побуждается как антисоциальными, так и антиправовыми интересами, связанными с проявлениями неуважения к нормам закона, пренебрежением к уголовно-правовым запретам, отсутствием страха перед неотвратимостью уголовного наказания. У несовершеннолетних преступников искажение правовых знаний, установок, убеждений выражается, как правило, в правовой неграмотности, деформированном отношении к нормам права, а также к исполнению правовых предписаний.

Говоря об особенности социально-психологического аспекта влияния семьи на преступное поведение лиц несовершеннолетнего возраста, необходимо отметить, что главное его значение – формирование негативных качеств личности несовершеннолетнего. Так, еще в 60-х годах прошлого века Н.И. Гуковская писала о том, что, выясняя, анализируя условия жизни, воспитания, формирования, развития несовершеннолетнего в семье, следует обращать особое внимание на то, кто именно занимался воспитанием несовершеннолетнего, каково влияние семьи на формирование, развитие его жизненных взглядов, системы ценностей, устремлений, установок [11, с. 8].

По мнению профессора Г.М. Миньковского, именно недостатки социального контроля, несвоевременность воспитательно-профилактических мер, недостаточность реагирования на криминальные ситуации необходимо отнести к основным факторам, способствующим неправильному формированию личности, а также и к правонарушающему поведению [13, с. 96].

Обсуждение и заключения

В современной России семейное неблагополучие следует рассматривать в совокупности с существующими проблемами безнравственности. Профессор В.Н. Кудрявцев отмечает: «Сложившееся за десятилетие кризисное социально-экономическое состояние страны отрицательно сказалось на господствующих нравах населения, его интересах, социальных ожиданиях и взглядах» [13, с. 96]. В свою очередь Е.С. Жигарев, В.И. Петухов в своих научных работах указывали: «В век технической цивилизации, которой следует называть веком «раскрепощения и освобождения», человек раскрепощается, освобождается от нравственных принципов, а также от моральных норм, от голоса собственной совести» [14, с. 124-125].

Еще в 80-е годы XX века профессор М.М. Бабаев отмечал, что в качестве значительного дефекта культуры поведения необходимо выделять стремление к использованию таких путей и способов самоутверждения, доказательства своей правоты

и своих прав, которые основаны на злоупотреблении властью или иными возможностями, на культе физической силы, обмане, унижении или даже страдании других людей [15, с. 96]. В 90-е годы профессор И.И. Карпец писал: «Забвение нравственных критериев в каждой сфере жизнедеятельности общества и каждого человека в отдельности потенциально чревато преступными проявлениями; забвение подобных принципов, во всех сферах вместе взятых, влечет абсолютно невыносимую нравственную атмосферу в обществе, создает наиболее благоприятную почву для преступности» [17, с. 243]. Позиции, отраженные в трудах указанных авторов, не утратили своей актуальности и сегодня.

По мнению профессора А.И. Долговой, процесс детерминации преступности лиц несовершеннолетнего возраста зависит в первую очередь от их возрастных социальных и психологических особенностей, специфики социально-правового статуса [1, с. 897]. Следует сказать, что основные причины и условия преступности лиц несовершеннолетнего возраста следует искать именно в важнейших сферах формирования и жизнедеятельности несовершеннолетнего: в семье, школе, трудовой, а также досуговой деятельности. Так, значительная роль в формировании, развитии личности несовершеннолетнего принадлежит именно его семье. Воздействие такого социального института, как семья, осуществляется с самого раннего детства, в связи с этим поведение, взгляды, установки, избираемые модели общения, а также существующая в семье система ценностей усваиваются несовершеннолетним достаточно прочно, впоследствии приобретают ярко выраженный личностный характер. Объяснение этому следующее: формирование личности несовершеннолетнего происходит не только посредством целенаправленного воспитательного воздействия со стороны всех членов семьи, но также и под воздействием семейного уклада жизни. Также в результате влияния активных носителей чуждых взглядов и привычек, иных неблагоприятных условий и ситуаций у некоторых несовершеннолетних могут возникать неверные, ошибочные, искаженные, нравственные представления, стремления, а также иные взгляды, противоречащие нормам современного общества.

Развитие информационно-коммуникационных технологий, а также современные процессы компьютеризации, пронизывающие все сферы жизнедеятельности современного общества, оказывают как позитивное, так и негативное влияние на особенности, процессы развития преступности несовершеннолетних. Данные процессы лежат в основе формирования «новых» причин преступности несовершеннолетних.

Итак, основными причинами преступности несовершеннолетних в России на рубеже XX – XXI веков являются:

- существующее серьезное социальное расслоение современного общества; довольно низкий уровень воспитательной работы в учебных заведениях;
- недостаточно удовлетворительные условия воспитания несовершеннолетнего в семье, испытываемые материальные трудности семей;
- высокий уровень распадов семей (разводы);
- неоказание своевременной, эффективной помощи родителям трудных подростков школьными

педагогами, специалистами правоохранительных органов, общественности;

- отсутствие государственных организаций, которые бы обеспечили культурный досуг лицам несовершеннолетнего возраста;
- компьютеризация, развитие информационно-коммуникационных технологий, пронизывающие все сферы жизнедеятельности современного общества (вследствие чего несовершеннолетние получили свободный, слабо контролируемый доступ к информации различного содержания).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгова А.И. Криминология. М., 2007. С. 792.
2. Акимова Л.В. Детская безнадзорность и беспризорность в московском мегаполисе (социолого-управленческий аспект): дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. 28 с.
3. Аванесов Г.А. Криминология. М., 1984.
4. Трайнин А.Н. Уголовное право: Общая часть. М., 1929.
5. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Б.Г. Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. 1978. № 8.
6. Свидерский В.И., Зобов Р.А. Отношение как категория материалистической диалектики // Вопросы философии. 1979. № 1.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 20-е изд. М., 1983. Т. 20.
8. Ювенальная криминология: учебник для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.А. Лелеков, Е.В. Кошелева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
9. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М., 2005.
10. Ефименко Л.А. Криминологический анализ взаимосвязи правосознания и преступности несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.
11. Гуковская Н.И. Деятельность следователя и суда по предупреждению преступлений несовершеннолетних. М., 1967.
12. Миньковский Г.М. Профилактика правонарушений среди молодежи. Киев, 1985.
13. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002.
14. Жигарев Е.С., Петухов В.И. Духовно-нравственный регресс в библейском изложении и его последствия (криминологический аспект). М., 2006.
15. Бабаев М.М. Духовная культура и преступность // Влияние социальных условий на преступность. Сб. науч. тр. / под ред. М.И. Гальперина. М., 1982.
16. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992.

REFERENCES

1. Dolgova A.I. Kriminologiya. M., 2007. S. 792.
2. Akimova L.V. Detskaya beznadzornost' i besprizornost' v moskovskom megapolise (sociologo-upravlencheskij aspekt): dis. ... kand. sociol. nauk. M., 2005. 28 s.
3. Avanesov G.A. Kriminologiya. M., 1984.
4. Trajnin A.N. Ugolovnoe pravo: Obshchaya chast'. M., 1929.
5. Blauberger I.V., Sadovskij V.N., YUdin B.G. Filosofskij princip sistemnosti i sistemnyj podhod // Voprosy filosofii. 1978. № 8.
6. Sviderskij V.I., Zobov R.A. Otnoshenie kak kategoriya materialisticheskoy dialektiki // Voprosy filosofii. 1979. № 1.
7. Marks K., Engel's F. Soch. 20-e izd. M., 1983. T. 20.
8. YUvenal'naya kriminologiya: uchebnik dlya studentov, obuchayushchihya po special'nosti «YUrisprudenciya» / V.A. Lelekov, E.V. Kosheleva. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2014.
9. Kudryavcev V.N., Eminov V.E. Prichiny prestupnosti v Rossii: kriminologicheskij analiz. M., 2005.
10. Efimenko L.A. Kriminologicheskij analiz vzaimosvyazi pravosoznaniya i prestupnosti nesovershennoletnih: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2004.
11. Gukovskaya N.I. Deyatel'nost' sledovatelya i suda po preduprezhdeniyu prestuplenij nesovershennoletnih. M., 1967.
12. Min'kovskij G.M. Profilaktika pravonarushenij sredi molodezhi. Kiev, 1985.
13. Kudryavcev V.N. Prestupnost' i нравы perekhodnogo obshchestva. M., 2002.

14. ZHigarev E.S., Petuhov V.I. Duhovno-nravstvennyj regress v biblejskom izlozhenii i ego posledstviya (kriminologicheskij aspekt). M., 2006.
15. Babaev M.M. Duhovnaya kul'tura i prestupnost' // Vliyanie social'nyh uslovij na prestupnost'. Sb. nauch. tr. / pod red. M.I. Gal'perina. M., 1982.
16. Карпец И.И. Prestupnost': illyuzii i real'nost'. M., 1992.

Об авторе: Воронин Михаил Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, директор института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета
e-mail: m.voronin@mail.ru
© Воронин М.Ю., 2019.

Статья получена: 04.09.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the author: Voronin Michael YU., Doctor of Law (Dr. habil.), Professor, Head of the Institute of International Law and Justice of Moscow State Linguistic University
e-mail: m.voronin@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

В.Н. Демидов

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОТКРЫТОСТИ И ДОСТУПНОСТИ
КОНСТИТУЦИОННОГО (УСТАВНОГО) ПРАВОСУДИЯ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ENSURING INFORMATION TRANSPARENCY
AND ACCESSIBILITY OF THE CONSTITUTIONAL
(STATUTORY) JUSTICE OF THE SUBJECTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Введение: в статье исследуются основные способы обеспечения информационной открытости конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Отмечается, что предпринимаемые в данном направлении меры осуществляются в контексте повышения уровня открытости судебной системы Российской Федерации в целом, которая является отражением принципиальной позиции руководства российского государства и профессионального сообщества судей.

Материалы и методы: в ходе работы над статьей применялись логический, системный, формально-юридический методы. В качестве материалов использовались нормативные правовые акты федерального и регионального уровня, а также данные судебной практики органов конституционной (уставной) юстиции субъектов Российской Федерации.

Результаты исследования: исследована законодательная база обеспечения информационной открытости и доступности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, на примере практики Конституционного суда Республики Татарстан раскрыты основные формы повышения информационной открытости и доступности региональной конституционной (уставной) юстиции, такие как обеспечение гражданам и их объединениям права на обращение в данные суды в электронном виде, проведение выездных заседаний указанных судебных органов, заседаний на национальных языках республик, входящих в состав Российской Федерации, осуществление видеотрансляций судебных заседаний через сайты конституционных (уставных) судов в сети Интернет и ряд иных мер.

Обсуждение и заключения: Конституционным судом Республики Татарстан сформирован большой набор положительных практик в сфере обеспечения информационной открытости и доступности его деятельности, который имеет большое значение в силу специфики его деятельности в сфере конституционного нормоконтроля и может быть воспринят иными органами конституционного правосудия субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционное (уставное) правосудие, информационная открытость, доступность судов, доступ к информации, электронное обращение, видеотрансляция судебных заседаний

Для цитирования: Демидов В.Н. Обеспечение открытости и доступности конституционного (уставного) правосудия субъектов Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 321-326. DOI: 10.24420/KUI.2019.75.33.011

Introduction: the article examines the main ways of ensuring the information transparency of the constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation. It is noted that the measures taken in this direction are carried out in the context of increasing the level of openness of the judicial system of the Russian Federation as a whole, which is a reflection of the attitude of the leadership of the Russian state and the professional community of judges.

Materials and Methods: in the course of work on the article, logical, systemic, formal legal methods are used. Normative legal acts of the federal and regional levels, as well as the practice of bodies of constitutional (charter) justice of the constituent entities of the Russian Federation are used as the materials of the work.

Results: the legislative framework for ensuring the information transparency and accessibility of the constitutional (charter) courts of the constituent entities of the Russian Federation is studied. The basic forms of increasing the information transparency and accessibility of regional constitutional (charter) justice, such as ensuring the right to appeal to these courts in electronic form, holding visiting sessions of these judicial bodies, sessions in the national languages of the republics of the Russian Federation, video broadcasting of court ses-

sions through the sites of constitutional (statutory) courts on the Internet and a number of other measures are used in the context of the jurisprudence of the Constitutional Court of the Republic of Tatarstan.

Discussion and Conclusions: the Constitutional Court of the Republic of Tatarstan has formed a large set of positive practices in the field of ensuring information transparency and accessibility of their activities, which is of great importance due to the specifics of its activities in the field of constitutional normative control and which can be perceived by other bodies of constitutional justice of the constituent entities of the Russian Federation.

Key words: constitutional (statutory) justice, information openness, accessibility of courts, access to information, electronic appeal, video broadcast of court sessions

For citation: Demidov V.N. Ensuring information transparency and accessibility of the constitutional (statutory) justice of the subjects of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 321-326. DOI: 10.24420/KUI.2019.75.33.011

Введение

Закрепленный в Конституции Российской Федерации ее статус как демократического правового государства, единственным источником власти в котором является его многонациональный народ, осуществляющий данную власть в том числе через органы государственной власти, имеет множество практических аспектов своей реализации. То, что высшим непосредственным выражением власти российского народа Основной закон страны определяет референдум и свободные выборы, не отменяет значимости иных форм обеспечения общественного участия в работе государственных и муниципальных органов. В связи с этим одним из наиболее важных аспектов функционирования самих органов государственной власти, в том числе судебной, является обеспечение их информационной открытости, позволяющей заинтересованным гражданам и их объединениям получать наиболее полную, достоверную и актуальную информацию о работе данных органов и их должностных лиц, оценивать ее и использовать в целях защиты своих прав и законных интересов. Непосредственную связь с обозначенным аспектом имеет и доступность органов государственной власти, под которой следует понимать обеспечение гражданам и юридическим лицам возможности осуществлять взаимодействие с государственными органами наиболее эффективными способами.

Обеспечение информационной открытости и доступности органов государственной власти и местного самоуправления является одним из самых существенных направлений государственной политики, направленной на установление конструктивного диалога общества и государства, вовлечение граждан в непосредственное участие в определение основных направлений реализуемой в стране государственной политики, решение вопросов мест-

ного значения. Президент Российской Федерации В.В. Путин высказался об этом, выступая 24 апреля 2019 года на встрече с членами Совета законодателей: «Парламентариям на всех уровнях нужно укреплять каналы обратной связи с гражданским обществом... В ходе реализации масштабных проектов нам нужно наладить четкое понимание, как это сказывается на практической жизни, и вовремя какие-то коррективы вносить в практическую работу. Это чрезвычайно важно для достижения конечного положительного результата»¹.

При всей специфике деятельности судов Российской Федерации как государственных органов, относящихся к отдельной ветви власти, требование обеспечения информационной открытости и доступности в полной мере распространяется и на них, хотя формы данного обеспечения в любом случае будут нести на себе отпечаток их статуса как органов, осуществляющих правосудие как особый вид государственной деятельности. Как отметил Президент России на VIII Всероссийском съезде судей в декабре 2012 г.: «Важнейшее достижение нашей судебной системы – повышение уровня ее открытости. Закон об обеспечении доступа к информации о деятельности судов гарантирует предоставление гражданам и организациям практически полный объем информации о судах. Кстати говоря, такой открытостью не может похвастаться, пожалуй, ни одна судебная система сегодня»². Пять лет спустя, выступая на торжественном собрании, посвященном 95-летию Верховного Суда (январь 2018 года), глава государства высоко оценил появившуюся в 2016 году у граждан возможность подавать судебные иски и другие документы в электронном виде, что повысило доступность правосудия, позволило сократить сроки рассмотрения дел и избавило от ненужной волокиты»³.

¹ Встреча с Советом законодателей // Официальный сайт Президента России. <http://kremlin.ru/events/president/news/60359> (дата обращения: 30.08.2019).

² Всероссийский съезд судей // Официальный сайт Президента России. <http://kremlin.ru/events/president/news/17158> (дата обращения: 30.08.2019).

³ Президент выступил на торжественном собрании, посвященном 95-летию Верховного Суда РФ // Официальный сайт Президента России. <http://kremlin.ru/events/president/news/56688> (дата обращения: 30.08.2019).

Республика Татарстан по праву считается одним из регионов-лидеров в Российской Федерации по части использования современных информационных технологий для повышения уровня открытости и доступности органов публичной власти. Как отметил по этому поводу Президент Республики Татарстан Р.Н. Минниханов: «Значительное влияние на социально-экономическое развитие оказывают современные технологии государственного и муниципального управления. Необходимое условие повышения эффективности государства – это возможность участия в его работе граждан»¹. Конституционный суд Республики Татарстан, будучи по своему статусу органом судебной власти республики, всегда стремился соответствовать этой тенденции и уделял большое внимание вопросам открытости и доступности своей деятельности, что позволило ему накопить в данной сфере определенный опыт, который и может быть рассмотрен.

Обзор литературы

Поскольку открытость информации о деятельности органов государственной власти и их доступность для граждан и их объединений являются вопросами как конституционно-правового, так и административно-правового значения, отдельные аспекты данной темы раскрываются в работах правоведов, специализирующихся в данных отраслях права. Если говорить о реализации данных принципов применительно к органам судебной власти, то в данной сфере также были выполнены соответствующие исследования.

В частности, Е.А. Малько, анализируя прозрачность деятельности российских судов при осуществлении ими гражданского правосудия, раскрывает несколько видов информации о правосудии, которая должна быть доступна любому человеку или иному заинтересованному субъекту, и отмечает, что достичь высокого уровня открытости правосудия поможет формирование единого информационного пространства федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, что, в свою очередь, позволит добиться повышения качества судебной деятельности, укрепит связь судов с населением, повысит уровень доверия к судебной власти и одновременно обеспечит гражданам большую доступность к средствам судебной защиты [1].

В.И. Решетняк, рассматривая российскую и зарубежную практику применения электронных технологий в целях информирования граждан о работе судов, показывает, что на практике могут существовать различные способы использования

сети Интернет для обеспечения открытости и доступности правосудия, многие из которых активно воспринимаются российскими судами и способствуют повышению степени эффективности отечественного правосудия [2].

При этом большинство работ такого рода ориентированы на практику судов общей юрисдикции или арбитражных судов, имеющих статус федеральных, тогда как опыт и перспективы работы в указанном направлении применительно к конституционным (уставным) судам субъектов Российской Федерации также нуждаются в раскрытии и осмыслении.

Результаты исследования

На федеральном уровне деятельность по обеспечению информационной открытости судов Российской Федерации регламентирована Федеральным законом от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»², устанавливающим базовые нормы, распространяющиеся на все судебные органы российского государства. Принятие данного закона стало первым и наиболее значимым шагом на пути нормативного закрепления требований к судебным органам власти в части установления уровня их открытости, прозрачности и доступности, отвечающего запросам современного общества и степени развития информационных технологий. В частности, указанный Федеральный закон установил требование о необходимости размещения наиболее важной информации о судебных органах в сети Интернет, в первую очередь на официальных сайтах судов.

При этом данным Федеральным законом также предусмотрено, что правовое регулирование отношений, связанных с обеспечением доступа к информации о деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, осуществляется как федеральным и региональным законодательством, так и регламентами судов и иными актами, регулирующими вопросы их внутренней деятельности (часть 1 статьи 3). Кроме того, часть 2 статьи 2 Федерального закона предусматривает возможность установления законодательством субъектов Российской Федерации, определяющим полномочия и порядок деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, иных требований к предоставлению информации о деятельности судов, чем те, которые определены данным Федеральным законом, и применения в таком случае положений Федерального закона с учетом требований законодательства субъектов Российской Федерации.

¹ Послание Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова от 26 сентября 2013 г. <http://rt-online.ru/p-rubr-obsh-10103687/> (дата обращения: 30.08.2019).

² Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

На основе указанного Федерального закона Конституционный суд Республики Татарстан, реализуя закрепленное за ним Конституцией Республики Татарстан право законодательной инициативы, предложил принять аналогичный республиканский закон, направленный на регулирование его деятельности в данной сфере. В результате 3 июля 2010 года был принят закон Республики Татарстан № 50-ЗРТ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Конституционного суда Республики Татарстан»¹, который, как и вышеупомянутый закон федерального уровня, нормативно закрепил многие основные требования к информационной открытости и доступности органа конституционного правосудия Татарстана, в том числе те из них, которые применялись на практике и ранее. Так, в 2005 году был создан официальный сайт Конституционного суда Республики Татарстан, несколько раз совершенствовался с целью повышения его информационной насыщенности и обеспечения большего удобства для потенциальных пользователей.

Как отмечалось нами ранее, «в настоящее время с целью повышения доступности для граждан сайт суда функционирует на платформе Официального портала Республики Татарстан, в котором объединена информация обо всех органах государственной власти республики (ks.tatarstan.ru). На сайте имеется раздел «Картотека дел», где размещаются поступающие в суд обращения и отражается стадия их рассмотрения, а также раздел «Часто задаваемые вопросы» [3, с. 402-403].

Одним из наиболее значимых направлений работы по обеспечению открытости и доступности Конституционного суда Республики Татарстан является использование информационных технологий для облегчения доступа граждан к работе суда, в первую очередь, в плане процессуального взаимодействия, важнейшим элементом которого является процесс обращения гражданина в орган судебной власти.

Так, в 2018 году в закон Республики Татарстан «О Конституционном суде Республики Татарстан» были внесены изменения, предусматривающие возможность направления обращения в суд в электронном виде посредством заполнения специальной формы на официальном сайте суда. Порядок обращения в Конституционный суд Татарстана в электронном виде содержится в Регламенте суда, в соответствии с которым заявитель должен заполнить регистрационную форму, выразить согласие с правилами подачи документов путем проставления отметки в соответствующем поле на официальном сайте суда, а также ввести

в систему подачи документов текст обращения и прилагаемые к нему документы и материалы. При этом представление копий обращения, а также указанных документов и материалов в бумажном виде не требуется.

Необходимые меры по обеспечению открытости и доступности Конституционного суда Республики Татарстан осуществляются и позднее, на этапе осуществления судебного слушания дела. В частности, при рассмотрении вопросов, связанных с оспариванием муниципальных правовых актов, Конституционный суд Татарстана в целях обеспечения лучших условий для доступа заинтересованных лиц на судебное слушание дела может воспользоваться положением законодательной нормы, разрешающей проведение судебных заседаний вне места его постоянного пребывания в городе Казани, то есть в выездном формате. Впервые такой формат был использован на практике в мае 2015 года, когда в здании Камско-Устьинского районного суда Республики Татарстан, расположенном в поселке городского типа Камское Устье, было проведено заседание Конституционного суда Татарстана по делу об оспаривании отдельных положений постановления руководителя Исполнительного комитета п.г.т. Камское Устье Камско-Устьинского муниципального района Республики Татарстан от 29 августа 2013 г. № 10 «Об определении границ прилегающих к некоторым организациям и объектам территорий, на которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции».

Спустя несколько месяцев, в октябре 2015 года, Конституционный суд Республики Татарстан впервые в своей истории в связи с соответствующим ходатайством заявителя провел судебное слушание дела (о соответствии Конституции Республики Татарстан отдельных положений закона Республики Татарстан от 25 декабря 2012 г. № 91-ЗРТ «Об обеспечении условий реализации прав граждан на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в Республике Татарстан») на татарском языке как на одном из двух государственных языков Республики Татарстан, что также соответствует законодательству, регламентирующему деятельность республиканского Конституционного суда, и является одной из мер, направленных на обеспечение как можно более полного доступа жителей Татарстана к конституционному правосудию.

Итоговые решения суда публикуются на двух государственных языках Республики Татарстан (татарском и русском) в предназначенных для этого официальных изданиях – газетах «Ватаным

¹ Об обеспечении доступа к информации о деятельности Конституционного суда Республики Татарстан: закон Республики Татарстан от 03.07.2010 № 50-ЗРТ // Республика Татарстан. 2010. 10 июля. № 139 – 140.

Татарстан» и «Республика Татарстан», в «Вестнике Конституционного суда Республики Татарстан» и размещаются на официальном сайте суда в сети Интернет, а также предоставляются электронным правовым системам «Консультант-Плюс» и «Гарант».

Как указывалось нами ранее, «на информационном стенде для посетителей в помещении Конституционного суда Республики Татарстан представлены сведения, которые постоянно обновляются для сохранения их актуальности. Также в Конституционном суде предусмотрена возможность ознакомления с архивной информацией. Доступ к ней осуществляется на основании письменных запросов интересующихся лиц в порядке пункта 9.3. Инструкции по делопроизводству в Конституционном суде Республики Татарстан» [3, с. 406-407].

Все большее распространение в деятельности судов Российской Федерации с течением времени получает практика видеотрансляции судебных заседаний, нормативно закреплённая в 2017 году в вышеупомянутом Федеральном законе от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», предусматрившем в статье 15.1 трансляцию судебных заседаний в сети Интернет как одну из возможных форм предоставления информации о деятельности судов, реализуемую согласно решению суда о допустимости такой трансляции в форме прямой трансляции (осуществляемой непосредственно в ходе проведения открытого судебного заседания в режиме реального времени), отсроченной трансляции (осуществляемой после проведения судебного заседания в записи) или частичной трансляции судебного заседания (трансляция части судебного заседания, осуществляемая после проведения судебного заседания в записи).

При этом Конституционный суд Республики Татарстан ввел новаторскую на тот момент практику размещения на своем официальном интернет-сайте полной видеозаписи всех своих судебных слушаний еще в 2010 году, опередив в этом отношении иные органы конституционного (уставного) правосудия субъектов Российской Федерации. Эта мера по повышению уровня информационной открытости нашла положительный отклик Совета судей Республики Татарстан в августе 2011 года и XI отчетно-выборной конференции судей Республики Татарстан в феврале 2013 года, а также была полностью поддержана на заседании Консультативного Совета председателей конституционных и уставных судов субъектов

Российской Федерации, состоявшемся в Казани в июне 2013 года¹.

Изначально Конституционный суд Республики Татарстан осуществлял данную практику в формате отложенной трансляции своих заседаний, а в настоящее время она осуществляется в виде прямой трансляции судебных слушаний в онлайн-режиме реального времени на главной странице официального сайта Конституционного суда Республики Татарстан. Кроме того, практика проведения трансляции заседаний в информационно-телекоммуникационной сети Интернет была подхвачена рядом иных органов конституционного (уставного) правосудия субъектов Российской Федерации, таких как Уставный суд Санкт-Петербурга (прямая трансляция) и Уставный суд Свердловской области (отсроченная трансляция).

Использование современных информационно-коммуникационных технологий в целях обеспечения информационной открытости и доступности органов конституционного (уставного) правосудия не отменяет возможности использования иных, более традиционных методов взаимодействия с гражданами и их объединениями, что также учитывается в практике Конституционного суда Республики Татарстан. В частности, 16 декабря 2015 года в суде впервые состоялся День открытых дверей, в рамках проведения которого было заранее объявлено о возможности гражданам посетить здание Конституционного суда и принять участие в организованном им ознакомительном мероприятии. Данной возможностью в тот день воспользовались более 150 граждан, принадлежащих к различным социальным группам и проживающих не только в городе Казани, но и в иных муниципальных образованиях Республики Татарстан. С тех пор Дни открытых дверей проводятся Конституционным судом Татарстана регулярно.

В том же году Конституционный суд Республики Татарстан внедрил в свою практику изготовление информационных буклетов, из которых заинтересованные граждане могут узнать о компетенции суда, возможности обращения по входящим в нее вопросам и соответствующих контактах. Для распространения данных буклетов использовались информационные стенды, расположенные в зданиях судов общей юрисдикции, действующих на территории Татарстана; кроме того, буклеты раздавались во время приемов граждан, осуществляемых с участием представителей Конституционного суда в Казани и муниципальных районах республики в рамках мероприятий по оказанию бесплатной юридической помощи.

¹ Вестник Конституционного суда Республики Татарстан. Специальный вып. 2013. Июнь. С. 38.

Обсуждение и заключения

Конституционный суд Республики Татарстан широко использует различные методы обеспечения открытости информации о своей работе и доступа граждан к конституционному правосудию. Этот аспект его деятельности является весьма важным в силу специфики органов конституционного (уставного) правосудия, каждое решение которых оказывает влияние на общественные отношения, затрагивает права и интересы не только самого заявителя, но и всех граждан, участвующих в общественных отношениях, которые урегулированы правовыми нормами, становящимися предметом рассмотрения конституционных (уставных) судов. В силу этого меры по обеспечению информационной открытости и доступности, предпринимаемые данными судами, напрямую влияют на степень

эффективности и практической востребованности их деятельности. При этом в силу децентрализованной структуры органов регионального конституционного (уставного) правосудия, создаваемых по инициативе субъектов Российской Федерации на основании принимаемых ими самими законодательных актов и не имеющих высшей судебной инстанции на федеральном уровне, большое значение имеет как проявление ими инициативы и новаторского подхода в деле обеспечения своей открытости и доступности, так и готовность к взаимному обмену информацией и положительным опытом, к творческому восприятию передовых практик, выработанных Конституционным Судом Российской Федерации, иными федеральными судебными органами, органами государственной власти и местного самоуправления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малько Е.А. Транспарентность правосудия как приоритет российской гражданской процессуальной правовой политики // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 11. С. 2–7.
2. Решетняк В.И. Электронные формы обеспечения доступа к информации о деятельности судов в зарубежных странах и в России // Администратор суда. 2013. № 4. С. 13–16.
3. Демидов В.Н. Конституционное правосудие субъектов Российской Федерации в общегосударственной системе защиты прав и свобод человека и гражданина (методология, теория, практика): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02, 12.00.14. М., 2017. 577 с.

REFERENCES

1. Mal'ko E.A. Transparentnost' pravosudiya kak prioritet rossijskoj grazhdanskoj processual'noj pravovoj politiki // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2013. № 11. S. 2–7.
2. Reshetnyak V.I. Elektronnye formy obespecheniya dostupa k informacii o deyatel'nosti sudov v zarubezhnyh stranah i v Rossii // Administrator suda. 2013. № 4. S. 13–16.
3. Demidov V.N. Konstitucionnoe pravosudie sub"ektov Rossijskoj Federacii v obshchegosudarstvennoj sisteme zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina (metodologiya, teoriya, praktika): dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.02, 12.00.14. M., 2017. 577 s.

Об авторе: Демидов Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, начальник Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан
© Демидов В.Н., 2019.

Статья получена: 02.07.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

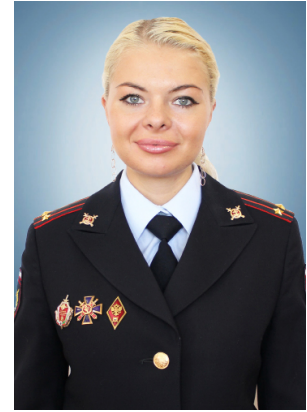
About the author: Demidov Viktor N., Doctor of Law (Dr. habil.), Professor, Head of the Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Е.В. Демидова-Петрова

ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

FEATURES OF PERCEPTION OF MODERN
JUVENILE CRIME

Введение: статья посвящена исследованию проблем познания и особенностям современных проявлений преступности несовершеннолетних, детерминанты которых кроются в новых факторах общественного развития, обусловленных информационной глобализацией, появлением новой *online*-социальной среды.

Материалы и методы: методологическую основу настоящей работы составляет диалектический подход к научному познанию преступности несовершеннолетних. В связи с этим были применены общенаучные методы познания: системно-структурный анализ, метод дифференциации, обобщение, сравнение, абстракция, историко-правовой метод, моделирование.

Результаты исследования: в статье сформулировано авторское понятие глобального информационного фактора, или *online*-фактора; описана криминологическая шестиугольная матрица, отражающая законченную структуру значимой для познания преступности несовершеннолетних информации, имеющая определенную систему координат; в целях повышения эффективности противодействия преступности несовершеннолетних предлагается проведение криминологического мониторинга данного вида преступности не на уровне субъектов России, а на федеральном уровне.

Обсуждение и заключения: автор статьи приходит к выводу, что предмет научного познания преступности несовершеннолетних, результаты которого подлежат учету при реализации предупреждения преступности несовершеннолетних, должен включать изучение социально-возрастных особенностей восприятия личностью несовершеннолетнего воздействия криминогенных факторов. Этот аспект имеет неформальное значение обязательного (классического) элемента криминологических исследований отдельных видов преступности. Автор полагает возможным учитывать этот аспект при реализации политики предупреждения преступности несовершеннолетних, а также при классификации криминогенных факторов, которым подвержены современные подростки разных социальных и возрастных групп.

Ключевые слова: *несовершеннолетний, преступность несовершеннолетних, предупреждение преступности несовершеннолетних, социальная среда, глобализация, информационная глобализация*

Для цитирования: Демидова-Петрова Е.В. Особенности познания современной преступности несовершеннолетних // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 327-333. DOI: 10.24420/KUI.2019.96.47.010

Introduction: the article is devoted to the study of challenges of perception and features of modern manifestations of juvenile delinquency, the determinants of which lie in new factors of social development caused by information globalization, the emergence of a new *online* social environment.

Materials and Methods: the methodological basis of this work is a dialectical approach to the scientific perception of juvenile delinquency. In this regard, general scientific methods of cognition are applied: system-structural analysis, differentiation method, generalization, comparison, abstraction, historical and legal method, modeling.

Results: the article gives the author's concept of a global information factor, or *online* factor; describes the criminological hexagonal matrix, reflecting the complete structure of significant information for the perception of juvenile delinquency, which has a certain coordinate system; in order to improve the efficiency of juvenile delinquency, it is proposed to conduct criminological monitoring of this type of crime.

Discussion and Conclusions: the author concludes that the subject of scientific perception of crime of juveniles are subject to account at realization of crime prevention of juveniles has to include studying of social and age features of perception of criminogenic factors by the identity of juvenile influence. This aspect has not formal value of an obligatory (classical) element of criminological researches of selected types of

crime. The author believes it is possible to consider this aspect at the implementation of policy of juvenile crime prevention and in the classification of criminogenic factors, risks to which modern teenagers of various social and age groups are exposed.

Key words: juvenile, crime of juveniles, crime prevention of juveniles, social environment, globalization, information globalization

For citation: Demidova-Petrova E.V. Features of perception of modern juvenile crime // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 327-333. DOI: 10.24420/KUI.2019.96.47.010

Введение

Отечественная криминология разработала матрицу (систему) криминологически значимой информации, определяющую не только ее структуру и содержание, но и методологию исследования, определяемую социальными сферами, в которых и с которыми взаимодействует несовершеннолетний с той или иной степенью интенсивности. Эти социальные сферы включают макро- и микросоциальную среду.

Данная криминологическая шестиугольная матрица, отражающая законченную структуру значимой для познания преступности несовершеннолетних информацию, имеет определенную систему координат, включающую:

а) структуру преступности несовершеннолетних и ее особенности, связанные с отличием от преступности совершеннолетних лиц;

б) круг, соотношение и интенсивность криминологических процессов и явлений;

в) особенность и значимость макро- и микросреды для формирования несовершеннолетнего и определения его поведения;

г) динамизм социально-возрастной характеристики несовершеннолетнего, с одной стороны, а с другой – длящийся процесс формирования личности несовершеннолетнего;

д) фон и резерв преступности несовершеннолетних, связанный как с совершением ими правонарушений, граничащих с преступлениями, так и вовлечением в общественно опасную деятельность несовершеннолетних, не подпадающих под уголовную ответственность;

е) особенности функционирования системы предупреждения преступности несовершеннолетних, опирающиеся на правовое обеспечение, ресурсное обеспечение и организационное обеспечение этой деятельности.

Исследовательские интересы лежат в нескольких плоскостях. Во-первых, в криминологическом «срезе» преступности несовершеннолетних, касающемся ее тенденций, структуры. Вторым важным направлением является изучение личности несовершеннолетнего преступника, которое включает два важных аспекта: изучение личности в целях выработки необходимых мер для исправления не-

совершеннолетнего и предупреждения совершения им новых преступлений. Следующим важным аспектом изучения личности несовершеннолетнего является установление детерминационных процессов, результатом которых становится преступление. Таким образом, исследованию подверглась исторически изменчивая совокупность факторов, детерминирующих преступность несовершеннолетних, характеризующихся состоянием микро- и макросреды, включающих семью, коллектив в образовательной организации, неформальное общение несовершеннолетнего, которые имеют свои специфические признаки.

Акцентируя внимание на предмете исследования, касающемся развития криминологического методологического основ познания преступности несовершеннолетних, на которых строится ее предупреждение, необходимо отметить, что на сегодняшний день изменилась глубина исследовательских задач, определяемая существующими общественными отношениями, явлениями и процессами, протекающими в обществе. Одним из таких социально-технологических явлений, изменивших современный мир, является информационная глобализация – один из показательных интеграционных процессов, протекающих под влиянием и в рамках глобализации.

Представляется, что в ключе информационной глобализации следует выделять глобальный информационный фактор, или *online*-фактор. В него вкладывается широкое содержание категории научно-технического прогресса, производный продукт которого представлен в виде непрерывно обновляемой информации в *online*-пространстве (информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), коммуникативных, информационных средств общения (электронные мессенджеры, социальные сети, форумы, виртуальные игры, мобильная телефония), программных продуктов в сфере получения или удовлетворения услуг потребления.

Обзор литературы

Теоретическим и методологическим вопросам изучения преступности несовершеннолетних, разработке мер ее предупреждения посвящены научные труды известных криминологов советского и постсоветского периодов: З.А. Астемиро-

ва, М.М. Бабаева, А.А. Бакаева, Е.В. Болдырева, В.Н. Бурлакова, Н.И. Ветрова, Н.В. Гавриловой, А.И. Долговой, В.П. Емельянова, В.Д. Ермакова, Г.И. Забрянского, Д.З. Зиядовой, А.Н. Ильяшенко, К.Е. Игошева, С.Я. Лебедева, В.А. Лелекова, Г.М. Миньковского, С.П. Мининой, В.А. Плешакова, Л.М. Прокументова, В.П. Ревина, А.Б. Сахарова, С.Л. Сибирякова, Т.М. Чапурко, А.М. Яковлева.

Материалы и методы

При написании настоящей работы были применены общенаучные методы познания: системно-структурный анализ, метод дифференциации, обобщение, сравнение, абстракция, историко-правовой метод, моделирование.

Результаты исследования

Специалисты из разных областей знаний (экономисты, социологи, педагоги, политологи, культурологи) преимущественно отмечают позитивное влияние *online*-фактора.

Свой криминогенный потенциал *online*-фактор проявляет при взаимодействии с различными явлениями и процессами, находящимися в разных сферах социального взаимодействия несовершеннолетнего. Так, именно теория пересечений позволяет определить криминогенный потенциал *online*-фактора. Существующий структурированный социальный мир несовершеннолетнего «пересекается» *online*-социумом, воздействуя на систему взаимоотношений несовершеннолетнего в микро-социумах, в которых он представлен.

Механизм участия *online*-фактора в процессах детерминации преступности несовершеннолетних возникает не одновременно. Сначала формируются и накапливаются проблемы доступности информационного потребления в той или иной сфере общественных отношений, в которых участвуют несовершеннолетние.

При исследовании детерминации преступности несовершеннолетних, обусловленной проблемами социального порядка, важно принимать во внимание не только обстоятельства самостоятельного потребления информации, получаемой из виртуальных социальных сетей, но и целевое распространение информации в виртуальном пространстве, продуцирующей криминогенные процессы, объектом которых являются несовершеннолетние. Иллюстрацией такого положения является значительное количество интернет-ресурсов, на которых в свободном доступе размещается информация об оружии, наркотических средствах, психотропных веществах, способах их приобретения или изготовления. Информация, получаемая из этих интернет-ресурсов, не только носит детерминирующий характер, воздействуя на несовершеннолетних, которые стали потребителями этой информации, но

и становится предметом пересылки в виртуальных социальных сетях. При этом необходимо отметить, что любое взаимодействие несовершеннолетнего с социальной средой носит двусторонний характер. С одной стороны происходит распространение информации, носящей детерминирующий характер, с другой – мы наблюдаем деятельность несовершеннолетнего, который в силу различных причин либо воспринимает эту криминогенную информацию и реализует криминогенный посыл, заложенный в этой информации, либо не воспринимает эту информацию. Невосприятие информации представляет сложный информационный процесс, включающий анализ и оценку этой информации, а на основе самостоятельно полученных выводов несовершеннолетний принимает решение. Следует уточнить, что данные информационные процессы протекают у несовершеннолетнего и в первом, и во втором случае. Разница только в том, что в случае невосприятия информации несовершеннолетний «выстраивает» защитные барьеры, которые курят источник криминогенной информации.

Очень опасным в настоящее время является использование возможностей виртуальных социальных сетей в продуцировании политического экстремизма и его крайних проявлений – «цветных революций», базой для которых выступают криминогенные факторы социального, духовного, экономического значения.

В сфере социальных общностей *online*-фактор выражается в пропаганде различных субкультур среди футбольных или музыкальных фанатов, склонных к девиантным и криминальным формам поведения. В экономической плоскости мишенью *online*-фактора являются проблемы трудовой занятости или недостаточной материальной обеспеченности подрастающего поколения, которые используются для вербовки в экстремистские объединения.

При этом нужно отметить, что механизм взаимодействия личности несовершеннолетних с социальной средой, находящейся под воздействием *online*-фактора, не прост. Его нельзя определять в традиционно-диалектическом подходе объяснения процессов детерминации и причинности, согласно которому причина порождает следствие. Концепция такого подхода культивировалась в трудах криминологов 1970-х годов [1, 2].

Детерминация криминогенности через *online*-фактор осуществляется в контексте реализации социально-экономических потребностей несовершеннолетних. По отношению к ним этот фактор имеет многократную и реактивную силу влияния, которое может быть как положительным, так и отрицательным. Так, информация может использоваться как для правомерной организации досуга и

занятости, так и для противоправных способов и средств их обеспечения.

Тот или иной характер влияния не следует рассматривать вне связи с иными объективными и субъективными обстоятельствами, обуславливающими значимое поведение несовершеннолетних с точки зрения криминологии. Такие обстоятельства производны от социального окружения (в самом широком смысле слова) субъектов, испытывающих влияние *online*-фактора. В данном случае нельзя не согласиться с выводами известных кримиологов В.Е. Эминова и Ю.М. Антоняна, утверждающих, что, помимо традиционных кластеров социального окружения (школа, семья, трудовой коллектив, неформальные группы), «на человека влияет и широкая социальная среда, прежде всего через средства массовой информации. Разумеется, во всех случаях речь может идти лишь о неблагоприятных влияниях на личность, поскольку здесь мы говорим о личности преступника» [2].

Следует отметить, что теория пересечений отражает не только процессы, носящие деструктивный характер. Она также дает возможность исследовать формирование позитивного поведения несовершеннолетних, определять роль социального окружения несовершеннолетних не только со стороны криминогенного влияния, но и антикриминогенного значения социального окружения несовершеннолетнего. Игнорировать антикриминогенное значение социального окружения несовершеннолетних, находящегося под влиянием *online*-фактора, недопустимо.

Изучение пересечения социального, информационного окружения несовершеннолетних в криминологических исследованиях проблем преступности возможно в многообразных методологических приемах. Отличительной особенностью этих исследований является то обстоятельство, что социальное окружение несовершеннолетнего анализируется через призму его личностных характеристик, психофизиологических, эмоционально-нравственных или ценностных ориентаций, позволяя изучить конкретную криминогенную или антикриминогенную ситуацию через восприятие лиц, вовлеченных в эту ситуацию. Широко применяется и прием изучения их социально-бытовых и экономических условий жизнедеятельности. Для этих целей подлежат исследованию:

- а) условия и образ жизни;
- б) требования, предъявляемые к себе и своему окружению;
- в) отношение к вещам и материальным ценностям;
- г) положение в различных группах общения (в семье, классе, досуговых объединениях);
- д) ближайшее социальное окружение – семья, отношения в ней, ее экономическое положение и со-

циальный статус. Особенностью этого исследования является изучение различных сторон социальной жизни несовершеннолетнего как в «традиционном» мире (*offline*), так и в виртуальном мире (*online*).

Исследуемые объекты подчинены задачам определения социальной, информационной обусловленности значимого поведения несовершеннолетних с точки зрения криминологии. В связи с этим всю их совокупность следует рассматривать с позиции, своеобразных «пружин», присущих несовершеннолетним, которые определяют соответствующий тип их поведения (правомерного или неправомерного) в различных жизненных ситуациях, рассматривая поведение несовершеннолетних как результат «пересечения» различных социальных микромиров, в которые включен несовершеннолетний и которые определяют свои формы подчинения и привилегий. Применяя такой прием исследования социальной, информационной обусловленности значимого поведения несовершеннолетних с точки зрения криминологии, гипотетически следует предположить, что определенные характеристики социальных, информационных явлений и процессов в их противоречиях и недостатках, вступая во взаимодействие с личностью, образуют условия, благоприятствующие генезису преступлений. Эту модель следует представить равно наоборот, когда определенное качество взаимодействия социальной и информационной среды и личности несовершеннолетнего способно блокировать возникновение криминогенных условий или нейтрализовать их.

В контексте исследуемого объекта общественных отношений следует обратить внимание на превращение фактора объективно положительного в криминогенный. Так, увеличение резерва свободного времени для досуга и отдыха несовершеннолетних детей, которое осуществляется в целях обеспечения качества учебной дисциплины и успеваемости, при отсутствии условий для содержательного его проведения приобретает криминогенный потенциал.

Таким образом, особенность современного мира заключается в появлении виртуальных социальных сетей, содержащих *online*-фактор.

Социальная среда, включающая такие важные социальные институты, как семья, трудовой или учебный коллективы, сферу неформального общения несовершеннолетнего, формируется под влиянием множества факторов, обусловленных производительными силами, общественными отношениями и институтами, общественным сознанием и культурой как общества в целом, так и отдельных социальных групп. В настоящее время формирование названных социальных институтов происходит под воздействием *online*-фактора. Развитие информационно-коммуникационных техно-

логий не только раздвинуло географические границы общения, и ускорило передачу информации; оно объединило названные традиционные социальные институты, в которых находился несовершеннолетний, стирая не только географические границы для социальных связей, но и стирая социальные границы, открывая процесс диффузии названных традиционных социальных сфер друг в друга. Именно процесс информационной глобализации позволил связать традиционные социальные сферы, в которых формировался несовершеннолетний.

Информационная глобализация, наступившая с развитием информационно-коммуникационных технологий, внесла изменения в коммуникацию, как внутри отдельных социальных групп, так и коммуникации, существующие между различными социальными группами. Эти коммуникационные контакты ускоряются и учащаются. Формирование информационной глобализации, строящейся на развитии коммуникации на базе цифровой трансформации общества, влечет децентрализацию взаимодействия как социальных институтов, так и рядовых членов общества.

Глобальная информационная среда стала не только сферой, где реализуются профессиональные интересы, но и местом коммуникации широкого круга рядовых пользователей Интернета, между которыми выстраиваются виртуальные социальные связи, ничем не уступающие традиционным социальным отношениям, компенсируя временные и пространственные ограничения реальных социальных связей и коммуникаций.

Традиционные социальные институты перестают быть единственной формой принятия решений. Сетевая организация коммуникации образует альтернативный способ социального взаимодействия, позволяя получить доступ к безграничному кругу информации, содержащейся в ней. Важной сферой виртуальной сетевой коммуникации становится политическая сфера, включающая легальное использование сетевой коммуникации в политической борьбе и использование сетевой коммуникации для продвижения «опасного контента».

В такой диалектической взаимосвязи изменений важно рассматривать значимую с точки зрения криминологии обусловленность поведения личности, детерминирующую преступные его формы. Однако одного лишь указания на структуру взаимосвязи недостаточно для объяснения значимых характеристик преступности с точки зрения криминологии, тем более несовершеннолетних. Здесь важно использовать широкий детерминистский подход. Именно он способен дать объяснение, почему среди представителей одной социально-возрастной или профессиональной группы, находящейся под влиянием одинаковых криминогенных факторов,

продуцируется или, напротив, блокируется преступное поведение.

При исследовании детерминации преступности несовершеннолетних, обусловленной проблемами социального порядка, важно принимать во внимание не только обстоятельства самостоятельного потребления информации, получаемой из виртуальных социальных сетей, но и целевое распространение информации в виртуальном пространстве, продуцирующей криминогенные процессы, объектом которых являются несовершеннолетние.

Сведение криминогенного влияния *online*-фактора напрямую на процессы формирования личности несовершеннолетних преступников лишает не просто необходимости исследовать социальную, информационную обусловленность значимого поведения этой социально-возрастной категории субъектов с точки зрения криминологии, но и искажает представление исследователя о современной характеристике преступности несовершеннолетних, личности несовершеннолетнего преступника, полной картине факторов, детерминирующих совершение преступлений несовершеннолетними. Это, в свою очередь, делает невозможным разработку обоснованных мер профилактики преступности несовершеннолетних, которые основаны на антикриминогенных ресурсах социальной сферы их жизнедеятельности в широком ее содержании. Особенностью этого исследования является изучение различных сторон социальной жизни несовершеннолетнего как в «традиционном» мире (*offline*), так и в виртуальном мире (*online*). Высокую динамику криминогенного воздействия на несовершеннолетних оказывает воздействие *online*-фактора в сочетании факторов, традиционно рассматриваемых в качестве криминогенных.

Все эти социальные сферы, микромиры вовлекают несовершеннолетнего в «жизнь» в *online*-мире, в *online*-пространстве, создавая систему подчиненности и привилегий несовершеннолетнего в системе координат каждого из этих социальных микромиров. Подчиненность и привилегии в рамках этих социальных микромиров формируют права и обязанности несовершеннолетнего, определяющие его поведение в каждой из этих социальных сфер. Именно пересечение микромиров, оказывающих значительное влияние на несовершеннолетнего, формирует его личность. Происходящее пересечение социальных микромиров несовершеннолетнего требует рассмотрения сложившейся ситуации через восприятие несовершеннолетнего, вовлеченного в эту ситуацию.

Так, при использовании не причинного, а детерминистского подхода исключается поверхностное объяснение природы преступности и однозначное толкование влияния каких-либо факторов на про-

дуцирование ее проявлений. Возможности предупреждения преступности предстают здесь в сложных координатах поиска мер, которые, не разрушая позитивные социально одобряемые общественные отношения, препятствуют их криминальной подверженности.

Использование детерминистского подхода дает возможность диагностики содержания взаимодействия социальной среды, информационной среды и личности, обуславливающего преступное и не преступное поведение.

Особенности преступности несовершеннолетних, связанные с информационной глобализацией, требуют модернизации установленной выше криминологической информационной матрицы о преступности несовершеннолетних. Сама же информационная матрица определяется социальными микромирами, в которых находится несовершеннолетний, представляет возможность диагностики взаимодействия реальной социальной микросреды, виртуальной социальной среды и личности, обуславливающего преступное и не преступное поведение. Данные положения обладают актуальностью по отношению к общим задачам криминологической науки и практики. Однако в вопросах организации предупреждения преступности несовершеннолетних они становятся сверхважными.

Это влияние отражается на каждом элементе матрицы: структуре преступности несовершеннолетних; особенностях *макроonline*-среды, воздействующей на микросоциальные среды, где несовершеннолетний представлен в качестве субъекта социальных отношений, а через микросоциальную среду влияние оказывается и на самого несовершеннолетнего; это влияние отражается в увеличении числа правонарушений, связанных с *online*-пространством и граничащих с преступлениями, совершаемыми как в этом пространстве, так и с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; это влияние отражается в расширении числа малолетних, которые вовлекаются в общественно опасную деятельность; изменение динамики формирования личности несовершеннолетнего и его социально-возрастной характеристики также является отражением влияния *макроonline*-среды. Изучение особенностей построения и функционирования системы предупреждения преступности несовершеннолетних необходимо осуществлять с учетом *online*-фактора.

Обсуждение и заключения

Ренессанс криминологической науки в 1960-е годы отразился в целевых исследованиях преступности несовершеннолетних. Результаты произведенных тематических изысканий в 1960 – 1970-е годы послужили целям оптимизации методов ис-

следования преступности в целом. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что начавшееся полвека назад методологическое развитие процесса познания криминологических проблем несовершеннолетних к настоящему времени не позволяет полностью отразить все процессы, происходящие в исследуемой сфере. Среди их множества следует выделить самые заметные, определяющие и обуславливающие качественные характеристики преступности несовершеннолетних. Это социальные, информационные и экономические преобразования:

- трансформация этических норм и ценностей в обществе и молодежной среде;

- продуцируемые информационной глобализацией новые процессы детерминации криминогенных факторов, появление глобального информационного фактора, или *online*-фактора;

- изменение законодательства и, соответственно, практики его применения (несвоевременное реагирование на уровне законодательства на существующие угрозы, исходящие из *online*-социальных сетей);

- недостаточная эффективность общих, специальных и индивидуальных мер предупреждения преступности;

- появление новых публично-правовых институтов («детского омбудсмена»).

Исходя из сказанного выше, мы полагаем необходимым актуализировать аспект «проверки» сложившейся методологии. Данная идея выражена автором в осуществлении диагностики криминологических проблем познания преступности несовершеннолетних как вида криминального явления. Осуществлять подобную диагностику целесообразно на базе криминологического мониторинга преступности лиц несовершеннолетнего возраста.

Так, концентрация внимания на теоретических вопросах разработки новой методологии без эмпирики приведет к гипотетичности выводов и суждений. Требуемая «золотая середина» сочетает в себе оба компонента – научное исследование и практику предупреждения преступности несовершеннолетних.

Получение новых, наиболее полных, актуальных, соответствующих современным реалиям знаний о преступности лиц несовершеннолетнего возраста следует отразить в аспекте предупреждения преступности несовершеннолетних, составной частью которой является обеспечение криминологической безопасности несовершеннолетних, подпадающих под воздействие криминогенных факторов. Подобный знаменатель дает возможность рассмотреть все аспекты этой деятельности: в средствах управления; в средствах реализации; в ресурсном обеспечении, в прошедшем-настоящем-будущем времени.

Общественные отношения, складывающиеся в политической, правовой, экономической, социальной, духовной и иных сферах жизнедеятельности оказывают влияние на процессы детерминации преступности несовершеннолетних, изменения ее проявлений и их подверженность принимаемым мерам воздействия. Сложная совокупность указанных отношений обуславливает использование междисциплинарных методов научного познания. Они выступают средством для решения задач предупреждения исследуемого вида преступности, позволяют осуществлять анализ и оценку изменений преступности несовершеннолетних во всех ее проявлениях и на этой основе предлагать соответствующие меры ее предупреждения.

Предмет научного познания преступности несовершеннолетних, результаты которого подлежат учету при реализации предупреждения преступности несовершеннолетних, должен включать изучение социально-возрастных особенностей восприятия личностью несовершеннолетнего воздействия криминогенных факторов. Автор пола-

гает возможным учитывать этот аспект при реализации политики предупреждения преступности несовершеннолетних, а также при классификации криминогенных факторов, которым подвержены современные подростки разных социальных и возрастных групп.

Изучая преступность несовершеннолетних, исследуя социальные сферы, в которых представлен несовершеннолетний, определяя «место» несовершеннолетнего в «пересечении» этих социальных миров, мы должны уделять внимание исследованию криминогенного воздействия социальной среды на несовершеннолетнего. Изучение факторов, вовлекающих несовершеннолетнего в преступную деятельность, определяет систему предупреждения преступности. Проведение криминологического мониторинга преступности несовершеннолетних, а не выборочные территориальные исследования и полученные по ним результаты приобретают практическую ценность в целях эффективного предупреждения преступности несовершеннолетних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 44.
2. Стручков Н.А. Преступность как социальное явление. Л., 1979. С. 29.
3. Эминов В.Е., Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 112.

REFERENCES

1. Kuznecova N.F. Problemy kriminologicheskoy determinacii. M., 1984. S. 44.
2. Struchkov N.A. Prestupnost' kak social'noe yavlenie. L., 1979. S. 29.
3. Eminov V.E., Antonyan YU.M. Lichnost' prestupnika i ee formirovanie // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 1. S. 112.

Об авторе: Демидова-Петрова Елизавета Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

e-mail: demidova.liza@gmail.com

© Демидова-Петрова Е.В., 2019.

Статья получена: 24.06.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the author: Demidova-Petrova ElizavetaV., Candidate of Juridical Sciences (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology and Penitentiary Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

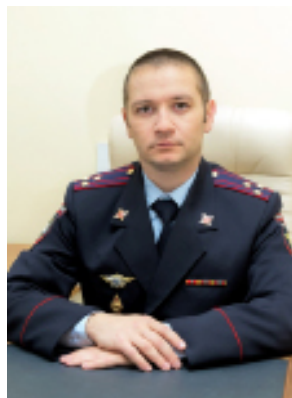
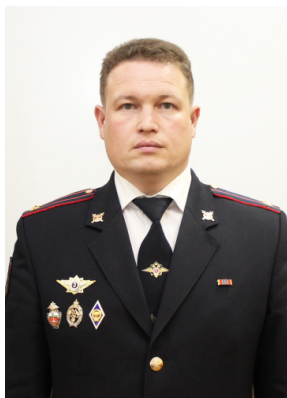
e-mail: demidova.liza@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.9

DOI: 10.24420/KUI.2019.51.45.012

Р.С. Куликов, А.В. Петрянин

КОНТРАБАНДА КАК ФОРМА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

SMUGGLING AS A FORM OF FOREIGN ECONOMIC CRIMINAL ACTIVITY: NEW DIRECTIONS OF CRIMINAL POLICY

Введение: в статье представлена авторская позиция по развитию уголовной политики в области противодействия контрабанде как форме внешнеэкономической преступной деятельности; выделены политические, юридические и экономические особенности уголовной политики; возможные направления дальнейшего ее развития.

Материалы и методы: проведенное исследование основано на сравнительно-правовом, логико-юридическом, системно-структурном методах. Материалами исследования послужили доктринальные и законодательные источники, затрагивающие вопросы противодействия контрабанде.

Результаты исследования: выделены правовые, социальные и экономические причины и условия модернизации уголовной политики в области противодействия контрабанде как форме внешнеэкономической преступной деятельности.

Обсуждение и заключения: возникновение новых угроз, исходящих от внешнеэкономической преступности, обосновывает разработку новых направлений уголовной политики в области противодействия контрабанде. Недружественная санкционная политика ряда зарубежных государств актуализирует направление по обеспечению продовольственной безопасности России, в том числе и уголовно-правовыми средствами, что требует установления ответственности за контрабанду сельскохозяйственной продукции.

Ключевые слова: контрабанда, внешнеэкономическая деятельность; противодействие, преступная деятельность, уголовная политика

Для цитирования: Куликов Р.С., Петрянин А.В. Контрабанда как форма внешнеэкономической преступной деятельности: новые направления уголовной политики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 334-338. DOI: 10.24420/KUI.2019.51.45.012

Introduction: the article presents the author's vision on the development of criminal policy in countering smuggling as a form of foreign economic criminal activity; highlights its political, legal and economic features; demonstrates possible directions for its further development.

Materials and Methods: the study is based on comparative legal, logical-legal, system-structural methods. The materials of the study are doctrinal and legislative sources affecting issues of countering smuggling.

Results: the author highlights legal, social and economic reasons and conditions for the modernization of criminal policy in the field of countering smuggling as a form of foreign economic crime.

Discussion and Conclusions: the emergence of new threats emanating from foreign economic crime justifies the development of new directions of criminal policy in the field of countering smuggling. Unfriendly sanctions policy on the part of a number of foreign countries actualizes the direction of ensuring food security of Russia, including criminal law means, which requires the establishment of responsibility for smuggling agricultural products.

Key words: smuggling, foreign economic activity; counteraction, criminal activity, criminal policy

For citation: Kulikov R.S., Petryanin A.V. Smuggling as a form of foreign economic criminal activity: new directions of criminal policy // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 334-338. DOI: 10.24420/KUI.2019.51.45.012

Введение

Актуальность заявленной для исследования темы обусловлена рядом значимых политических и экономических и, как следствие, правовых факторов.

К политическим причинам трансформации уголовной политики целесообразно отнести недружественное поведение со стороны зарубежных партнеров. В настоящее время международные санкции в адрес России нацелены на подрыв ключевых отраслей национальной экономики (военная, нефте- и газодобывающая промышленность, атомная энергетика, сельское хозяйство), что дает основание говорить о целенаправленном точечном поведении, создающем реальную угрозу экономической безопасности нашего государства. В первую очередь, это обусловлено борьбой за доминирование на углеводородном рынке (преимущественно европейском) [1, с. 3194–3196].

К ее экономическим детерминантам можно отнести стремление к получению сверхприбыли путем ущемления интересов добросовестных участников внешнеэкономических отношений. Например, потери российской экономики от введенных санкций исчисляются миллиардами долларов. За последние три года, по мнению Организации Объединенных Наций, Россия недополучила порядка 52-55 млрд долларов США, которые явились доходной частью зарубежного недобросовестного бизнеса¹.

Вышеизложенные аргументы выступают основой модернизации ранее сформированной правовой позиции в области противодействия внешнеэкономической преступности [2, с. 4–5]. Главными идеями такого наступательного курса стали переоценка опасности экономических угроз, исходящих извне [3, с. 3]; создание новых юридико-технических инструментов охраны экономической безопасности; недопущение на национальный рынок контрабандной продукции.

Обзор литературы

В настоящее время представители науки озадачены проблемой модернизации существующих подходов в области противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности. Например, установлением их концептуальных признаков, системы преступлений данного вида, а также вопросами их криминализации и декриминализации. Кроме того, в последнее десятилетие вы-

полнены несколько диссертационных исследований, среди которых «Уголовно-правовой механизм противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности» А.А. Никифоровой и «Уголовно-правовые средства противодействия контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» М.С. Марковского.

Материалы и методы

Государственно-правовая основа исследования представлена в федеральных законах от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» и от 31.12.2014 № 530-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий» и пояснительных записках к ним. Общенаучные и частнонаучные методы составляют методологическую базу исследования.

Результаты исследования

Зачатки трансформации уголовного законодательства в исследуемой области можно обнаружить еще в принятом в 2011 году очень серьезном политико-правовом решении, повлекшем декриминализацию товарной контрабанды². Обусловлено это было оздоровлением экономики и частичной гуманизацией ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. В пояснительной записке к Федеральному закону, внесшему данные изменения, были обоснованы следующие политико-экономические условия их принятия. Во-первых, это создание Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), требующего такой корректировки. Во-вторых, положительный зарубежный опыт в рассматриваемой области. В-третьих, переоценка характера общественной опасности товарной контрабанды в части уточнения ее основной цели (уклонения от уплаты таможенных платежей, а не самой идеи перемещения товаров через границу). В-четвертых, достаточность санкционного воздействия на контрабандистов со стороны административного законодательства, включающего обязательную

¹ В ООН оценили потери России и «противников» от санкций в три ВВП Эфиопии. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/04/2017/590332b69a7947ae385244b0> (дата обращения: 20.04.2019).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

конфискацию незаконно перемещенного товара. В-пятых, коррупционность ст. 188 УК РФ. В-шестых, назревшая потребность в переоценке значимости нарушаемых общественных отношений при контрабанде предметов, изъятых из гражданского оборота, то есть фактическая недопустимость их отнесения к деяниям в сфере экономической деятельности¹.

Последовательно развивая последний в представленном перечне аргумент, мы и продолжим свое исследование.

В настоящее время Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность за контрабанду, основываясь не на механизме унификации ответственности, а точно реагируя на угрозы, возникающие в результате незаконного таможенного оборота предметов, определяющих особые условия их перемещения. В связи с этим нормы, содержащие в себе признаки контрабанды, рассредоточены по разным разделам и главам уголовного закона. Сформированная сегодня их система представлена ст. 200¹ УК РФ; ст. 200² УК РФ; ст. 226¹ УК РФ; ст. 229¹ УК РФ. То есть мы видим всего четыре отдельных статьи, устанавливающие ответственность за особые виды контрабанды, рассредоточенные по двум разделам и трем главам Уголовного кодекса РФ.

Статьи 226¹ и 229¹ УК РФ были введены Федеральным законом, декриминализирующим товарную контрабанду, их обоснование содержалось в тексте пояснительной записки к нему.

Интересным видится следующий этап развития уголовной политики. В частности, это касается включения в Уголовный кодекс РФ ст. 200¹ и 200²: фактически мы обнаруживаем частичный возврат товарной контрабанды, однако только в отношении четко определенного круга предметов.

Ответственность за контрабанду наличных денежных средств была введена Федеральным законом от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям»². Полагаем, что название данного нормативного правового акта уже содержит в себе обоснование установления такого уголовно-правового запрета. Тем не менее для

подтверждения выдвинутой научной гипотезы обратимся к тексту пояснительной записки к вышеуказанному Федеральному закону³. В документе отмечено, что принятое законодательное решение нацелено на противодействие целой группе преступлений, причем не только экономической направленности, к которым отнесены таможенные, налоговые деяния и легализация имущества, добытого преступным путем, но и коррупционные, а также террористические. Например, в рамках борьбы с финансированием терроризма предлагается расширить перечень финансовых операций, подлежащих контролю со стороны уполномоченных на то органов. Обоснована потребность в расширении института конфискации в случае совершения экономических деяний, в том числе сопряженных с незаконным выводом капиталов за рубеж.

Представленная в пояснительной записке система мер, а также выделенные сферы воздействия дают основание утверждать, что позиция, изложенная в рассматриваемом документе, наносит комплексный удар по экономическим основам организованной преступности коррупционной, террористической и экономической направленности, а также повышает уровень инвестиционной привлекательности национальной экономики и в целом способствует декриминализации сферы экономической деятельности.

Наступательное противодействие контрабанде продолжилось и благодаря Федеральному закону от 31.12.2014 № 530-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий»⁴. Поводом для его принятия стала необходимость охраны интересов как производителей таких товаров, так и их потребителей. Контрафактно-контрабандная продукция создает базис теневой экономики, ущемляет права добросовестных предпринимателей, тем самым подрывает экономическую безопасность государства, создает реальную угрозу для здоровья населения. Поэтому первоначально разработчиками данного закона предлагалось разместить статью, устанавливающую ответственность за контрабанду алкогольной

¹ Законопроект № 559740-5 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования законодательства Российской Федерации): пояснительная записка к проекту Федерального закона. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=559740-5&02> (дата обращения: 20.04.2019).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.

³ Законопроект № 196666-6 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям (в части противодействия незаконным финансовым операциям): пояснительная записка к законопроекту (Комитет Государственной думы по финансовому рынку). URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=196666-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=196666-6) (дата обращения: 20.04.2019).

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий: Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1. Часть I. Ст. 83.

продукции и табачных изделий, не в 22, а в 25 главе Уголовного кодекса РФ¹. При этом в основу такой идеи легли трагические события, произошедшие в Забайкальском крае, где массовое употребление контрафактной алкогольной продукции стало причиной гибели 11 человек². Несопоставимость уровня юридической ответственности с последствиями от такой криминальной деятельности фактически делают ее экономически привлекательной, что потребовало от государства соизмеримой реакции.

Обусловлена законодательная инициатива в том числе и положениями Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2010–2015 годы³.

Полагаем, что законодатель умолчал еще об одной причине. Это недружественная санкционная политика со стороны зарубежных государств, которая повлекла за собой развитие направлений импортозамещения. Обоснование данной причины представим на примере оборота сельхозпродукции, составляющей основу продовольственной безопасности государства: введение защитно-ограничительных мер по ввозу на территорию России зарубежной сельскохозяйственной продукции, обусловило существенный рост нелегального ее перемещения. Например, только в 2016 году был предотвращен ввоз более 150 партий такой продукции⁴. Но уголовно-правовые механизмы к контрабандистам в данном случае неприменимы ввиду отсутствия такой ответственности по уголовному законодательству России. Количественно-качественные характеристики выделенной противоправной деятельности прямо указывают на недостаточность реагирования на них с помощью норм административного законодательства. О потребности и эффективности расширения предметного состава ст. 200² УК РФ говорит не только значение для человека, общества или государства продукции сельскохозяйственных предприятий, но и практика применения имеющейся сегодня юридико-технической конструкции ст. 200² УК РФ. Применение

данной статьи только за 2015–2018 годы позволило снизить ущерб для экономики на сумму, превышающую 600 млн рублей [4, с. 105] [5, с. 69–75]. В связи с этим считаем целесообразным поддержать идею А.С.-У. Теунаева о включении сельскохозяйственной продукции в перечень предметов преступления, охватываемых ст. 200² УК РФ.

Обсуждение и заключение

Подводя итог проведенного исследования, выделим основные аргументы, обосновывающие модернизацию уголовной политики в области противодействия контрабанде как форме внешнеэкономической преступной деятельности.

К правовым следует отнести:

наступательное усиление превентивного воздействия на криминальные формы поведения, сопряженные с контрабандой;

установление юридического баланса при определении характера и степени общественной опасности контрабанды с общественно опасными последствиями, наступающими в результате такой деятельности;

снижение уровня экономической привлекательности криминально-контрабандной деятельности.

Социальные включают в себя:

обеспечение безопасных условий жизни граждан при потреблении алкогольной, табачной или иной продовольственной продукции.

Экономические нацелены на:

повышение уровня добросовестной конкуренции;

создание условий для инвестиционной привлекательности российской экономики;

защиту экономической, а в перспективе и продовольственную безопасность Российской Федерации.

Точечное наступательное реагирование законодателя на угрозы, исходящие от контрабанды, нацеливает на обоснование и разработку новых направлений уголовной политики в области противодействия внешнеэкономической преступной деятельности.

¹ Пояснительная записка к законопроекту (Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству). URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=532153-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=532153-6) (дата обращения: 20.04.2019).

² Массовое отравление алкоголем в Забайкалье: погибли 11 человек. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/860357> (дата обращения: 20.04.2019).

³ О Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2010–2015 годы» (вместе с «Концепцией осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2010–2015 годы», «Планом мероприятий по реализации концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2010–2015 годы»): распоряжение Правительства РФ от 23 сентября 2010 г. № 1563-р // Собрание законодательства РФ. 2010. № 40. Ст. 5118.

⁴ Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России // ФТС России. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=24865:-2016-&catid=475:2015-03-12-09-57-15&Itemid=2588 (дата обращения: 30.04.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федосеева Е.В. Санкционная политика в отношении России: плюсы и минусы // VIII Международный молодежный форум «Образование, наука, производство». Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова. Белгород, 2016. С. 3194–3196.
2. Никифорова А.А. Уголовно-правовой механизм противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. С. 4-5.
3. Марковский М.С. Уголовно-правовые средства противодействия контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 3.
4. Теунаев А.С-У. Теоретико-прикладное исследование преступлений, совершаемых в сфере субсидирования агропромышленного комплекса: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. С. 105.
5. Башарова Э.И., Веселова М.П., Мозжегорова О.А. Совершенствование мер государственного контроля по пресечению ввоза в Российскую Федерацию санкционных товаров // NovaUm.Ru. URL: <http://novaum.ru/wp-content/uploads/2018/03/Выпуск-11.pdf>. 2018. № 11. С. 69–75. (дата обращения: 30.04.2019).

REFERENCES

1. Fedoseeva E.V. Sankcionnaya politika v otnoshenii Rossii: plyusy i minusy // VIII Mezhdunarodnyj molodezhnyj forum «Obrazovanie, nauka, proizvodstvo». Belgorodskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet im. V.G. SHuhova. Belgorod. 2016. S. 3194–3196.
2. Nikiforova A.A. Ugolovno-pravovoj mekhanizm protivodejstviya prestupleniyam v sfere vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2017. S. 4-5.
3. Markovskij M.S. Ugolovno-pravovye sredstva protivodejstviya kontrabande nalichnyh denezhnyh sredstv i (ili) denezhnyh instrumentov: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2019. S. 3.
4. Teunaev A.S-U. Teoretiko-prikladnoe issledovanie prestuplenij, sovershaemyh v sfere subsidirovaniya agropromyshlennogo kompleksa: dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2018. S. 105.
5. Basharova E.I., Veselova M.P., Mozzhegorova O.A. Sovershenstvovanie mer gosudarstvennogo kontrolya po presecheniyu vvoza v Rossijskuyu Federaciyu sankcionnyh tovarov // NovaUm.Ru. URL: <http://novaum.ru/wp-content/uploads/2018/03/Vypusk-11.pdf>. 2018. № 11. S. 69–75. (data obrashcheniya: 30.04.2019).

Об авторах: Куликов Роман Сергеевич, кандидат педагогических наук, начальник кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России
e-mail: roman.kulikov@mail.ru

Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России
e-mail: petryanin@mail.ru

© Куликов Р.С., 2019.

© Петрянин А.В., 2019.

Статья получена: 07.05.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the authors: Kulikov Roman S., Candidate of Pedagogical Sciences (Research doctorate), Head of the Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

e-mail: roman.kulikov@mail.ru

Petryanin Alexey V., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of the Nizhny Novgorod Academy of MIA of Russia

e-mail: petryanin@mail.ru

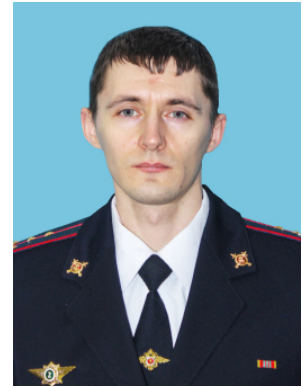
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

В.А. Маслов

**УЧЕНИЕ ГАБРИЕЛЯ ТАРДА
О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА**

**THE TEACHING OF GABRIELLE TARDE
ON CRIMINAL PERSONALITY**

Введение: статья посвящена анализу воззрений на личность преступника известного французского социолога и криминолога, справедливо причисляемого к основателям субъективно-психологического направления в западной социологии, Габриеля Тарда.

Материалы и методы: при проведении исследования использованы диалектико-материалистический метод, а также основанные на нем общенаучные и частнонаучные методы (системно-структурный, логический, метод анализа документов и иных источников). Основой исследования послужили труд Габриеля Тарда «Преступник и преступление», современные исследования личности преступника, а также статистические данные относительно рецидивной преступности в России за период с 2014 по 2017 годы, подготовленные ВНИИ МВД России.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило сформулировать ряд выводов как методологического (в основе которого использование автором в качестве аргументов учения Чезаре Ломброзо, опытов Жозефа Дельбефа и т.п.), так и криминологического (первостепенность в вопросе криминализации личности психологической составляющей, что влечет необходимость взвешенного, адекватного ответа на асоциальное поведение со стороны государства) характера.

Обсуждение и заключения: констатируется значимость обращения к историческим исследованиям при изучении проблем борьбы с преступностью и поиске наиболее оптимальных мер воздействия на личность с учетом психологической составляющей. Кроме того, акцентируется внимание на том, что без особой необходимости (отсутствие реальной общественной опасности лица, совершившего преступление) абсолютно нецелесообразно применять меры уголовной репрессии, которые приведут к необратимым последствиям, что в очередной раз подчеркивает оправданность концепции «маленького, но жесткого» уголовного закона в противовес «большому, но мягкому».

Ключевые слова: Габриель Тард, личность преступника, детерминанты преступного поведения, психология преступника, криминализация личности

Для цитирования: Маслов В.А. Учение Габриеля Тарда о личности преступника // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 339-345. DOI: 10.24420/KUI.2019.48.74.013

Introduction: the article is devoted to the analysis of Gabrielle Tarde's (a well-known French sociologist and criminologist, who is rightly considered the founder of the subjective psychological direction in Western sociology) views on criminal personality.

Materials and Methods: in conducting the study, the dialectical materialistic method was taken as a basis, as well as the general scientific and private scientific methods based on it (system-structural, logical, analysis of documents and other sources). The study was based on the work "The Criminal and the Crime" by Gabriel le Tarde, modern studies on an identity of a criminal, as well as statistical data on recidivism in Russia for 2014-2017 compiled by All-union Research Institution of MIA of Russia.

Results: the research made it possible to formulate a number of conclusions, both methodological (based on the author using the arguments of teachings of Cesare Lombroso, Joseph Delbef's experiments, etc.) and criminological (the paramount nature of the psychological component of criminalization of personality leading to adequate response to the antisocial behaviour of the state) character.

Discussion and Conclusions: the significance is stated in the study of the eternal questions of crime and the search for the best measures of influence on a person, taking into account a psychological component, turning to historical research. In addition, it is focused on the fact that without special need (the absence of real public danger of a perpetrator) it is absolutely inappropriate to apply criminal repression measures that lead to irreversible consequences, which once again underlines the justification of the concept of a "small but hard" of

criminal law counterweight to "big but soft".

Key words: Gabriel de Tarde, identity of the offender, determinants of criminal behavior, psychology of offender, criminalization of personality

For citation: Maslov V.A. The teaching of Gabrielle Tarde on criminal personality // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 339-345. DOI: 10.24420/KUI.2019.48.74.013

Введение

Габриель Тард, являясь представителем лионской школы, по праву считается одним из основателей субъективно-психологического направления в западной социологии. Получив юридическое образование, французский исследователь посвятил себя науке, занимаясь изучением различных аспектов взаимодействия людей в социуме. Большой опыт правоприменительной деятельности в качестве судьи предопределил особый взгляд ученого и на некоторые аспекты криминологии. В частности, исследователь достаточно оригинально освещает вопрос детерминирующих личность преступника факторов, ставший объектом исследования в настоящей публикации.

Право – явление социальной действительности, сколь необходимое, столь и противоречивое по своей природе и сущности. В разные исторические эпохи представление о сущности права менялось, если не диаметрально, то достаточно существенно. Одни исследователи ассоциировали право с дарованными свыше любому представителю рода человеческих возможностями действовать в своих интересах. Другие утверждали, что право – это созданный государством (преследующим нередко не столь возвышенные цели) регулятор поведения людей. Третьи понимали под правом систему общественных отношений, делая акцент на реальном поведении людей. В то же время ряд ученых обосновывали позицию, согласно которой право – это независимое от государства выражение духа народа.

Актуальность темы нашего исследования прежде всего в том, что, не-смотря на кажущуюся очевидность и необходимость при раскрытии сущности права обращать внимание на все изложенные позиции, всегда стоял вопрос о ключевой (преобладающей) характеристике, которой все остальные должны соответствовать, от которой должны «отталкиваться».

Говоря об одной из таких составляющих, по нашему мнению, далеко не второстепенной, – психологической, зачастую ассоциирующейся в первую очередь со Львом Иосифовичем Петражицким, стоит отметить, что существуют достаточно содержательные научные воззрения зарубежных исследователей, укладывающиеся в обозначенную концепцию, автором одной из которых является Габриель Тард.

Данного ученого справедливо называют основателем субъективно-психологического направления

в западной социологии. Изначально получивший юридическое образование и проработавший судьей практически два десятилетия, Г. Тард параллельно занимался социологией, а после окончания судебной практики целиком посвятил себя науке.

По мнению М.А. Тюленевой, «Ж.Г. Тард учился у представителей итальянской антропологической школы, но имел диаметрально противоположные взгляды. По некоторым направлениям в науке уголовного права. Ж. Г. Тард, так же, как и итальянцы, детерминист, но он не фаталист. Он социолог» [1].

О своевременности обращения к учениям Г. Тарда свидетельствует и информатизация современного общества [2]. В современную эпоху цифровых технологий, Интернета и социальных сетей очевидна необходимость пере-осмысления того, что преступность, помимо прочего, это и явление подражания. Доступность неизмеримого объема информации (в том числе противоправного характера) свидетельствует о достаточной актуальности вопросов побудительных начал действий преступника.

Нам представляется актуальным, как с исторической, так и теоретико-правовой и криминологической точек зрения, анализ аспектов личности преступника, отраженных Габриелем Тардом в труде «Преступник и преступление».

По нашему убеждению, криминогенная обстановка в России нуждается в поиске ответов на вопросы о личности преступника, вследствие чего целесообразно использовать методологию сравнительного правоведения в исследовании вопросов, носящих «международный» характер. Очевидно что явления, в настоящее время квалифицируемые как преступления, известны еще с догосударственных времен, и вполне уместно, учитывая государственную специфику (национальную, территориальную и т.д.), подвергнуть анализу ряд аспектов преступности.

В то же время стоит учесть точку зрения современных исследователей, согласно которой «в 2014 г. впервые за всю историю изучения преступности повторные деяния в общей структуре составили более половины всех преступлений – 50,7 %, в 2015 г. – 51,8 %, в 2016 г. – 54,0 %, в 2017 г. – уже 56,0 % [3]». Данные наглядно свидетельствуют о проблемах в вопросе эффективности пенитенциарного воздействия, что мы склонны считать следствием, в частности, наличия пробелов в понимании психологии преступников.

Об актуальности рассмотрения вопросов личности преступника в свое время высказывался и Е. Флоря, отмечая, что «личностный подход, в силу своей экономической выгоды и сравнительно высокой продуктивности, становится сегодня весьма актуальным и, как следствие, приобретает новых сторонников в среде ученых и практических работников» [4].

В то же время вопрос о самой сущности учения о личности преступника остается дискуссионным. Нам представляется достаточно содержательным высказывание Е.Б. Кургузкиной, согласно которому теорию личности преступника необходимо понимать как «систему тщательно выверенных взаимосвязанных принципов, взглядов, представлений, идей, знаний, умозаключений и гипотез, направленных на описание, истолкование и объяснение феномена появления, существования, развития и особенностей тех, кто с большой степенью вероятности может совершить, совершает или совершил преступление» [5].

Вышеизложенное предопределило цель исследования: на основе анализа труда Г. Тарда «Преступник и преступление» [6] выделить качества (черты), свойственные преступникам второй половины XIX в., провести аналогии с современными исследованиями вопросов причинности преступного поведения и психологического портрета преступников.

В основе методологии исследования лежит диалектико-материалистический метод познания объективной действительности, дополненный рядом общенаучных (к примеру, анализ, синтез и аналогия) и частнонаучных методов, среди которых можно особо выделить метод сравнительного правоведения (правовая компаративистика).

Обзор литературы

Как мы уже отмечали, данный ученый воспринимается в научной среде преимущественно как социолог, что, по нашему мнению, не совсем соответствует действительности. Психологической социологии Габриэля Тарда посвящена диссертация А.В. Загребинной [7], социолого-психологические воззрения исследованы Г.Е. Бобровой [8], «социология масс» и ее влияние на французскую консервативную мысль последней трети XIX века изучены А.В. Фененко [9], теории массовых общностей на примере Г. Тарда проанализированы М.М. Ачмиз [10].

И современные исследователи учения Габриэля Тарда уделяют внимание изложенным им позициям: анализ социологического направления во французской криминологической доктрине осуществлен М.В. Захарова [2], М.А. Тюленева провела исследование степени влияния учения Тарда на становление ученого В.Д. Спасовича [1], Е.А. Тюгашев подверг анализу «криминологический оптимизм» Г. Тарда [11].

Современное представление о личности преступника исследовано много больше: Е.Б. Кургузкина [5], А.Н. Пастушеня [12], Е. Флоря [4], О.Р. Афанасьева и М.В. Гончарова [13], С.Н. Чурило и Н.С. Грудинин [14], В.Е. Эминов и Ю.М. Антонян [15].

Материалы и методы

Методологической основой исследования является диалектико-материалистический метод познания явлений и процессов действительности, а также основанные на нем общенаучные и частные методы исследования (анализ, синтез, системно-структурный, логический).

Материалами исследования послужили статистические данные Всероссийского научно-исследовательского института МВД России за период с 2014 по 2017 годы, характеризующие рецидивную преступность в России.

Результаты исследования

Итак, отвечая на вопрос, какой вклад внес Габриель Тард в учение о личности преступника, какие выделял психологические свойства, характерные преступникам второй половины XIX в., стоит проанализировать ряд тезисов ученого.

Начать стоит с высказывания исследователя о том, что «порочными уже рождаются, но преступниками, наверное, делаются лишь впоследствии», каковое однозначно свидетельствует, что автор не считал склонность к совершению преступления чем-то врожденным. Более того, представитель лионской школы отмечает, что для заключенных свойственно быть безжалостными, раздражительными и мстительными, к чему, в свою очередь, приводит образ жизни, который включает в себя: посещение дурного общества; создание условий для развития гордости, суетности, зависти, злобы, лени; невосприимчивость нежных чувств и склонность к сильным ощущениям; страдания в детском возрасте (побои, суровое обращение, физические мучения); равнодушие к злу, нечувствительность.

Современные исследователи также в той или иной степени при раскрытии детерминант преступного поведения, например, отмечают: «Не является секретом, что дети, выросшие в маргинальных семьях, в которых родители ... применяют насилие по отношению к своим детям, не обладают высоким уровнем культуры и нравственности, совершают административные правонарушения. В будущем часть из них становится преступниками» [14].

Г. Тард особое внимание уделяет такому качеству личности преступника, как гордыня: «Во всякую эпоху и во все странах — у бандитов Корсики или Греции, или у сицилийских *maffioso*, как и у «отбросов» наших больших городов, — гордость является главным признаком их характера» [6].

Отмечая, что «между угрюмыми и завистливыми лицами каторжников было несколько добрых и веселых, но это были или невинно осужденные, или случайно сбившиеся с пути», ученый фактически говорит о том, что отсутствуют исключения из правила о преобладании среди качеств заключенных гордости за свою уникальность.

Особо отмечается Г. Тардом такое качество преступников, как бесчувственность, именуемое исследователем «стоицизмом» и характеризующееся как самолюбие преступника в совокупности с физической нечувствительностью, свойственной низшим классам.

Основываясь на опросах врачей, ученый отмечает, что бесчувственность отнюдь не свойственна заключенным в городах, тогда как исследования, которыми он располагал, не свидетельствовали о наличии исключений из вышеуказанного качества. В связи с этим справедлива, на наш взгляд, замечка о том, что ранние исследователи «имели дело с преступниками деревенскими, малочувствительными физически, как и все невежественные люди, в то время как преступники, содержащиеся в парижских госпиталях, подвержены гиперестезии, общей и характерной для всякого городского населения» [6].

Кроме того, Г. Тард акцентирует внимание на том, что преступникам свойственно разграничивать общество на «родную среду» и всех иных лиц. Здесь необходимо понимать достаточно интересную взаимосвязь обозначенной выше гордыни (в некоторой степени – желание величия) и тех социальных связей, в каковых состоит преступник.

В данном вопросе Г. Тард справедливо еще столетие назад отмечал, что преступники *противопоставляют* себя той части общества, к каковой они себя не относят. В то же время к значимым, с их точки зрения, социальным связям преступники относятся с трепетом (как указывает ученый, им свойственна «чрезмерная забота о впечатлении», производимом их действиями). «Преступник знает и притом не сомневается, что он оправдан судом своей родной среды, своего же простонародия, которое никогда – он опять-таки знает это – его окончательно не осудит, а чаще всего и совсем оправдает, лишь бы его грех был не против своих, против братьев» [6].

Сопоставляя расчетливость и импульсивность преступников, автор не делает однозначных выводов, утверждая, что в данном аспекте характеристики личности встречаются как достаточно предусмотрительные (расчетливые) и настойчивые в достижении своих планов, так и вспыльчивые преступники. «Как загипнотизированный или сумасшедший, всю силу своей воли и веры приносит в жертву своему минутному желанию, одной какой-нибудь идее» – описывает ученый второй тип преступников [6].

Исследователь делает достаточно любопытный вывод, основанный на сравнении книг, читаемых в тюрьмах, с книгами, пользующимися спросом в городских школах Парижа, согласно которому интеллектуальный уровень преступников сродни данному уровню всех граждан.

В контексте вышесказанного уместным будет привести точку зрения авторов, проанализировавших показатели преступности в России с 1997 по 2015 годы, согласно которой «преступники в основной своей массе не обладают образованием, достаточным для нормальной социализации в условиях современного общества. Вместе с тем имеет место тенденция увеличения числа лиц, совершивших преступления, с высшим образованием: в 1997 г. она составляла 4 %, а к 2015 г. выросла до 8,3 %, что определяется, по нашему мнению, доступностью высшего образования» [13].

Вполне допустимым нам представляется вывод о том, что с течением времени произошли существенные изменения интеллектуального уровня преступников, поскольку исследования современных отечественных пенитенциарных психологов свидетельствуют о невысоком интеллектуальном уровне в общей массе преступников по сравнению с правопослушными гражданами.

Говоря о таких чертах, как тщеславие и бесчувственность, дополненных ленью и отсутствием угрызений совести, Г. Тард обозначает данные явления одновременно и как причину, и как следствие преступлений (тем не менее, смещая акцент в сторону следствия совершенного преступления).

В своих размышлениях французский исследователь отмечает, что «чудовищный эгоизм так же, как и страшная гордость, отличающие преступника, гораздо скорее, быть может, являются следствием, чем источником их преступления» [6]. Обозначенная последовательность, выраженная в отсутствии связи между изначальной нечувствительностью к боли и жалостью преступника, обоснована автором посредством аналогии с лихорадкой, одним «из тех кризисов, из которых организм, как это бывает при конституциональных болезнях, выходит измененным» [6].

Справедливо, на наш взгляд, в данном случае высказывание М.А. Тюленевой, что данная формулировка свидетельствует о том, что Г. Тард рассматривает преимущественно не антропологический фактор преступности, а социальный [1].

Автор приводит ряд небезосновательных доводов, обозначающих такое свойство преступников, как *искусственное* одиночество. Данная отрешенность вызвана последовательными фактами (рис. 1).

Данное противопоставление по Г. Тарду сопровождается презрением, которое со временем лишь усугубляется ввиду ряда факторов: отнесения себя к «презренной и проклятой толпе», порицания себя,

Рисунок 1 – Последствия совершения преступления по Г. Тарду
 Picture 1 – Consequences of crimes according to G. Tard

поскольку *он* порицаем обществом, а также стремление «отплатить честной толпе презрением за презрение, что является лишним способом отражать ее взгляды, отталкивая ее» [6].

Как следствие отнесения себя к существу иной породы и все большего отчуждения от общества у преступника появляется вера в свое превосходство. Как пишет Г. Тард, «убийство является для того, кто его совершил, какой-то *idée fixe*, как гениальная выдумка для инженера, как образ любимой женщины для влюбленного» [6].

Исследователь вполне закономерно расставляет приоритеты при поиске ответа на вопрос о быстротечности криминализации лица, только вставшего на преступный путь. Последовательность в данном случае выглядит так, что на первый план выходит психология преступника, в то время как влияние общества, «слишком поспешно отталкивающего от себя павшего и вынуждающего его [общества – прим. автора статьи] искать в шайке развращенных людей», – вторично.

Г. Тард доступно поясняет, что еще до момента неприятия преступного поведения обществом разум преступника бессознательно (непроизвольно) «отсекает виновного от честной толпы», что в совокупности с раздувшимся самолюбием и ожесточением сердца и закладывают фундамент дальнейшей криминализации личности.

Данный тезис о сугубо психологической составляющей криминализации личности предполагает существенные отличия в криминализации личности ввиду наличия или отсутствия уголовного преследования и осуждения. В случае когда деяния преступника остаются тайными, допустимо говорить о том,

что связь между преступником и «честными людьми» присутствует. В то же время в случае осуждения лица «его внутренняя пропасть страшно расширяется и углубляется, выходя наружу, подобно его скверной природе, которая, выразившись в преступлении, ясно обозначилась и завершилась им» [6].

Суть парадокса, состоящего в том, что лицо, совершающее с завидной периодичностью преступления по мере нарастания их общественной опасности, менее опасно, чем лицо, совершившее единичное преступление, с точки зрения Г. Тарда, разрешается достаточно просто: необходимо принимать во внимание то, что лицо, совершающее последовательные, менее тяжкие преступления, «избегает этого страшного внутреннего потрясения и никогда не перестает чувствовать своих крепких связей с окружающим обществом» [6]. В то же время лицо, совершившее свое первое, но достаточно общественно опасное деяние, данным деянием окончательно разрывает связь с обществом, отграничивает себя от него.

В контексте вышесказанного уместно привести точку зрения А.Н. Пастушеня, согласно которой изучение криминогенной сущности личности преступника признается наиболее обоснованным в случае ориентации на получение знаний прогностического и преобразующего назначения [12].

Обсуждение и заключения

1. Вызывает интерес используемая *французским социологом* методология исследования: учения Чезаре Ломброзо гармонично дополнены литературными произведениями Ф.М. Достоевского, опытами Жозефа Дельбефа, анализом литературы, получаемой в школах и в местах лишения свободы, и опросами врачей.

2. Согласно Габриелю де Тарду, преступниками не рождаются, а становятся. Данный емкий тезис сейчас не вызывает столь бурных дискуссий, как столетие назад, когда уголовная (криминальная) антропология пыталась установить связь между анатомическими и физиологическими врожденными качествами человека и его склонностью к совершению преступлений.

Личности преступника, согласно исследуемому учению, свойственны гордыня, чувство собственной уникальности, эгоизм и отрешенность в совокупности со среднестатистическим интеллектуальным уровнем. Бесчувственность свойственна больше преступникам за пределами городов.

Современные научные исследования все чаще касаются конкретных видов преступников (несовершеннолетних, рецидивистов, женщин, должностных лиц и т.п.) и все реже задаются вопросами характеристики личности преступников в *общем*. Можно назвать данную тенденцию закономерной, поскольку объективная действительность свидетельствует, что затруднительно искать нечто общее у лиц, совершивших первое преступление, и «закоренелых» рецидивистов; лиц, совершивших преступление по неосторожности, и лиц, преступающих черту закона с полным пониманием общественной опасности своего поведения, сознательно желающих причинить другим лицам вред; лиц, совершающих преступление ввиду тяжелой жизненной ситуации (как они считают – «безвыходности»), и лиц, *злоупотребляющих своими полномочиями из корыстных побуждений*. Стоит выделить точку зрения, согласно которой «преступникам присущи антиобщественные взгляды, отрицательное отношение к нравственным ценностям и выбор общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявление необходимой активности в предотвращении отрицательного результата» [15].

Важным в учении Г. Тарда о личности преступника, на наш взгляд, выступает вопрос отрешенности, которую нужно понимать как отрешенность именно от «толпы», презирающей преступника, в то время когда существует *другое общество*, которое принимает и одобряет поведение преступника. Данное деление на своих и чужих порождает ряд последствий: презрение к толпе, отнесение себя к «существу иной породы», отрешенность от общества и т.п.

3. Французский ученый обосновывает точку зрения, которую мы склонны считать достаточно важной и в современное время, согласно которой первоначальным в вопросе криминализации личности является *психологическая составляющая*. В этих двух словах содержится огромное смысловое содержание, суть которого состоит в том, что без особой необходимости (отсутствие реально общественной опасности лица, совершившего преступление) абсолютно нецелесообразно применять меры уголовной репрессии, которые приведут к необратимым последствиям, оттолкнут преступника от общества, укоренят в его сознании отрешенность от общества. Данный тезис должен быть понят как необходимость при определении наказания виновному учитывать его психологические особенности, в том числе «глубину дефекта» личности преступника в целях выбора наиболее корректной меры репрессии.

Габриэль Тард еще во второй половине XIX в. обозначил, что психологические особенности личности должны во все времена учитываться при криминализации деяний, дифференциации уголовной ответственности, решении вопросов малозначительности деяния, индивидуализации наказания (в частности, при определении вида и размера наказаний за совершенное преступление, учета обстоятельств, освобождающих от ответственности, смягчающих ее и т.д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тюленева М.А. Оценка учения Жана Габриеля Тарда в трудах В.Д. Спасовича // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 38. С. 166-171.
2. Захарова М.В. Социологическое направление во французской криминологической доктрине: историческое прошлое // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1. С. 92-95.
3. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития : аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М.В. Гончарова и др. М.: ВНИИ МВД России, 2018. 89 с.
4. Флоря Е. Личность преступника: криминологическое и уголовно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Кишинев, 2002. 185 с.
5. Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений : дис. докт. юрид. наук. М., 2003. 423 с.
6. Габриэль де Тард Преступник и преступление. М., 1906. Преступник Часть 1 VIII. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/tard/tard.htm> (дата обращения: 10.06.2019).
7. Загребина А.В. Психологическая социология Габриэля Тарда : дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2004. 134 с.
8. Боброва Г.Е. Базовые компоненты социальной теории Жана Габриеля Тарда: дис. ... канд. соц. наук. Барнаул, 2004. 193 с.
9. Фененко А.В. «Национальная идея» и ее эволюция в творчестве французских консерваторов XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. 231 с.

10. Ачмиз М.М. Становление теории массовых общностей в западноевропейской философии на рубеже XIX – XX веков: историко-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2007. 159 с.
11. Тюгашев Е.А. Криминологический оптимизм Г. Тарда // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 1. Т. 8. С. 15-21.
12. Пастушеня А.Н. Криминогенная сущность личности преступника: психологический аспект: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2000. 551 с.
13. Афанасьева О.Р., Гончарова М.В. Криминологический портрет личности преступника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 3. С. 40-49.
14. Чурилов С.Н., Грудинин Н.С. Детерминанты преступного поведения личности // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 3. С. 140-145.
15. Эминов В.Е., Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 37.

REFERENCES

1. Tyuleneva M.A. Ocenka ucheniya ZHana Gabrielya Tarda v trudah V.D. Spasovicha // Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta. 2015. № 38. S. 166-171.
2. Zaharova M.V. Sociologicheskoe napravlenie vo francuzskoj kriminologicheskoy doktrine: istoricheskoe proshloe // Mezhdunarodnyj penitenciarnyj zhurnal. 2015. № 1. S. 92-95.
3. Kompleksnyj analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii i raschetnye varianty ee razvitiya : analiticheskij obzor / YU.M. Antonyan, D.A. Brazhnikov, M.V. Goncharova i dr. M.: VNII MVD Rossii, 2018. 89 s.
4. Florya E. Lichnost' prestupnika: kriminologicheskoe i ugovovno-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. Kishinev, 2002. 185 s.
5. Kurguzkina E.B. Teoriya lichnosti prestupnika i problemy individu-al'noj profilaktiki prestuplenij : dis. dokt. yurid. nauk. M., 2003. 423 s.
6. Gabriel' de Tard Prestupnik i prestuplenie. M., 1906. Prestupnik CHast' 1 VIII. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/tard/tard.htm> (data obrashcheniya: 10.06.2019).
7. Zagrebina A.V. Psihologicheskaya sociologiya Gabrielya Tarda : dis. ...kand. soc. nauk. SPb., 2004. 134 s.
8. Bobrova G.E. Bazovye komponenty social'noj teorii ZHana Gabrielya Tarda: dis. ... kand. soc. nauk. Barnaul, 2004. 193 s.
9. Fenenko A.V. «Nacional'naya ideya» i ee evolyuciya v tvorchestve francuzskih konservatorov XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2003. 231 s.
10. Achmiz M.M. Stanovlenie teorii massovykh obshchnostej v zapadnoevropejskoj filosofii na rubezhe XIX – XX vekov: istoriko-filosofskij analiz: dis. ... kand. filos. nauk. Krasnodar, 2007. 159 s.
11. Tyugashev E.A. Kriminologicheskij optimizm G. Tarda // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2012. № 1. Т. 8. S. 15-21.
12. Pastushenya A.N. Kriminogennaya sushchnost' lichnosti prestupnika: psihologicheskij aspekt: dis. ... d-ra psihol. nauk. M., 2000. 551 s.
13. Afanas'eva O.R., Goncharova M.V. Kriminologicheskij portret lichnosti prestupnika // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: YUrisprudenciya. 2016. № 3. S. 40-49.
14. CHurilov S.N., Grudinin N.S. Determinanty prestupnogo povedeniya lichnosti // YUridicheskij vestnik DGU. 2016. № 3. S. 140-145.
15. Eminov V.E., Antonyan YU.M. Lichnost' prestupnika i ee formirovanie // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 1. S. 37.

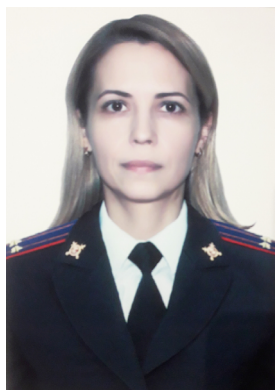

Об авторе: Маслов Вилли Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России
e-mail: villi@el.ru
© Маслов В.А., 2019.

Статья получена: 27.06.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the author: Maslov Willie A., Candidate of Legal Sciences (Research doctorate), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ural Law Institute of MIA of Russia
e-mail: villi@el.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.352.4

DOI: 10.24420/KUI.2019.46.59.014

О.Ю. Можина

**СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МЕЛКОГО
ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ**

**THE ESSENCE AND THE CONTENT OF BASIC ELEMENTS
OF PETTY BRIBERY PREVENTION SYSTEM
IN THE SOCIAL SPHERE**

Введение: в статье рассматриваются сущность и содержание основных элементов системы предупреждения мелкого взяточничества в таких социально значимых сферах, как здравоохранение и образование.

Материалы и методы: при проведении исследования использованы общенаучные и частнонаучные методы: анализ имеющихся в научной литературе точек зрения в отношении элементов системы предупреждения преступлений и синтез полученных в ходе исследований результатов, индукция и дедукция при определении сущности основных элементов системы предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере, а также абстрагирование, системно-структурный, сравнительно-правовой, логический методы в процессе выявления особенностей элементов системы предупреждения мелкого взяточничества.

Результаты исследования: автор определяет сущность и содержание основных элементов системы предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере: объекта предупреждения; субъектов предупреждения и содержания предупредительной деятельности.

Обсуждение и заключения: автор приходит к выводу, что выделение основных элементов системы предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере, исследование их качественной и структурно-функциональной характеристики обусловливается необходимостью изучения того, каким образом и с помощью каких мер субъекты предупреждения могут и должны воздействовать на объекты предупреждения, с тем чтобы снизить уровень коррупционного поведения, уровень дисциплинарных проступков, гражданско-правовых деликтов, административных правонарушений и преступлений, связанных с мелким взяточничеством в социальной сфере.

Ключевые слова: предупреждение мелкого взяточничества; объект предупреждения; субъекты предупредительной деятельности; меры предупреждения; сфера здравоохранения; сфера образования

Для цитирования: Можина О.Ю. Сущность и содержание основных элементов системы предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 346-354. DOI: 10.24420/KUI.2019.46.59.014

Introduction: the article discusses basic elements of the system of preventing petty bribery in such socially important areas as health care and education.

Materials and Methods: general scientific and private scientific methods are used in the study: viewpoints analysis available in scientific literature regarding elements of a crime prevention system and a synthesis of results obtain in the course of the research, induction and deduction in determining the essence of the main elements of the social bribery prevention system in a social sphere, as well as abstraction, system-structural, comparative legal, logical methods in the process of identifying the features of the elements of the petty bribery prevention system.

Results: main elements of the system of preventing small-scale bribery in a social sphere are identified, namely: an object of the warning; subjects of warning and a content of preventive activities.

Discussion and Conclusions: the author comes to the conclusion that identifying the main elements of the system of preventing small-scale bribery in a social sphere, studying their qualitative and structural-functional characteristics are conditioned by the need to study how and with what measures warning subjects can and should influence warning objects in order to reduce the level of corrupt behavior, the level of disciplinary offenses, civil delicts, administrative offenses and offenses related with petty corruption in the social sphere.

Key words: prevention of petty bribery, warning object, subjects of preventive activity, warning measures, health care, the sphere of education

For citation: Mozhina O.YU. The essence and the content of basic elements of petty bribery prevention system in the social sphere // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 346-354. DOI: 10.24420/KUI.2019.46.59.014

Введение

Система предупреждения (предупредительной деятельности) преступлений, по мнению многих криминологов, состоит из трех основных элементов. Так, по мнению А.И. Долговой, к этим трем элементам относятся объекты, субъекты, средства предупредительного воздействия [1, с. 434]. Несколько иную систему предупреждения преступлений предлагает С.М. Иншаков, выделяя следующие элементы: явление воздействующее (субъект); явление, на которое оказывается воздействие (объект); способ воздействия; цель воздействия [2, с. 82]. В данном исследовании мы будем придерживаться «классической» формулы системы предупреждения преступлений (субъект, объект, содержание) и рассмотрим сущность и содержание указанных элементов применительно к предупреждению мелкого взяточничества в таких социально значимых сферах, как здравоохранение и образование.

Актуальность такого исследования обусловлена тем, что, несмотря на стабильный интерес научного сообщества к проблеме бытовой коррупции, в том числе ее предупреждения, дифференциация уголовной ответственности за взяточничество в зависимости от размера предмета взятки была осуществлена сравнительно недавно (ст. 2912 УК РФ введена Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ). В связи с этим вопрос о сущности и содержании элементов системы предупреждения такого негативного явления, как мелкое взяточничество в социальной сфере, в научной литературе на данный момент не проанализирован. Хотя такой анализ может способствовать более целенаправленному предупреждению данного явления (особенно в сферах здравоохранения и образования), а указанное направление предупреждения преступлений может и должно стать самостоятельным направлением.

Обзор литературы

Непосредственно систему предупреждения того или иного вида преступлений рассматривали в своих монографических работах А.И. Долгова, С.М. Иншаков, Г.М. Миньковский [3], Г.С. Саркисов [4] и др. В диссертационных исследованиях анализировались специфические составляющие системы предупреждения преступлений [5, 6, 7, 8]. Существует немало научных исследований, в которых рассматриваются элементы предупреждения взяточничества, в том числе мелкого (бытового, низового), именно в социальной сфере. Например,

в работах А.Н. Варыгина [9, с. 142], А.В. Полукарова [10, с. 60] рассматриваются элементы системы предупреждения коррупционных преступлений в сфере здравоохранения, Р.А. Абрамовым [11, с. 24] исследованы элементы системы предупреждения коррупции в российской сфере образования, С.В. Плоховым [12, с. 77] – элементы системы предупреждения коррупционной преступности в социальной сфере. Несмотря на то, что в данных работах рассматривается совокупность всех коррупционных преступлений, совершаемых в здравоохранении и образовании, остается неисследованным вопрос о сущности и содержании основных элементов системы предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере.

Материалы и методы

Методологическую основу данного исследования составляет совокупность общенаучных и частнонаучных методов научного познания, в том числе диалектический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы. Материалами исследования послужили нормы уголовного законодательства Российской Федерации, нормы внутриотраслевого законодательства, научная литература.

Результаты исследования

Для того чтобы раскрыть сущность и содержание всех элементов системы предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере, необходимо прежде всего указать, что мы понимаем под предупреждением преступлений, в том числе мелкого взяточничества в социально значимых сферах. Для этого следует определить, в каком соотношении находятся такие понятия, как противодействие преступности, борьба с преступностью, предупреждение преступлений, профилактика преступлений, предотвращение преступлений, пресечение преступлений [13, с. 280].

Следует согласиться с утверждением отдельных исследователей, которые отмечают, что «предупреждение преступлений» может трактоваться как в широком (социально-политическом, криминологическом, идеологическом), так и в узком (уголовно-правовом) смысле. К таким исследователям относится В.Д. Малков, который в широком значении под предупреждением преступлений понимает «исторически сложившуюся систему преодоления объективных и субъективных предпосылок этих негативных явлений, реализуемого путем целенаправленной деятельности всех институтов общества по устранению, уменьше-

нию и нейтрализации факторов, детерминирующих существование преступности и совершение преступлений» [14, с. 119]. В качестве прикладного (более узкого) значения предупреждения преступлений профессор В.Д. Малков выделяет «деятельность, направленную на совершение их недопущения путем выявления и устранения причин преступлений, условий, способствующих их совершению, оказания предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением» [14, с. 120].

По поводу обозначения таких уровней и типов мероприятий, как «профилактика», «предотвращение» и «пресечение», существует множество точек зрения, зачастую полностью противоположных. В некоторых научных работах данные термины и понятия применяются как взаимозаменяемые

Профессор В.Д. Малков считает, что предотвращение – это один из элементов индивидуального предупреждения преступлений, а пресечение выходит за рамки предупреждения, поскольку представляет собой осуществление специальных мер [14, с. 121].

По мнению В.Д. Ларичева, предотвращение и пресечение преступлений не входят в систему предупреждения преступлений, а являются составляющими оперативно-розыскной деятельности по выявлению и раскрытию преступлений [15, с. 50].

В рамках проводимого исследования не представляется возможным проанализировать все аргументы участников дискуссии о правильном использовании перечисленных понятий и терминов. Нам близка (с некоторыми оговорками) позиция Н.В. Щедрина, который считает, что необходимо заключить «терминологическую конвенцию», чтобы использовать термин «предупреждение преступлений» для обозначения всех рассмотренных выше видов предупредительного воздействия [16, с. 27].

В рамках нашего исследования мы говорим о предупреждении мелкого взяточничества в социальной сфере, которое рассматривается как в широком (социально-политическом, криминологическом), так и узком (уголовно-правовом) смысле. Поэтому, обратившись к определению предупреждения преступлений Н.В. Щедрина [16, с. 7-8] и сузив область воздействия предупредительной деятельности на всю преступность до области воздействия на мелкое взяточничество в социальной сфере, в качестве рабочего определения мы будем использовать следующее: предупреждение мелкого взяточничества в социальной сфере – это специфический вид воздействия на общество, целью которого является снижение вероятности поведения, провоцирующего совершение мелкого взяточничества в социальной сфере, для чего

субъект, используя законные меры воздействия, стимулирует включение объекта в систему общественно полезных отношений и ограничивает его негативные связи.

Далее необходимо более детально рассмотреть непосредственно элементы системы предупреждения, которыми, как мы указали выше, являются объекты, субъекты и непосредственно содержание предупредительной деятельности.

В криминологии достаточно четко определено, что объект предупредительной деятельности – это то, на что направлена данная деятельность, на что она воздействует в соответствии с поставленными целями. При этом объект предупредительной деятельности имеет сложную структуру, соответственно, более корректно говорить не об объекте, а о системе объектов предупредительной деятельности. Разными исследователями к таким относились вся преступность в целом, ее отдельные виды; причины и условия преступности, факторы, детерминирующие преступность; личность преступника, группы людей, все население страны; регионы и конкретные организации, учреждения.

Г.Г. Смирнов, говоря об объектах криминологического предупреждения, анализирует следующую систему объектов: преступность; причинный комплекс преступности; общественные отношения, охраняемые уголовным законом; личность преступника и иные категории лиц [17, с. 112].

Взяв за основу приведенную систему, но с некоторыми оговорками, определим, что объектами предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере должны выступать следующие элементы: 1) мелкое взяточничество в социальной сфере как негативное социальное явление, его количественно-качественные характеристики (состояние, уровень, динамика и др.); 2) факторы, детерминирующее мелкое взяточничество в социальной сфере; 3) общественные отношения, охраняемые уголовным законом, обеспечивающие нормальное функционирование медицинских и образовательных организаций (оговорка – в реальной жизни статистически могут фиксироваться лишь результаты работы по недопущению получения или дачи мелкой взятки путем их предотвращения на стадии приготовления (в достаточно редких случаях) и путем пресечения на стадии покушения); 4) личность мелкого взяточника.

Следует отметить, что личность уже состоявшегося мелкого взяточника является объектом предупредительной деятельности в плане недопущения рецидива преступлений. Если ориентироваться на официальную статистику мелкого взяточничества не по количеству выявленных и расследованных фактов получения и дачи мелкой

взятки в социальной сфере, а по лицам, их совершающим, то такая деятельность осуществляется (удельный вес лиц, ранее совершавших получение или дачу мелкой взятки, в общей массе выявляемых мелких взяточников практически равен нулю). Основным же массивом лиц, выступающих в качестве объектов предупредительной деятельности, являются иные категории граждан, склонные к совершению мелкого взяточничества в социальной сфере (потенциальные мелкие взяточники), а также неограниченный круг лиц, взаимодействующих в сферах здравоохранения и образования (доктора, пациенты, их родственники, преподаватели, студенты, ученики, их родители и др.). При этом любая личность должна рассматриваться не отдельно, а в многочисленных взаимодействиях с социальной средой.

Рассмотрев систему объектов предупредительной деятельности мелкого взяточничества в социально значимых сферах, можно сделать важный вывод: такая предупредительная деятельность не может осуществляться каким-либо одним-единственным государственным органом или общественно-государственной структурой. В этой деятельности в том или ином объеме участвуют все звенья государственной и общественной системы, которые рассматриваются как некая целостная структура.

Полагаем, что система субъектов предупреждения преступлений данного вида должна формироваться исходя из системы объектов предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере. То есть каждому уровню системы объектов должен соответствовать определенный уровень системы субъектов. При этом многоэлементность системы субъектов предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере обусловлена множественностью элементов системы государственных органов и общественных структур, имеющих возможность в той или иной степени воздействовать на объекты предупреждения мелкого взяточничества в сферах здравоохранения и образования.

Основания для классификации субъектов предупредительного воздействия весьма разнообразны: место в государственной и общественной структуре (государственные, муниципальные, общественные); задачи и компетенции (специализированные и неспециализированные); нормативно-правовое закрепление (субъекты с законодательно определенной функцией и субъекты с законодательно неопределенной функцией предупреждения преступлений); период функционирования (действующие в течение длительного времени и недавно

созданные); по организационно-правовой форме (организации и граждане) и др.

В рамках данного исследования остановимся более подробно на системе государственных органов и общественных структур, классифицируемых на основании задач и компетенций, которые данные органы и организации решают и имеют. При этом основу для выделения системы субъектов предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере будет составлять Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ст. 5), который «рамочно» устанавливает систему субъектов профилактики правонарушений.

К таким субъектам следует отнести органы общей компетенции (неспециализированные, а также частично специализированные), которые формируют уголовную политику государства в сфере предупреждения преступлений, а также формируют правовые основы предупреждения преступлений на законодательном уровне: Президент Российской Федерации, являющийся гарантом Конституции Российской Федерации, согласно ст. 41 и ст. 43 которой каждый гражданин имеет право на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь, а также право на образование; Управление Президента РФ по вопросам противодействия коррупции; Правительство РФ, организующее, направляющее, координирующее и контролирующее деятельность всех центральных федеральных органов исполнительной власти, которые имеют отношение к здравоохранению и образованию, и определяющее их правовой статус; разрабатывающее, утверждающее и финансирующее федеральные и региональные программы развития здравоохранения и образования. В качестве основной структуры Правительства РФ, занимающейся координацией органов власти, выработкой решений и комплексных мер по приоритетным направлениям профилактики преступности, следует назвать Правительственную комиссию по профилактике правонарушений¹. К данной группе субъектов предупреждения мелкого взяточничества следует также отнести правительства и администрации субъектов РФ; Совет Федерации РФ и Государственная Дума РФ не выполняют непосредственно функции по предупреждению мелкого взяточничества в социальной сфере, но в состав данных органов власти входят такие структурных подразделения, как Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре, Совет по региональному здравоохранению при Совете Федерации ФС РФ, Комитет по безопасности и

¹ О Правительственной комиссии по профилактике правонарушений: постановление Правительства РФ от 28.03.2008 № 216 (ред. от 15.10.2008) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 14. Ст. 1410.

противодействию коррупции Государственной Думы РФ, Комитет по образованию и науке Государственной Думы РФ, Комитет по охране здоровья Государственной Думы РФ. Перечисленные комитеты и советы имеют непосредственные возможности воздействия на потенциальных мелких взяточников в сферах здравоохранения и образования путем подготовки предложений, выработки рекомендаций, рассмотрения законопроектов по формированию и реализации государственной политики в сфере здравоохранения и в сфере образования; органы исполнительной и законодательной власти субъектов РФ, принимающие принципиальные для общества решения в рассматриваемых нами сферах (здравоохранение и образование), а также органы местного самоуправления, которые формируют местные бюджеты в части расходов на образование, здравоохранение и др., осуществляют деятельность в сфере социальной поддержки и социальной защиты населения.

Кроме того, к неспециализированным негосударственным субъектам предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере относятся (следует отметить, что, согласно Федеральному закону от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», перечисленные ниже субъекты предупреждения мелкого взяточничества являются не субъектами профилактики, а лицами, участвующими в профилактике правонарушений, для которых профилактическая деятельность является не обязанностью, а правом): органы социальной защиты населения и учреждения социального обслуживания; общественные организации; средства массовой информации.

Социальная защита включает в себя социальное страхование, обеспечение и помощь, согласуется с действующим законодательством и политикой государства и направлена на обеспечение достойного уровня жизни и развития человека как личности. Организация социальной защиты выражается в следующих формах ее реализации: пенсионное обеспечение, социальные льготы и пособия, социальное страхование и обслуживание государства.

Общественные организации, которые участвуют в предупреждении преступлений, классифицируются в зависимости от территориального масштаба их деятельности, места, которое занимает предупредительная работа в числе основных: массовые общественные организации, действующие на основе уставов и положений (политические партии, профсоюзы, общественные фонды) осу-

ществляют в основном меры общего предупреждения; общественность осуществляет меры как общего, так и индивидуального предупреждения преступлений; органы, организации, отдельные представители местной общественной самостоятельности (общественные объединения правоохранительной направленности и др.) также осуществляют меры общего и индивидуального предупреждения [18, с. 37].

Также к данной группе субъектов предупреждения мелкого взяточничества следует отнести граждан (физических лиц), которые могут выступать как носители конкретных прав и обязанностей, связанных с исполнением конкретных социальных ролей (родственников, родителей, опекунов, членов специализированных общественных организаций).

К частично специализированным субъектам предупреждения мелкого взяточничества в сфере образования и здравоохранения относятся также службы, подразделения, организации и учреждения, которые функционируют непосредственно в сферах здравоохранения и образования. К субъектам федерального уровня следует отнести: отдел по профилактике, предупреждению коррупционных и иных правонарушений Департамента управления делами и кадрами Министерства здравоохранения РФ; Департамент аттестации научных и научно-педагогических работников, Департамент управления делами Министерства науки и высшего образования РФ; Департамент государственной службы и кадров Министерства просвещения РФ¹.

В соответствии с типовыми положениями об указанных органах здравоохранения и образования ответственность за организацию проведения общепрофилактических мероприятий возлагается на руководителей соответствующих органов. Например, согласно п. 7 положения о Департаменте государственной службы и кадров Министерства просвещения Российской Федерации директор данного департамента несет персональную ответственность за выполнение возложенных на департамент полномочий в установленной сфере деятельности. А в соответствии с п. 4.40-4.51 положения департамент имеет определенный перечень полномочий в области профилактики коррупционных и иных правонарушений.

К субъектам предупредительной деятельности данной группы относятся также органы здравоохранения и образования субъектов РФ, а также органы местного самоуправления.

К специализированным субъектам предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфе-

¹ Об утверждении Положения о Департаменте государственной службы и кадров Министерства просвещения Российской Федерации: приказ Минпросвещения России от 30.08.2018 № 17 (ред. от 22.01.2019).

ре следует отнести органы власти, для которых реализация мер борьбы с преступностью, в том числе мер предупреждения преступлений (профилактики, предотвращения, пресечения), является основной или даже единственной функцией.

В качестве специализированных субъектов предупреждения мелкого взяточничества следует рассмотреть такие правоохранительные органы, как суды общей юрисдикции, прокуратура, следственный комитет, органы внутренних дел. Антикоррупционные начала деятельности данных органов заложены в Федеральном конституционном законе «О Конституционном суде РФ», федеральных законах «О судебной системе РФ», «О прокуратуре РФ», «О полиции» и т.д.

Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» не включает в систему субъектов профилактики суды, но, исходя из их предназначения, особенно общей компетенции, они выполняют профилактическую функцию. При этом эти суды осуществляют как меры общей профилактики, так и специальные меры, поскольку применяют меры административного, уголовного, уголовно-правового характера, включая меры профилактического характера. В частности, это вынесение определений об устранении причин и условий совершения преступления.

В качестве отдельного специализированного субъекта предупреждения мелкого взяточничества в социально значимых сферах следует рассмотреть Министерство внутренних дел Российской Федерации. Организация и проведение правоохранительной деятельности по основным направлениям в целом возложены на Главное управление по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также на такое его структурное подразделение, как Управление координации охраны правопорядка и профилактики правонарушений в жилом секторе на объектах социального назначения. Так, на официальном сайте МВД России указано, что важнейшим направлением в работе данного Главного управления является возрождение государственной системы профилактики правонарушений¹.

Кроме того, когда речь идет о борьбе с коррупцией, противодействии взяточничеству, предупреждении мелкого взяточничества, участие в этой деятельности в той или иной мере принимают следующие подразделения МВД России:

- Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции;
- Главное управление собственной безопасности;

- Следственный департамент;
- Управление по организации дознания;
- Департамент государственной службы и кадров.

Все перечисленные подразделения МВД России обеспечивают и осуществляют в пределах своей компетенции функции министерства по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию.

К субъектам предупредительной деятельности данной группы относятся также территориальные органы МВД России, которые обеспечивают эффективность деятельности подразделений патрульно-постовой службы полиции (ППСП), участковых уполномоченных полиции (УУП), подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН).

Перечень субъектов предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере весьма широк. Но следует констатировать, что такие масштабные количественные показатели общей численности участников предупредительной деятельности пока не дают основания предполагать, что данная деятельность в полной мере обеспечена необходимым потенциалом сил и средств.

Создание скоординированной системы субъектов предупреждения мелкого взяточничества является одним из необходимых условий эффективности соответствующего направления уголовной политики. На наш взгляд, указанную систему необходимо оптимизировать с целью определения минимального количества необходимых субъектов предупредительной деятельности рассматриваемого негативного социального явления с определенным набором функций по предупреждению именно мелкого взяточничества в сферах здравоохранения и образования.

Содержание предупреждения преступлений включает разнообразные виды деятельности, начиная от правового обеспечения и заканчивая мерами предупредительного воздействия на конкретных лиц. Правовое обеспечение в данном случае подразумевает не только систему нормативных и иных правовых актов в сфере предупреждения преступлений, но и деятельность государства по обеспечению функционирования данной системы.

Правовое обеспечение предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере в данном контексте включает в себя следующие элементы:

- проведение научных исследований, направленных на получение новых знаний об основных закономерностях мелкого взяточничества и наиболее эффективных мерах борьбы с ним;
- нормотворчество, т.е. разработку и принятие изменений и дополнений в нормативные право-

¹ Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravljenija/Glavnoe_upravlenie_po_obespecheniju_ohra (дата обращения: 24.04.2019)

вые акты РФ, нормативные правовые акты субъектов РФ, иные правовые документы по вопросам предупреждения мелкого взяточничества;

- имплементацию международных стандартов в области предупреждения взяточничества, в том числе мелкого, и использование зарубежного опыта профилактики коррупционных правонарушений;

- изучение, обобщение и анализ практической деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия коррупционным правонарушениям, в том числе мелкому взяточничеству;

- официальное толкование нормативных правовых актов в сфере предупреждения мелкого взяточничества.

В содержание предупреждения преступлений также входит такой вид деятельности, как правовое регулирование предупреждения мелкого взяточничества, под которым понимается осуществляемый при помощи целостной системы правовых средств (правовые основы, правовое обеспечение) процесс целенаправленного, нормативно-организационного упорядочения общественных отношений в данной сфере.

Правовое регулирование осуществляется с помощью специальных средств, которые могут быть классифицированы по различным основаниям: по характеру воздействия (средства общего и индивидуального воздействия); по способу создания (средства внешнего воздействия, средства правового саморегулирования); по функциям, осуществляемым в процессе правового регулирования (правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие и правопрепятствующие) [19, с. 19-20].

Меры предупредительного воздействия в криминологии имеют «классическую» формулу: общесоциальные и криминологические (специальные) меры предупреждения. По мнению Н.В. Щедрина, несмотря на аксиоматичность такого деления, существует неопределенность объема названных классификационных групп [20, с. 150], что вызывает «нарушение закона тождества», когда при употреблении одинаковых или похожих терминов исследователи вкладывают в них существенно разнящийся смысл. Также о противоречивости криминологических классификаций говорил О.В. Старков, который в связи с этим предложил различать вид профилактики (общая и специальная) и уровень профилактики (общесоциальный и личностно-микросредовый).

Меры предупредительного воздействия на мелкое взяточничество в социальной сфере имеют свою специфику, которая определяется тем, что такие преступления, как получение и дача мелкой взятки в сферах здравоохранения и образования:

- не имеют потерпевшего в том понимании, которое используется при определении потерпевшего, например, общеуголовных преступлений. В связи с этим такой уровень предупреждения, как виктимологическая профилактика, можно вводить в систему мер предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере с некоторой долей условности;

- являются высоколатентными, поскольку носят обоюдно возмездный характер, так как в большинстве случаев выигрывают обе стороны мелкого взяточничества (и взятополучатель, и взяткодатель), а также в связи с утратой правоохранительными органами доверия граждан, которые не спешат сообщать о ставших известными им фактах мелкого взяточничества;

- дискредитируют право как основной инструмент регулирования жизни государства, общества и каждого гражданина, взятого в отдельности, поскольку получение и дача мелкой взятки в социальной сфере заведомо противоречат позитивному федеральному законодательству в сфере здравоохранения и образования и уголовному законодательству, запрещающему под страхом наказания такое коррупционное поведение.

Будет правильным отметить, что данный список особенностей мелкого взяточничества нельзя признать исчерпывающим, поскольку в каждом конкретном случае получение и дача мелкой взятки в сфере здравоохранения либо в сфере образования могут обладать свойствами, присущими только данному конкретному преступлению.

Обсуждение и заключения

Рассмотрение заявленной темы позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Объектами предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере должны выступать мелкое взяточничество в социальной сфере как негативное социальное явление и его количественно-качественные характеристики; факторы, которые детерминируют мелкое взяточничество в социальной сфере; общественные отношения, охраняемые уголовным законом, обеспечивающие нормальное функционирование медицинских и образовательных организаций; личность мелкого взяточника.

2. К субъектам предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере следует отнести органы общей компетенции (неспециализированные, а также частично специализированные), которые формируют уголовную политику государства в сфере предупреждения преступлений, а также формируют правовые основы предупреждения преступлений на законодательном уровне; службы, подразделения, организации и учреждения, которые функционируют непосредственно в сферах здравоохранения и образования (частично специализированные) и

отвечают за организацию проведения общепрофилактических мероприятий; суды общей юрисдикции, прокуратура, следственный комитет, органы внутренних дел (специализированные), которые непосредственно предупреждают мелкое взяточничество в социальной сфере посредством применения различных мер юридической ответственности.

3. К основным компонентам содержания предупредительной деятельности относятся правовое обеспечение, правовое регулирование, а также

меры предупредительного воздействия мелкого взяточничества в социально значимых сферах.

Учитывая особую общественную потребность в защите прав и законных интересов граждан в сферах здравоохранения и образования, специфику объекта, субъектов и содержания мер предупредительного воздействия, полагаем, что предупреждение мелкого взяточничества в социальной сфере должно стать самостоятельным направлением предупреждения преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Норма, 2001. 848 с.
2. Иншаков С.М. Криминология: учебник. М.: Юриспруденция, 2000. 432 с.
3. Миньковский Г.М. Понятие и система мер предупреждения преступности в среде молодежи / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. М., 1971. 22 с.
4. Саркисов Г.С. Социальная система предупреждения преступности / Ин-т философии и права АН АрмССР. Ереван: Айастан, 1975. 159 с.
5. Гладырь Ю.Ф. Система предупреждения преступлений: история развития и современное состояние: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2005. 159 с.
6. Горохова Т.Н. Остросюжетная литература в системе мер предупреждения преступности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов н/Д, 2005. 221 с.
7. Курбанова Д.А. Традиции и обычаи народов Дагестана в системе мер предупреждения преступности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2011. 218 с.
8. Осипова Е.С. Средства массовой информации в системе предупреждения преступности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2014. 184 с.
9. Варыгин А.Н., Червонных Е.В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждения: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.
10. Полукаров А.В. Правовые меры противодействия коррупции в сфере здравоохранения: монография. М.: Nota bene, 2015. 88 с.
11. Абрамов Р.А., Соколов М.С. Исследование эффективности противодействия и профилактики коррупции в российской сфере образования: теория, методология, практика. М.: РУСАЙНС, 2017. 98 с.
12. Плохов С.В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере: криминологический анализ коррупции в областях здравоохранения и образования: монография / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2015. 261 с.
13. Щедрин Н.В. О необходимости терминологической конвенции (на примере общей теории предупреждения преступлений) // Российский криминологический взгляд. 2014. № 1. С. 280-284.
14. Криминология: учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2011. 544 с.
15. Ларичев В.Б. Теоретические основы предупреждения преступлений в сфере экономики. М.: Юрлитинформ, 2010. 192 с.
16. Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: учебное пособие. Красноярск: Красноярский гос. университет, 1999. 58 с.
17. Смирнов Г.Г. Проблемы развития и реализации криминологического учения о предупреждении преступности: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та коммерц. и права, 2007. 270 с.
18. Государственная система профилактики правонарушений и место в ней органов внутренних дел: учебное пособие / М.Ю. Воронин и др. М.: АУ МВД России, 2018. 98 с.
19. Правовые основы предупреждения преступлений: курс лекций / Е. Ю. Титушкина и др. М.: АУ МВД России, 2018. 120 с.
20. Щедрин Н.В. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности: монография. Красноярск: СФУ, 2010. 324 с.

REFERENCES

1. Kriminologiya: uchebnik / pod obshch. red. A.I. Dolgovoj. M.: Norma, 2001. 848 s.
2. Inshakov S.M. Kriminologiya: uchebnik. M.: YUrisprudenciya, 2000. 432 s.
3. Min'kovskij G.M. Ponyatie i sistema mer preduprezhdeniya prestupnosti v srede molodezhi / Vsesoyuz. in-t po izucheniyu prichin i razrab. mer preduprezhdeniya prestupnosti. M., 1971. 22 s.

4. Sarkisov G.S. Social'naya sistema preduprezhdeniya prestupnosti / In-t filosofii i prava AN ArmSSR. Erevan: Ajastan, 1975. 159 s.
5. Gladyr' YU.F. Sistema preduprezhdeniya prestuplenij: istoriya razvitiya i sovremennoe sostoyanie: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. SPb., 2005. 159 s.
6. Gorohova T.N. Ostrosyuzhetnaya literatura v sisteme mer preduprezhdeniya prestupnosti: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Rostov n/D, 2005. 221 s.
7. Kurbanova D.A. Tradicii i obychai narodov Dagestana v sisteme mer preduprezhdeniya prestupnosti: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. M., 2011. 218 s.
8. Osipova E.S. Sredstva massovoj informacii v sisteme preduprezhdeniya prestupnosti: dis. ... kand. jurid.nauk : 12.00.08. M., 2014. 184 s.
9. Varygin A.N., CHervonnyh E.V. Prestupleniya, sovershaemye v sfere zdravoohraneniya, i ih preduprezhdeniya: monografiya. M.: YUrlitinform, 2013. 200 s.
10. Polukarov A.V. Pravovye mery protivodejstviya korrupcii v sfere zdravoohraneniya: monografiya. M.: Nota bene, 2015. 88 s.
11. Abramov R.A., Sokolov M.S. Issledovanie effektivnosti protivodejstviya i profilaktiki korrupcii v rossijskoj sfere obrazovaniya: teoriya, metodologiya, praktika. M.: RUSAJNS, 2017. 98 s.
12. Plovov S.V. Protivodejstvie korrupcionnoj prestupnosti v social'noj sfere: kriminologicheskij analiz korrupcii v oblastyah zdravoohraneniya i obrazovaniya: monografiya / pod red. N. A. Lopashenko. M.: YUrlitinform, 2015. 261 s.
13. SHCHedrin N.V. O neobходимosti terminologicheskoy konvencii (na primere obshchej teorii preduprezhdeniya prestuplenij) // Rossijskij kriminologicheskij vzglyad. 2014. № 1. S. 280-284.
14. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov / pod red. prof. V.D. Malkova 4-e izd., pererab. i dop. M.: YUsticinform, 2011. 544 s.
15. Larichev V.B. Teoreticheskie osnovy preduprezhdeniya prestuplenij v sfere ekonomiki. M.: YUrlitinform, 2010. 192 s.
16. SHCHedrin N.V. Osnovy obshchej teorii preduprezhdeniya prestupnosti: uchebnoe posobie. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gos. universitet, 1999. 58 s.
17. Smirnov G.G. Problemy razvitiya i realizacii kriminologicheskogo ucheniya o preduprezhdenii prestupnosti: monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. in-ta kommer. i prava, 2007. 270 c.
18. Gosudarstvennaya sistema profilaktiki pravonarushenij i mesto v nej organov vnutrennih del: uchebnoe posobie / M.YU. Voronin i dr. M.: AU MVD Rossii, 2018. 98 s.
19. Pravovye osnovy preduprezhdeniya prestuplenij: kurs lekcij / E. YU. Titushkina i dr. M.: AU MVD Rossii, 2018. 120 s.
20. SHCHedrin N.V. Konceptual'no-teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya i primeneniya mer bezopasnosti: monografiya. Krasnoyarsk: SFU, 2010. 324 s.

Об авторе: Можина Ольга Юрьевна, адъюнкт кафедры уголовной политики Академии управления МВД России
e-mail: olga.olina2016@yandex.ru
© Можина О.Ю., 2019.

Статья получена: 10.06.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the author: Mozhina Ol'ga Y., Postgraduate of Department of Criminal Policy of the Academy of Management of MIA of Russia
e-mail: olga.olina2016@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Э.Ю. Латыпова, Е.В. Нечаева

**СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

**CONTROVERSIAL ISSUES OF THE CONTENT OF HUMANISM
IN CRIMINAL LAW**

Введение: в статье рассматриваются проблемы содержания идей гуманизма в уголовном законе, а также некоторые недостатки формулировок отдельных статей Уголовного кодекса РФ в аспекте содержания принципа гуманизма.

Материалы и методы: при проведении исследования применялась совокупность диалектических методов исследования, среди которых компаративный, дискурсивный, формально-юридический, а также ряд социологических методов: наблюдение и метод экспертных оценок и анализа, который использовался при исследовании нормативных документов и материалов судебной практики.

Результаты исследования: на основе проведенных исследований авторы пришли к выводу, что соблюдение и уважение прав и свобод человека – это многоуровневая проблема, затрагивающая всю сферу взаимоотношений личности и государства. Сложность представляют перспективы развития права и правового порядка в аспекте содержания принципа гуманизма. Сформулированы предложения по укреплению и совершенствованию содержания принципа гуманизма в российском уголовном законодательстве.

Обсуждение и заключения: в статье проведен комплексный анализ норм уголовного законодательства с целью выявления и уточнения отражаемого в них принципа гуманизма, нормативно закрепленного в ст. 7 УК РФ, а также предлагается авторское решение выявленных проблемных аспектов.

Ключевые слова: уголовное право; принципы уголовного права; принцип гуманизма; уважение прав и свобод человека

Для цитирования: Латыпова Э.Ю., Нечаева Е.В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 355-360. DOI: 10.24420/KUI.2019.23.36.015

Introduction: the article deals with the issues of concern of humanism in the criminal law, as well as some shortcomings of the wording of certain Articles of the Criminal Code through humanism.

Materials and Methods: the study used a set of dialectical research methods, namely comparative, discursive, formal legal, as well as the number of sociological methods: observation and method of expert evaluation and analysis that was used in the study of normative documents and materials of judicial practice.

Results: on the basis of the conducted studies, the authors came to the conclusion that respect and observe human rights and freedoms is a multi-level problem affecting all relationships between individuals and the state. The challenge is future development of law and legal order through the principles of humanism. Suggestions on strengthening and improvement of the principle of humanism in the criminal law of Russia are made.

Discussion and Conclusions: the article provides a comprehensive analysis of the criminal law in order to identify and clarify the principle of humanism reflected in them, normatively enshrined in Article 7 of the Criminal Code, and suggests the author's solution to the identified problematic aspects.

Key words: criminal law; principles of criminal law; the principle of humanism; respect of human rights and freedoms

For citation: Latypova E.YU., Nechaeva E.V. Controversial issues of the content of humanism in criminal law // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 355-360. DOI: 10.24420/KUI.2019.23.36.015

Введение

Принцип гуманизма является одним из фундаментальных начал для права в целом и для уголовного права в частности. Мусаевым М.А. отмечается, что принцип гуманизма насыщает все уровни правового гуманизма, формируя его качество, при этом две указанные категории существенно различаются [1, с. 37].

Нормативное закрепление принцип гуманизма нашел только в уголовном законе. Так, в ст. 7 УК РФ определяется основополагающее начало: «Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека». Указанная идея заключается в человечном, милосердном и уважительном отношении к субъектам юридической ответственности при ее установлении и применении. Саму по себе безопасность можно рассматривать в двух аспектах – как безопасность преступника, отбывающего наказание, от воздействия на него потерпевшего или его родственников (так называемый «самосуд»), а также безопасность общества от указанного преступника, ранее совершившего преступление. Однако при уголовно-правовом анализе принципа гуманизма нами выявлен ряд серьезных проблем, требующих незамедлительного решения.

Обзор литературы

Обратимся к традиционному пониманию принципа гуманизма как гуманного отношения к лицу, совершившему преступление. Так, В.Б. Шабановым обоснованно, на наш взгляд, утверждается, что реализация принципа уважения прав и свобод человека и гражданина требует ювелирной точности, и ориентирована она на соблюдение не только национального законодательства, но и норм международных стандартов [2, с. 40].

Принципы уголовного права обязательно применяются и при назначении наказания. Так, в литературе справедливо отмечается, что при назначении наказания надлежит руководствоваться принципами законности, равенства граждан перед законом, ответственности за вину, справедливости и гуманизма, неотвратимости уголовной ответственности и наказания за совершенное преступление, а также индивидуализации наказания [3, с. 153; 4; 5; 6].

Начало XIX века ознаменовалось изменением государственной политики в отношении несовершеннолетних в сторону либерализации отдельных уголовно-правовых институтов: перечень наказаний для этой группы существенно ограничен по

сравнению с совершеннолетними лицами, также сокращены сроки и размеры применяемого наказания [7, с. 71]. Есть и другие элементы гуманизации ответственности применительно к несовершеннолетним (сокращение срока погашения судимости, сроков давности и т.п.). Например, Нечаевой Е.В. выявлено, что суды в 40–45 % случаев приговаривают несовершеннолетних к лишению свободы, отбываемому условно, тогда как реально лишение свободы отбывают только около 16–18 % осужденных этой группы [7, с. 73]. Наказания, не связанные с лишением свободы, назначаются несовершеннолетним реже, что негативно влияет на их эффективность и уж точно не свидетельствует о гуманном отношении. Мы убеждены в целесообразности расширения практики применения наказания в виде обязательных работ, которые в настоящее время назначаются лишь в 18–22 % случаев, сделав данное наказание базовым среди реализуемых в отношении несовершеннолетних.

Наиболее сложно реализуется принцип гуманизма в местах лишения свободы в отношении отдельных категорий осужденных, таких как инвалиды, тяжело больные или пожилые осужденные [8, с. 59]. Проблема гуманизации условий отбывания наказания в местах лишения свободы напрямую связана с увеличением количества осужденных инвалидов и осужденных лиц пожилого возраста. Также растет смертность осужденных в местах лишения свободы¹. На наличие коллизий в данной сфере указывают и другие авторы [9].

Результаты исследования

Принципом гуманизма (ст. 7 УК РФ) устанавливается, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. В данном случае речь идет именно о специальной цели причинения физических или психических страданий, что не исключает возможности причинения их в процессе отбывания того или иного наказания при реализации иных целей наказания. Так, если лицо отбывает наказание в виде лишения свободы, то осужденный должен назвать свою фамилию и статью, по которой он осужден, при нахождении рядом посторонних людей. Цель этих действий отнюдь не в причинении психических страданий, связанных с напоминанием осужденному о совершенном им де-

¹ Смертность в колониях выросла на 9 % // Фонд «В защиту прав осужденных». URL: <http://www.zashita-zk.org/stats/1409743326.html> (дата обращения: 25.05.2019).

янии, а прямо противоположная – предупреждение постороннего лица о потенциальной опасности, так как сведущий человек уже по номеру статьи может определить, что потенциальная опасность вора несколько ниже, чем убийцы.

Обратимся к исполнению наказания в виде пожизненного лишения свободы. При передвижении по исправительной колонии осужденный к пожизненному лишению свободы принимает определенную специфическую позу – наклон под углом 90 градусов, при этом поднимая руки за спиной вверх. Нами проводились опросы среди обучающихся вузов (более 200 человек): 95 % из них считают, что указанная поза унижает человеческую честь и достоинство. Но такое унижение отнюдь не является в данном случае целью и объясняется тем, что из указанной позы невозможно незаметно подготовить нападение, значит, она является одним из средств безопасности в отношении других лиц.

Даже пребывание осужденных в камере по двое тоже может определенным образом нарушать принцип законности, так как постоянное нахождение в камере с одним и тем же человеком психологически очень тяжело переносится. В данном случае за психическим состоянием здоровья осужденных следят психологи, которые есть в каждой колонии строгого и особого режима. Неустрашимые противоречия в соответствии со ст. 13 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ) приводят к переводу осужденного по заявлению и по постановлению начальника исправительного учреждения в другую камеру или в одиночную камеру. Отметим, что многие исследователи считают негуманным даже само наличие наказания в виде пожизненного лишения свободы. В обществе бытует мнение о возможности замены данного наказания на смертную казнь. Однако, не начиная дискуссию, отметим, что такое решение представляется противоречащим идее гуманизма.

В аспекте применения наказания в виде пожизненного лишения свободы Н.М. Ибрагимовой [10, с. 175] поднимается вопрос о начале исчисления фактического срока отбытия данного вида наказания (с момента заключения осужденного под стражу в порядке меры пресечения или с момента принятия Президентом РФ указа о помиловании осужденного к смертной казни либо назначения ему наказания в виде пожизненного лишения свободы) и отмечается, что этот порядок исчисления срока не урегулирован ни уголовным, ни уголовно-исполнительным законодательством. Полагаем, что в данном случае именно содержание принципа гуманизма диктует нам необходи-

мость использовать наиболее мягкий вариант, т.е. исчисление двадцатипятилетнего срока именно с момента заключения осужденного под стражу. Отметим, что указанная проблема по большей части является надуманной, ибо за все время существования колоний для пожизненно осужденных на свободу смогли выйти лишь пять человек¹.

В уголовном процессе закреплен принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ)), но понятие личности здесь уже, чем понятие человека [2, с. 40], так как в кодексе речь идет только об участниках уголовного судопроизводства. Данным принципом запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья [11, с. 62-68]. Однако, как справедливо отмечает М.А. Мусаев [1, с. 38], между признанием и обеспечением прав и свобод существует определенная дистанция. Такое отношение опосредовано государственной идеологией, когда человек, его права и интересы рассматриваются в качестве высшей цели и ценности [12, с. 159].

В уголовном законодательстве присутствует тенденция, в соответствии с которой происходит общая гуманизация наказания, изменяются, а то и вовсе исключаются минимальные его размеры, что не всегда целесообразно. Так, 7 марта 2011 г. Федеральным законом № 26-ФЗ было изъято указание на минимальный размер наказания применительно к ст. 111 УК РФ: теперь в ней присутствует указание только на максимальный его размер, который составляет для ч. 1 ст. 111 УК РФ восемь лет лишения свободы, для ч. 2 ст. 111 УК РФ – десять лет лишения свободы, для ч. 3 ст. 111 УК РФ – двенадцать лет лишения свободы и для ч. 4 ст. 111 УК РФ – пятнадцать лет лишения свободы. При этом минимальный срок наказания не указан, соответственно, по ч. 2 ст. 56 УК РФ он составляет два месяца. Возникает вопрос, насколько целесообразно назначение наказания в размере два – четыре – шесть месяцев лишения свободы, если в результате причинения тяжкого вреда здоровью наступила смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ)? В данном случае в полном объеме реализуется принцип гуманизма по отношению к осужденному, и в полном объеме нарушается этот же принцип применительно к потерпевшему.

В качестве одного из аргументов изъятия указания на минимальный срок наказания применительно к ст. 111 УК РФ высказывалось мнение, что

¹ Маляренко Е. ФСИН рассказала об освобождении пяти пожизненно заключенных в России // РБК. Общество. 27 апреля 2018 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/04/2018/5ae2dab19a794758ef951caa> (дата обращения: 25.05.2019).

это позволит более дифференцированно назначать наказание в случае наличия смягчающих обстоятельств. Однако и сейчас, и в 2011 году такая возможность у суда была: исходя из содержания ст. 64 УК РФ, имеется возможность назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено законом, включая возможность снижения срока наказания, изменения вида наказания (например, замена лишения свободы на ограничение свободы или принудительные работы), изменение категории преступления.

Сомнительным и негуманным представляется в данном случае объяснение изъятия минимально установленного размера наказания, поскольку потерпевший не был лишен жизни. При причинении тяжкого вреда здоровью значительно ухудшается качество жизни потерпевшего, особенно, если в результате преступления потерпевший остался калекой, повредил или утратил конечности, была обезображена его внешность и т.п.

Несоответствие принципу гуманизма наблюдается также при назначении наказания и освобождении от уголовной ответственности по преступлениям в сфере экономической деятельности. На наличие такого несоответствия ранее уже указывалось различными учеными [13, с. 47], что привело в итоге к определенным изменениям [14, с. 376]. Несмотря на произведенные изменения, гуманистический потенциал ч. 2 ст. 76.1 УК РФ далек от идеала. Так, ч. 1 ст. 172 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконную банковскую деятельность в случае, если это деяние причинило крупный ущерб. Исходя из примечания к ст. 170.2 УК РФ, крупным признается ущерб в сумме, превышающей 2 млн. 250 тыс. руб., однако минимальным наказанием за преступление по ч. 1 ст. 172 УК РФ является штраф в сумме от 100 тыс. до 300 тыс. рублей. Исходя из принципа гуманизма, лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести (а преступление по ч. 1 ст. 172 УК РФ относится к категории преступлений средней тяжести, так как в качестве альтернативы возможно назначение наказания до четырех лет лишения свободы), обычно назначаются наказания, не связанные с лишением свободы, особенно, если по делу будут установлены смягчающие обстоятельства относительно виновного. Соответственно, присутствует значительная разница между причиненным ущербом и возможным наказанием, что может определенным способом даже способствовать совершению преступлений данной группы.

В качестве гуманной меры законодатель предлагает возможность освобождения от уголовной ответственности в порядке ч. 2 ст. 76.1 УК РФ при условии, что лицо возместит ущерб, причинен-

ный бюджету Российской Федерации. Для этого необходимо возместить в государственный бюджет сумму причиненного ущерба (в нашем случае 2 млн 250 тыс. руб.), а также денежное возмещение в размере двукратной суммы (4 млн 500 тыс. руб.). Итого «стоимость» освобождения в данном случае составит 6 млн 750 тыс. руб.

В такой ситуации для лица, совершившего незаконную банковскую деятельность, присутствует определенная «экономическая целесообразность» в привлечении его к уголовной ответственности с возможностью выплаты штрафа, который в любом случае гораздо меньше полученного дохода, в отличие от применения в отношении него ч. 2 ст. 76.1 УК РФ.

Своеобразным проявлением гуманизма к обществу представляется назначение осужденному наказания, полностью соответствующего степени его общественной опасности. Так, Р.Р. Мусиной [3, с. 156] выявлена проблема, возникающая при назначении наказания за преступления, совершенные с альтернативными признаками объективной стороны, когда при перечислении в диспозиции ряда альтернативных признаков (по отдельным составам их бывает до пяти – семи) суд не учитывает их количество, ограничиваясь назначением наказания в пределах, указанных в санкции данной статьи. Для решения указанной проблемы автор предлагает дополнить УК РФ статьей 701 УК РФ, предусмотрев в ней правила назначения наказания за преступление с альтернативными действиями и иными признаками объективной стороны, для учета количества реально совершенных преступником элементов преступления, что представляется целесообразным.

Подводя итоги проведенному исследованию, согласимся, что предыдущая редакция ч. 6 ст. 86 УК РФ, предусматривавшая прекращение всех правовых последствий судимости, была более гуманной по отношению к осужденным, тогда как настоящая редакция предусматривает аннулирование только тех последствий, которые предусмотрены непосредственно в УК РФ [15, с. 124–125]. Наличие у субъекта судимости ограничивает как его права и свободы, так и может вызывать ограничение отдельных прав и свобод иных лиц, имеющих с ним родственные отношения. Так, наличие судимости у близких родственников препятствие для поступления на службу в правоохранительные органы или при продолжении трудовых отношений с указанными органами, что указано, например, в Федеральных законах «О полиции», «О статусе судей» и др. Такая ситуация не согласуется и с принципом гуманизма и равноправия, особенно в ситуации, когда ребенок в действительности не общается с одним из родителей, имеющим суди-

мость, по причине того, что они развелись либо вообще не оформляли брачные отношения и не вели совместного хозяйства.

Обсуждение и заключения

Принцип гуманизма может быть применен как в отношении лица, совершившего преступление, так и в отношении общества в целом и отдельных его членов, пострадавших от действий преступника. Таким образом, мы полагаем, что принцип гуманизма означает перечень необходимых требований правового регулирования: запрет применения пыток, насилия и унижающего человеческого достоинство обращения; установление определенной системы льгот (например, исключений при применении принципа неотвратимости или равенства) в зависимости от определенных осо-

бых характеристик субъекта (таких как несовершеннолетие, старость, инвалидность, тяжелая болезнь и т.п.) либо вне зависимости от их наличия в соответствии с актом амнистии или помилования.

К сожалению, отдельные изменения уголовного законодательства, обладающие хорошим гуманистическим потенциалом, неожиданно для законодателя оборачиваются проблемами для правоприменителя (например, рассмотренное нами исключение из ст. 111 УК РФ минимального размера наказания в виде лишения свободы и др.). Решение проблем проявления принципа гуманизма, возникающих на практике, может обогатить и гуманизм российского права в целом, особенно применительно к принципу справедливости юридической ответственности как элемента правового гуманизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мусаев М.А. Гуманизм в системе правовых принципов: некоторые исходные положения // Мир политики и социологии. 2016. № 4. С. 73-80.
2. Шабанов В.Б. Нормативное закрепление международного принципа уважения прав человека и основных свобод в национальном уголовно-процессуальном законодательстве // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 4. С. 39-42.
3. Мусина Р.Р. О назначении наказания за совершение преступления при наличии альтернативных действий и иных признаков объективной стороны // Правовая культура. 2013. № 1 (14). С. 153-158.
4. Кропачев Н.М. Принципы применения мер ответственности за преступления // Правоведение. 1990. № 6. С. 71-76.
5. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2000. 400 с.
6. Минязева Т. Об индивидуализации уголовной ответственности // Советская юстиция. 1987. № 23. С. 9-11.
7. Нечаева Е.В. Система наказаний в отношении несовершеннолетних нуждается в совершенствовании // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. (35). С. 71-76.
8. Заборовская Ю.М. Реализация принципа гуманизма в отношении тяжело больных осужденных инвалидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4 (29). С. 58-66.
9. Кашуба Ю.А., Скиба А.П. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные основы правового положения больных осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2012. №1 (13). С. 52-55.
10. Ибрагимова Н.М. Отбытие установленного законом срока наказания как одно из правовых условий применения условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким видом наказания // Актуальные проблемы экономики права. 2008. № 4 (8). С. 174-178.
11. Латыпова Э.Ю., Погребнова Е.В. Психологические проблемы и квалификация преступлений, связанных с вынесением судьей неправосудного приговора (ст. 305 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции 16 мая 2019 года. В 3-х т / отв. ред. Л.А. Остапец. Донецк: Цифровая типография, 2019. Т. 3. С. 62-68.
12. Мехович А.М., Мордовец А.С., Силантьева Е.Л. Законность и уважение прав человека в деятельности органов внутренних дел // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 3. С. 154-162.
13. Gilmanov E.M. Criminal matters for violation of fiscal discipline // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1 (4). С. 46-48.
14. Гильманов Э.М. Некоторые правовые аспекты освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права: межвузовский сборник научных трудов / под общей редакцией А.Г. Безверхова. Самара, 2013. С. 84-90.
15. Нечаева Е.В. Правовые последствия судимости в контексте последних законодательных изменений // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 1. (23). С. 124-125.

REFERENCES

1. Musaev M.A. Gumanizm v sisteme pravovykh principov: nekotorye iskhodnye polozheniya // Mir politiki i sociologii. 2016. № 4. S. 73 80.

2. SHabanov V.B. Normativnoe zakreplenie mezhdunarodnogo principa uvazheniya prav cheloveka i osnovnykh svobod v nacional'nom ugolovno-processual'nom zakonodatel'stve // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2017. № 4. S. 39–42.
3. Musina R.R. O naznachanii nakazaniya za sovershenie prestupleniya pri nalichii al'ternativnykh dejstvij i inyh priznakov ob"ektivnoj storony // Pravovaya kul'tura. 2013. № 1 (14). S. 153–158.
4. Kropachev N.M. Principy primeneniya mer otvetstvennosti za prestupleniya // Pravovedenie. 1990. № 6. S. 71–76.
5. Lesnievski-Kostareva T.A. Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti: teoriya i zakonodatel'naya praktika. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2000. 400 s.
6. Minyazeva T. Ob individualizacii ugolovnoj otvetstvennosti // Sovetskaya yusticiya. 1987. № 23. S. 9–11.
7. Nechaeva E.V. Sistema nakazaniy v otnoshenii nesovershennoletnih nuzhdaetsya v sovershenstvovanii // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2016. № 3. (35). S. 71–76.
8. Zaborovskaya YU.M. Realizaciya principa gumanizma v otnoshenii tyazhelo bol'nykh osuzhdennykh invalidov, otbyvayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2016. № 4 (29). S. 58–66.
9. Kashuba YU.A., Skiba A.P. Ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitel'nye osnovy pravovogo polozheniya bol'nykh osuzhdennykh // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2012. №1 (13). S. 52–55.
10. Ibragimova N.M. Otbytie ustanovlennogo zakonom sroka nakazaniya kak odno iz pravovykh uslovij primeneniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya i zameny nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya // Aktual'nye problemy ekonomiki prava. 2008. № 4 (8). S. 174–178.
11. Latypova E.YU., Pogrebnova E.V. Psihologicheskie problemy i kvalifikaciya prestuplenij, svyazannykh s vyneseniem sud'ej nepravosudnogo prigovora (st. 305 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii) // Aktual'nye problemy pravovogo, ekonomicheskogo i social'no-psihologicheskogo znaniya: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 16 maya 2019 goda. V 3-h t / otv. red. L.A. Ostapec. Doneck: Cifrovaya tipografiya, 2019. T. 3. S. 62–68.
12. Mekhovich A.M., Mordovec A.S., Silant'eva E.L. Zakonnost' i uvazhenie prav cheloveka v deyatel'nosti organov vnutrennih del // Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Pravovedenie. 1999. № 3. S. 154–162.
13. Gilmanov E.M. Criminal matters for violation of fiscal discipline // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: YUridicheskie nauki. 2011. № 1 (4). S. 46–48.
14. Gil'manov E.M. Nekotorye pravovye aspekty osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti // Aktual'nye problemy ugolovnogo prava, kriminologii, ugolovno-ispolnitel'nogo prava: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov / pod obshchej redakciej A.G. Bezverhova. Samara, 2013. S. 84–90.
15. Nechaeva E.V. Pravovye posledstviya sudimosti v kontekste poslednih zakonodatel'nykh izmenenij // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. 2016. № 1. (23). S. 124–125.

Об авторах: Латыпова Эльвира Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)

e-mail: elatypova@ieml.ru

Нечаева Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)

e-mail: nechaeva_ev@mail.ru

© Латыпова Э.Ю., 2019.

© Нечаева Е.В., 2019.

Статья получена: 30.05.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the authors: Latypova Elvira YU., Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor, Head of Department of Criminal Law and Process of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)

e-mail: elatypova@ieml.ru

Nechaeva Elena V., Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)

e-mail: nechaeva_ev@mail.ru

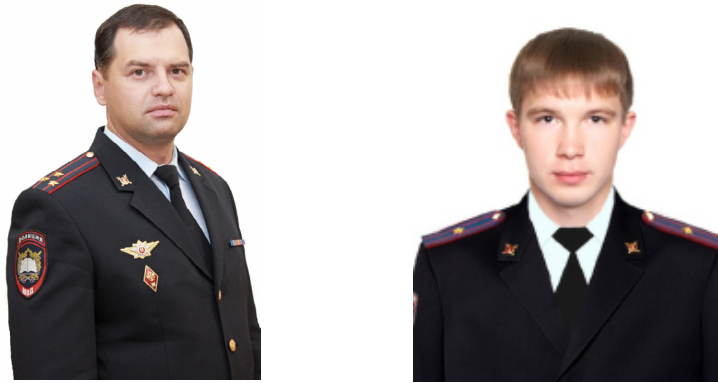
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Заявленный вклад авторов

Латыпова Эльвира Юрьевна – концепция и инициация исследования; постановка цели и задачи исследования; подготовка первоначального варианта текста, анализ международных основ принципа гуманизма.

Нечаева Елена Владимировна – сбор и анализ аналитического, эмпирического и научного материала в отечественных источниках, проведение критического анализа норм уголовного закона; формирование выводов и доработка текста, оформление статьи по установленным требованиям.

А.Е. Шалагин, А.Д. Идиятуллов

О МОТИВАЦИИ ПРЕСТУПНОГО И СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

CRIMINAL AND SUICIDAL BEHAVIOR MOTIVATION

Введение: статья посвящена рассмотрению актуальных проблем, связанных с побуждением к преступному и суицидальному поведению. Особое внимание обращено на формирование мотивов такого поведения, рассмотрены их причины и условия. Предложены меры, направленные на предупреждение противоправных, антисоциальных, суицидальных поступков.

Материалы и методы: при подготовке исследования были использованы труды по криминологии, социологии, психологии, девиантологии, аддиктологии, уголовному праву. Авторами применялись общенаучные методы познания, а также специальные методы: исторический, логический, сравнительно-правовой, системно-структурный, социологический, статистический, которые позволили проанализировать и обобщить вопросы общетеоретической направленности, относящиеся к предмету исследования, а также сформулировать необходимые предложения и выводы.

Результаты исследования: авторами проанализированы сущность и механизм мотивации преступного и суицидального поведения, что позволило раскрыть их содержание, предложить рекомендации по профилактике преступлений и самоубийств. Установлено, что мотивации суицидального и преступного поведения в определенных случаях имеют схожие признаки.

Обсуждение и заключения: предложены профилактические и корректирующие меры правового, психологического, криминологического характера по переориентации антиобщественных и аутоагрессивных побуждений (мотивов) в спортивную, творческую, социально полезную деятельность.

Ключевые слова: преступление, преступность, суицид, мотивация, мотив, социально-негативные явления, предупреждение, профилактика, коррекция

Для цитирования: Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. О мотивации преступного и суицидального поведения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 361-368. DOI: 10.24420/KUI.2019.32.17.016

Introduction: the article is devoted to the consideration of topical issues related to the incitement to criminal and suicidal behavior. Special attention is paid to the formation of motives of such behavior, their causes and conditions are considered. The measures aimed at prevention of illegal, antisocial, suicidal acts are proposed.

Materials and Methods: works on criminology, sociology, psychology, deviantology, addictology, criminal law are used. The authors use general scientific methods of cognition, as well as special methods: historical, logical, comparative legal, system-structural, sociological, statistical, which allow analyze and summarize issues of general theoretical orientation related to the subject of the study, as well as formulate the necessary proposals and conclusions.

Results: the authors analyzed the essence and mechanism of motivation of criminal and suicidal behavior, which allowed reveal their content, to offer recommendations for the prevention of crimes and suicides. It is established that the motivation of suicidal and criminal behavior in certain cases has many similar features.

Discussion and Conclusions: preventive and corrective measures of legal, psychological, criminological character on reorientation of antisocial and autoaggressive motives in sports, creative, socially useful activity are offered.

Key words: crime, suicide, motivation, motive, social and negative phenomena, prevention, correction

For citation: Shalagin A.E., Idiyatullova A.D. On the motivation of criminal and suicidal behavior // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 361-368. DOI: 10.24420/KUI.2019.32.17.016

Введение

Поведение человека обусловлено определенными мотивами, целями, потребностями, а также особенностями конкретного исторического периода (эпохи). После рождения на основе социальных и биологических предпосылок у индивида происходит сложный процесс формирования интеллекта, мышления, сознания, чувственно-эмоциональной сферы. При взрослении формируется личность полноценного участника общественных отношений [1, с. 14].

В процессе социализации человек знакомится с достижениями цивилизации в области литературы, архитектуры, музыки, живописи и проч. Он постигает основы государственного устройства, правовые и нравственные нормы, особенности трудовых взаимоотношений, традиции и обычаи социума. Особое значение для становления личности имеет усвоение в несовершеннолетнем возрасте этических, моральных, эстетических, исторических, культурных ценностей.

Для криминологии, наряду с исследованием преступности, ее причин и условий, личности преступника, жертвы (потерпевшего), особое значение имеет изучение механизма преступного посягательства [2, с. 157]. Такой механизм представляет собой взаимосвязь объективных (внешних) и субъективных (внутренних) факторов, детерминирующих совершение преступления.

Обзор литературы

Исследованию актуальных проблем, связанных с мотивацией преступного и суицидального поведения, много внимания уделено в научных работах В.Г. Асеева, А.Г. Амбрумовой, Г.А. Аванесова, С.В. Бородина, Е.К. Волконской, Я.И. Гилинского, А.А. Глуховой, М.В. Гончаровой, А.И. Долговой, Н.П. Дубинина, С.М. Иншакова, И.И. Карпеца, И.М. Мацкевича, А.В. Наумова, Р.С. Немова, В.С. Овчинского, А.И. Рарога, Д.А. Шестакова, В.Е. Эминова.

К фундаментальным исследованиям по данной проблеме относятся следующие труды: «Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика» (В.В. Лунеев, 1980); «Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование)» (Б.С. Волков, 1982); «Проблемы криминологической детерминации» (Н.Ф. Кузнецова, 1984); «Борьба мотивов в преступном поведении» (В.Н. Кудрявцев, 2007);

«Мотивация преступного поведения» (Ю.М. Антонян, 2018).

Необходимо отметить работы зарубежных ученых: «Самоубийство: социологический этюд» (Э. Дюркгейм, 1912); «Мотивация и личность» (А.Г. Маслоу, 1999); «Мотивация и деятельность» (Х. Хекхаузен, 2003); «Социальная психология» (Р. Чалдини, Д. Кенрик, С. Нейберг, 2016); «Теории личности» (Л. Хьелл, Д. Зиглер 2017).

Результаты исследования

Рассматривая механизм индивидуального преступного поведения, В.В. Лунеев выделял в нем следующие элементы: 1) появление потребности в совершении преступления; 2) формирование мотива; 3) принятие решения; 4) совершение преступления; 5) посткриминальное поведение (маскировка следов противоправной деятельности, укрывательство от органов дознания и предварительного следствия, раскаяние, чистосердечное признание) и т.п. [3, с. 28].

В данном исследовании нами была поставлена цель – выявить особенности формирования мотивов преступного и суицидального поведения, определить их общие признаки и свойства. Как отмечал В.Н. Кудрявцев, мотив – это один из центральных элементов механизма преступного поведения человека [4, с. 5].

Термин «мотив» происходит от латинского – «начинать, приводить в движение». Его основная функция связана с побуждением к действию (бездействию). Это потребность или желание, которое заставляет индивидуума проявлять себя активно. По мнению Г.А. Аванесова, мотив – это побудительная причина, повод к какому-либо действию. Кроме того, это осознанное побуждение, обуславливающее активное поведение в целях удовлетворения какой-либо потребности человека¹.

Мотив преступления – это внутреннее побуждение лица к совершению общественно опасного, противоправного, уголовно наказуемого деяния. Виновные лица мотивы нередко скрывают, искажают, маскируют, подменяют. В некоторых случаях правонарушитель может не осознавать общественную опасность своих поступков (при низком уровне образования, культуры, нравственного воспитания, патопсихологических отклонениях). Сфера бессознательного включает в себя инстинкты, автоматизмы, рефлексy [5, с. 75].

¹ Аванесов Г.А. Общество. Личность. Мотивация. Исследования криминолога: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 265 с.

В основе многих мотивов преступных деяний лежат человеческие пороки (алчность, зависть, злость, похоть, тщеславие, ложь, жестокость, эгоизм, невежество, равнодушие) [6, с. 559]. Поведение человека в конкретной ситуации обуславливается наиболее предпочтительным мотивом, который при определенных условиях будет способствовать достижению желаемого результата [7, с. 63]. Суть мотивации заключается в выборе между различными решениями (совершить преступление или отказаться от него, найти легальный способ заработка или поддержать своих знакомых, замышляющих противоправные деяния).

По мнению Б.С. Волкова, классификация мотивов должна подчеркивать их социальную обусловленность, взаимосвязь с личностью и складывающейся ситуацией. Она должна помочь в объяснении причин преступного поведения, в разработке превентивных (профилактических) мер, а также способствовать правильной квалификации преступлений и назначению справедливого наказания [8, с. 39]. А.Г. Маслоу полагал, что при формировании мотивации у человека важную роль играет иерархизированная система потребностей, главной из которых является стремление к самоактуализации [9, с. 53].

П.С. Дагель в зависимости от правовой, моральной и политической оценки мотивы преступного поведения делил на: а) низменные (корысть, месть, зависть); б) общественно нейтральные (увлеченность, обида, стыд); в) ложно понятые интересы государства, общества, личности [10, с. 270]. В.Н. Кудрявцев считал, что в основе преступной деятельности лежат такие мотивы, как корысть, хулиганские побуждения, сокрытие другого преступления, национальная, расовая, религиозная вражда, месть, устрашение, террористическая деятельность, воспрепятствование правосудию, неповиновение командиру и др. [11, с. 78]. Ю.М. Антонян к мотивам преступного поведения относил: хулиганство, ревность, корысть, месть, острое сексуальное влечение, садизм и некрофилию, утверждение и самореализацию, игровые наклонности [12, с. 61].

По мнению В.Г. Асеева, в борьбе мотивов побеждает доминирующий или базовый мотив, проявляющий наибольшую устойчивость в сложной комбинации человеческих поступков [13, с. 7]. В разных ситуациях одни и те же мотивы могут приобретать различную окраску: быть основными, второстепенными или факультативными. При этом они могут быть как позитивными (альтруизм, патриотизм, уважение к людям), так и негативными (эгоцентризм, жадность, коварство).

В перечень мотивов, имеющих уголовно-правовое юридическое значение для правоохранительной и судебной системы, следует отнести:

- социальную, расовую, религиозную или национальную ненависть;
- корыстные, сексуальные, хулиганские и политические побуждения;
- стремление избежать уголовной ответственности за ранее совершенные преступления;
- неприязненные отношения с окружающими (ненависть, вражда, зависть, месть, ревность);
- личные побуждения к противоправной деятельности (поддержание сектантских идей и учений, фанатичные способы достижения цели, экстремистские взгляды и убеждения).

В сфере совершения должностных преступлений выделяют мотивы, связанные с исполнением служебных обязанностей (идейные, статусно-исполнительские, корыстные, ведомственно-корпоративные) [14, с. 24].

Мотив является обоснованием и оправданием волевого действия, показывает отношение человека к социальным нормам и ценностям. Среди мотивов преступного поведения значительная роль отводится различным интересам и потребностям личности, которые не могут быть удовлетворены законным путем в силу определенных условий или складывающейся ситуации. Мотивация определяется как совокупность внешних и внутренних движущих сил, которые побуждают человека к действиям, придают им направленность, ориентированную на достижение определенных целей [15, с. 77].

Таким образом, к внутренним элементам личности, под влиянием которых формируется мотив преступления, относятся: влечения, потребности, эмоции, интересы, ценностные установки. Соответственно, внешним фактором, оказывающим влияние на мотив преступления, является конкретная жизненная ситуация.

В своем научном труде Чезаре Ломброзо (1835-1909) писал о прирожденном преступнике. Исходя из этого, он полагал, что ему присуща врожденная преступная мотивация. Многочисленные исследования доказали несостоятельность этой теории, а многие положения не выдержали заслуженной критики. По нашему мнению, прирожденного преступника не существует, так как личность формируется в процессе социализации. Человек – продукт общественных взаимоотношений и способности к получению знаний, реализации навыков (умений).

Безразличное отношение общества к детям-сиротам, инвалидам, пожилым гражданам, жертвам домашнего насилия, нищета, отсутствие перспективы к самореализации создают условия для приобщения несовершеннолетних и молодежи к антисоциальному образу жизни.

Р.С. Немов отмечал, что человеческое поведение полимотивированно [16, с. 475]. Мотив не

только побуждает к совершению какого-либо действия (бездействия), но и является источником возникновения определенных психических процессов, в своей совокупности определяемых как мотивация. Суть мотивации заключается в выборе между различными возможностями, средствами и способами достижения желаемого результата. Мотивация, как правило, исследуется не напрямую, а через поведенческие изменения и реакции на внутренние или внешние раздражители.

Так, для несовершеннолетних характерны следующие мотивы асоциальной (противоправной) деятельности: а) корысть (нажива); б) хулиганские побуждения; в) самоутверждение, самовыражение; г) разрушение, агрессия, жестокость, садизм, цинизм; д) получение сексуального удовлетворения; е) месть, зависть, ревность; ж) экстремизм, анархизм, радикализм; з) совершение преступлений на почве употребления алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ [17, с. 29].

К основным функциям мотива следует отнести: побуждение (стимулирование к активным действиям); постановку цели и определение пути ее достижения; регуляцию человеческих поступков [18, с. 8]; прогнозирование возможного результата.

На поведении индивида существенно сказываются: потребности, интересы, эмоции, цели его деятельности [19, с. 972]. Согласно Б.С. Волкову, «сама по себе потребность еще не является мотивом поведения. Она становится им, будучи соотношенной с объектом и целью, орудиями и средствами совершения деяния, оценкой действия и предвидением последствий. Другими словами, потребность выступает как мотив только в том случае, когда она осознана, эмоционально пережита и связана с конкретным поведением». Мотивация поступка, в том числе и общественно опасного поведения, сопровождается сложным психологическим процессом, в котором побудительные, интеллектуальные, волевые, эмоциональные и другие психологические признаки находятся в тесной взаимосвязи (взаимообусловленности) [8, с. 9].

По мнению Б.В. Харaziшвили, «мотив – это эмоциональное состояние лица, выражающееся в проявлении воли, связанной с осознанием необходимости такого поведения и желанием его осуществления» [20, с. 44]. С другой стороны, П.С. Дагель полагал, что эмоции могут играть при совершении преступления различную роль, «в каждый психологический акт в той или иной степени включены три компонента: а) интеллек-

туальный (познавательный); б) волевой; в) эмоциональный» [21, с. 49].

Состояние лица, находящегося в состоянии аффекта, может послужить катализатором, ускоряющим трансформацию эмоций в мотив преступления. [22, с. 10-12]. В своем научном труде С.В. Бородин указывал, что при убийстве, совершенном в состоянии аффекта, «мотив преступления носит ситуационный, неустойчивый, скоротечный характер, возникает внезапно и тут же порождает умысел, оказывая существенное влияние на его динамику и реализацию» [23, с. 182].

В теории уголовного права к мотиву преступного поведения относят «обусловленное определенными потребностями осознанное побуждение, стимулирующее субъекта к совершению преступления и проявляющееся в нем» [24, с. 40], или «побудительный стимул, источник активности человека» [25, с. 166]. В рамках уголовного права мотив рассматривается в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления только в определенном количестве составов умышленных преступлений, то есть когда он прямо указан в уголовном законе [26, с. 13]. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ мотивы совершения преступления являются одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Например, в случае совершения преступлений экстремистской направленности доказывать мотивы преступной деятельности обязательно¹.

Роль и значение мотива преступления можно рассматривать как: 1) смягчающее или отягчающее обстоятельство по уголовному делу; 2) причины (факторы) преступления; 3) внутреннюю движущую силу преступного деяния; 4) условие уголовно-правовой оценки содеянного [27, с. 549].

В то же время, не все приемы законодательной техники, которые применяются для образования уголовно-правовых норм, совершенны. Имеются в виду слова и словосочетания, применяемые для описания мотива совершенного преступления. В одних случаях присутствующие в уголовно-правовых нормах лексические конструкции, используемые для обозначения мотивов преступлений, отличаются предельной четкостью и определенностью. Например, мотивы с высокой степенью конкретности и смысловой нагрузки (корысть, хулиганские побуждения, ненависть, месть, ревность). В других случаях присутствующий в нормах уголовного закона мотив как конструктивный элемент состава преступления может отличаться

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 08.07.2019).

расплывчатостью формулировок, требующих определенных пояснений и комментариев (из низменных побуждений, иная личная заинтересованность, мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы) [28, с. 15].

В теории криминологии выделяются несколько подходов, объясняющих формирование мотивов преступного поведения. Согласно *теории рационального выбора* некоторые люди действуют в своих интересах и принимают решение о совершении преступления, взвесив потенциальные риски и возможную выгоду.

Теория социальной дезорганизации исходит из того, что преступность порождается нищетой, кризисными явлениями в обществе, отсутствием перспектив для самореализации. В результате этого снижается социальный контроль за преступностью, утрачиваются семейные и культурные ценности, принимаемые законы не исполняются, повсеместно нарушаются нравственные нормы и традиции.

Социальный контроль напрямую влияет на уровень человеческих взаимоотношений. В любом обществе будут люди, готовые нарушать закон или действовать в обход нормативных предписаний. Человек, выросший в неблагополучном районе с высокими уровнем наркомании, алкоголизма, насилия, подростковой преступности, с большей вероятностью станет преступником, чем лицо из благополучной среды (крепкая семья, престижное образование, развитая инфраструктура). У значительного количества людей усматриваются эгоистические устремления, однако далеко не многие из них выберут преступную линию поведения в качестве средства для достижения желаемого результата.

Теория социального научения исходит из того, что человек развивает мотивацию к преступной деятельности и оттачивает навыки совершения преступлений, общаясь с представителями криминальной среды. *Теория стигматизации* развивает мысль о том, что наклеивание ярлыков стимулирует (подпитывает) уровень криминализации населения. Одно из предположений *теории дифференциальной ассоциации* состоит в том, что криминальные идеи, знания и традиции передаются из поколения в поколение преступников.

Биологические теории преступности предполагают, что противоправное поведение является результатом некоторых физических и психических недостатков в структуре личности правонарушителя (например, плохая наследственность,

заболевания нервной, эндокринной и кровеносной систем).

Обзор научной литературы свидетельствует, что при определенных обстоятельствах мотивации преступного и суицидального поведения имеют схожие признаки и механизм возникновения. Преступления и самоубийства являются крайними (реакционными) действиями в определенной ситуации.

Суицидальное поведение является серьезной проблемой для любого государства и общества. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) уровень завершенных самоубийств в мировом масштабе в среднем составляет 16 случаев на 100 000 граждан, в связи с чем ежегодно более 1 млн человек заканчивают свою жизнь самоубийством¹.

Суицидальное поведение представляет собой конечный продукт сложных взаимодействий между различными факторами. Отрицательные эмоции, выраженные в форме агрессии и депрессии, рассматриваются как причины, формирующие суицидальную мотивацию. Отчужденность, аутоагрессия и депрессивные состояния считаются неотъемлемой частью мотивации самоубийств. Факторы биологической, генетической или когнитивной уязвимости в определенной степени увеличивают риск суицида.

К причинам, в результате которых в подростково-молодежной среде совершаются самоубийства, можно отнести: жестокое обращение с детьми; физическое, психологическое и сексуальное насилие; семейное неблагополучие; сложные взаимоотношения с друзьями и сверстниками; неразделенную (безответную) любовь; социально-негативные явления, связанные с суицидом (алкоголизм, наркоманию, проституцию, бродяжничество).

Убеждение в безнадежности ситуации, отчаяние и беспомощность в определенных случаях могут усиливать желание покончить жизнь самоубийством. Такое решение может быть мотивировано бегством от реальности, тяжелой болезнью, смертью близких родственников, крушением надежд и жизненных планов.

Теория побега от действительности опирается на социальные свойства личности и когнитивную психологию, утверждая, что попытки самоубийства были мотивированы необходимостью вырваться из болезненного психического состояния. На суицидальное поведение могут влиять психические расстройства, различные формы химических и поведенческих аддикций, аффективное состояние, утрата смысла в жизни².

¹ Официальный сайт Всемирной организации здоровья / психическое здоровье / предотвращение самоубийств / глобальный императив 2014 год. URL: https://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_report_2014/ru/ (дата обращения: 28.06.2019).

² Официальный сайт Американской ассоциации суицидологии – American Association of Suicidology (AAS) / Ресурсы / Факты и статистика / Факторы риска самоубийства. URL: http://www.suicidology.org/Portals/14/docs/Resources/FactSheets/RiskFactors_2013.pdf (дата обращения: 28.06.2019).

По мнению Я.И. Гилинского и П.И. Юнацкевича, ближайшей непосредственной причиной мотивации суицидальных актов являются проблемы психологического, социального и психического характера [29, с. 16]. Суицид может объясняться дезадаптацией личности, ее депривацией, фрустрацией [30, с. 157]. А.Г. Амбрумова суицидальное поведение рассматривала как результат «социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого микросоциального конфликта» [31, с. 12]. В своем исследовании Е.Г. Ермолаева указывает, что убийства и самоубийства в своей основе имеют похожую психическую мотивационную составляющую (агрессию). В случае убийства она направлена на окружающих людей, при суициде – на самого себя [32, с. 98].

Обсуждение и заключения

Таким образом, мотивация, механизм преступного и суицидального поведения в отдельных случаях имеют много схожего. Преступления и самоубийства сопровождали различные периоды человеческого развития. Причем некоторые общественно опасные явления на более ранних исторических этапах считались нормой (рабство, захватнические войны). Старика уходили в леса, бросались в море со скал, чтобы не стать обузой для следующего поколения.

Преступность постоянно подстраивается под складывающиеся общественные отношения. Старые криминальные обычаи и традиции уходят в прошлое, им на смену приходят другие. Отчасти причина, по которой современные «воры» не наносят татуировок, не придерживаются уголовного жаргона, приобретают вид успешных бизнесменов, стараются не выделяться в обществе, объясняется тем, что они не хотят отказываться от преимуществ и возможностей глобализации. Сегодня

намного выгоднее и безопаснее совершать экономические, компьютерные, экологические, коррупционные преступления, нежели деяния общеуголовной направленности. При этом современные достижения цивилизации уже в ближайшее время позволят использовать новые технологии в предупреждении и противодействии преступности (искусственный интеллект, развитие геномной инженерии, робототехника, профайлинг, 3D-принтеры, глобальные навигационные системы, распознавание преступников и поиск пропавших людей на основе нейронных сетей, «Большие данные» и квантовая криптография станут средством противостояния хакерам и финансовым мошенникам) [33].

В целях коррекции и переориентации антисоциального поведения нами предлагается совершенствование мер по формированию законопослушного поведения и стимулирование мотивов, направленных на развитие творческой, спортивной, общественно полезной деятельности.

Работа по предупреждению противоправного (общественно опасного) поведения должна осуществляться с учетом правовых, медицинских, психологических, образовательных, просветительских и иных мероприятий. К ним следует отнести: популяризацию науки и образования, поддержку спорта и здорового образа жизни, создание привлекательного «имиджа» современных профессий, формирование условий для духовно-нравственного развития личности, оказание социальной, психологической, юридической помощи лицам, находящимся в сложных (кризисных) ситуациях, обеспечение информационной безопасности, предупреждение домашнего насилия, наркотизма, алкоголизма, проституции, лудомании, суицида и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. М.: Политиздат, 1989. 304 с.
2. Шалагин А.Е. Механизм индивидуального преступного поведения // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 2 (20). С. 156-160.
3. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991. 382 с.
4. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М.: Норма, 2007. 128 с.
5. Скляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 326 с.
6. Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Теории преступного поведения: от истоков к современности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4(34). С. 556-564. DOI: 10.24420/KUI.2018.24.39.019.
7. Абызов К.Р., Гриб В.Г., Ильин И.С. Криминология: курс лекций / под ред. В.Г. Гриба. М.: МаркетДС, 2010. 352 с.
8. Волков Б.С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982. 152 с.
9. Маслоу А.Г. Мотивация и личность / пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
10. Дагель П.С. Классификация мотивов преступлений и её криминологическое значение // Некоторые вопросы социологии и права: материалы научно-теоретической конференции: Конкретно-социологические исследования правовых отношений. Иркутск, 1967. С.172-174.
11. Кудрявцев В.Н. Лекции по криминологии: учебное пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 188 с.

12. Антонян Ю.М. Мотивация преступного поведения: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 376 с.
13. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976. 158 с.
14. Идрисов К.Р. Особенности мотивации преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами // Российский следователь. 2006. № 12. С. 23-25.
15. Аванесов Г.А. 10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологи: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. 303 с.
16. Немов Р.С. Психология: учебник. М.: Владос, 2003. 688 с.
17. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Сопряженность аддиктивного поведения и суицидальных рисков // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. Том 4(7). С. 26-33.
18. Тютюнник И.Г. Корыстный мотив в структуре преступлений против свободы личности: уголовно-правовой и криминологический анализ: монография. М.: Юстицинформ, 2017. 151 с.
19. Пырьев Е.А. Оценка мотивационных возможностей эмоций // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2(4). С. 972-976.
20. Харацишвили Б.В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси: Цонда, 1963. 288 с.
21. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Изд. Воронеж. ун-та, 1974. 243 с.
22. Наумов А.В. Мотивы убийств: учебное пособие. Волгоград, 1969. 134 с.
23. Бородин С.В. Преступления против жизни. М.: Юристъ, 1999. 356 с.
24. Рарог А.И. Проблемы субъективной стороны преступления. М., 1991. 90 с.
25. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. 448 с.
26. Оноколов Ю.П. Мотивы преступлений, совершаемых военнослужащими // Военно-юридический журнал. 2014. № 8. С. 11-15.
27. Российская юридическая энциклопедия / под ред. А.Я. Сухарева. М.: Инфра-М, 1999. 1110 с.
28. Мешков М.В., Гайфуллин А.Н. Доказывание мотива преступления и проблемы уголовно-правового регулирования // Мировой судья. 2015. № 3. С. 14-17.
29. Гишинский Я.И., Юнацкевич П.И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: учебное пособие / под ред. В.А. Кулганова. СПб., 1999. 338 с.
30. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.
31. Амбрумова А.Г., Тихонечко В.А. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности // Актуальные вопросы суицидологии. М., 1978. С. 6-28.
32. Ермолаева Е.Г. Суицид и преступность: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратов. юрид. ин-т МВД России, 2007. 236 с.
33. Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала. М.: Книжный мир, 2017. 288 с.

REFERENCES

1. Dubinin N.P., Karpec I.I., Kudryavcev V.N. Genetika, povedenie, otvetstvennost': o prirode antiobshchestvennyh postupkov i putyah ih preduprezhdeniya. M.: Politizdat, 1989. 304 s.
2. SHalagin A.E. Mekhanizm individual'nogo prestupnogo povedeniya // Biblioteka ugovovnogo prava i kriminologii. 2017. № 2 (20). S. 156-160.
3. Luneev V.V. Motivaciya prestupnogo povedeniya. M.: Nauka, 1991. 382 s.
4. Kudryavcev V.N. Bor'ba motivov v prestupnom povedenii. M.: Norma, 2007. 128 s.
5. Sklyarov S.V. Vina i motivy prestupnogo povedeniya. SPb.: YUridicheskij centr Press, 2004. 326 s.
6. SHalagin A.E., Hrustaleva O.N. Teorii prestupnogo povedeniya: ot istokov k sovremennosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 4(34). S. 556-564. DOI: 10.24420/KUI.2018.24.39.019.
7. Abyzov K.R., Grib V.G., Il'in I.S. Kriminologiya: kurs lekcij / pod red. V.G. Griba. M.: MarketDS, 2010. 352 s.
8. Volkov B.S. Motivy prestuplenij (ugolovno-pravovoe i social'no-psihologicheskoe issledovanie). Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1982. 152 s.
9. Maslou A.G. Motivaciya i lichnost' / per. s angl. SPb.: Piter, 2008. 352 s.
10. Dagel' P.S. Klassifikaciya motivov prestupleniya i eyo kriminologicheskoe znachenie // Nekotorye voprosy sociologii i prava: materialy nauchno-teoreticheskoy konferencii: Konkretno-sociologicheskije issledovaniya pravovyh otnoshenij. Irkutsk, 1967. S.172-174.
11. Kudryavcev V.N. Lekcii po kriminologii: uchebnoe posobie. M.: Norma: INFRA-M, 2017. 188 s.
12. Antonyan YU.M. Motivaciya prestupnogo povedeniya: monografiya. M.: YUrlitinform, 2018. 376 s.
13. Aseev V.G. Motivaciya povedeniya i formirovanie lichnosti. M.: Mysl', 1976. 158 s.
14. Idrisov K.R. Osobennosti motivacii prestuplenij protiv pravosudiya, sovershaemyh dolzhnostnymi licami // Rossijskij sledovatel'. 2006. № 12. S. 23-25.
15. Avanesov G.A. 10 glav o motivacii i motivah. SHerez prizmu nauki kriminologi: monografiya. M.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2019. 303 s.

16. Nemov R.S. Psihologiya: uchebnik. M.: Vldos, 2003. 688 s.
17. SHalagin A.E., Idiyatullof A.D. Sopryazhennost' addiktivnogo povedeniya i suicidal'nyh riskov // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. Tom 4(7). S. 26-33.
18. Tyutyunnik I.G. Korystnyj motiv v strukture prestuplenij protiv svobody lichnosti: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij analiz: monografiya. M.: YUsticinform, 2017. 151 s.
19. Pyr'ev E.A. Ocenka motivacionnyh vozmozhnostej emocij // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2013. T. 15. № 2(4). S. 972-976.
20. Harazishvili B.V. Voprosy motiva povedeniya prestupnika v sovetskom prave. Tbilisi: Conda, 1963. 288 s.
21. Dagef' P.S., Kotov D.P. Sub"ektivnaya storona prestupleniya i ee ustanovlenie. Voronezh: Izd. Voronezh. un-ta, 1974. 243 s.
22. Naumov A.V. Motivy ubijstv: uchebnoe posobie. Volgograd, 1969. 134 s.
23. Borodin S.V. Prestupleniya protiv zhizni. M.: YUrist", 1999. 356 s.
24. Rarog A.I. Problemy sub"ektivnoj storony prestupleniya. M., 1991. 90 s.
25. Gauhman L.D. Kvalifikaciya prestuplenij: zakon, teoriya, praktika. M., 2001. 448 s.
26. Onokolov YU.P. Motivy prestuplenij, sovershaemyh voennosluzhashchimi // Voенно-yuridicheskij zhurnal. 2014. № 8. S. 11-15.
27. Rossijskaya yuridicheskaya enciklopediya / pod red. A.YA. Suhareva. M.: Infra-M, 1999. 1110 s.
28. Meshkov M.V., Gajfullin A.N. Dokazyvanie motiva prestupleniya i problemy ugolovno-pravovogo regulirovaniya // Mirovoj sud'ya. 2015. № 3. S. 14-17.
29. Gilinskij YA.I., YUnackevich P.I. Sociologicheskije i psihologo-pedagogicheskije osnovy suicidologii: uchebnoe posobie / pod red. V.A. Kulganova. SPb., 1999. 338 s.
30. Gilinskij YA.I. Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij». SPb.: YUridicheskij centr Press, 2004. 520 s.
31. Ambrumova A.G., Tihonechko V.A. Suicid kak fenomen social'no-psihologicheskoy dezadaptacii lichnosti // Aktual'nye voprosy suicidologii. M., 1978. S. 6-28.
32. Ermolaeva E.G. Suicid i prestupnost': dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov: Sarat. yurid. in-t MVD Rossii, 2007. 236 s.
33. Ovchinskij V.S. Tekhnologii budushchego protiv kriminala. M.: Knizhnyj mir, 2017. 288 s.

Об авторах: Шалагин Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

e-mail: aeshalagin@yandex.ru

Идиятуллоf Алмаз Дамирович, адъюнкт Казанского юридического института МВД России

e-mail:almaz.idiyatullof.52@bk.ru

© Шалагин А.Е., 2019.

© Идиятуллоf А.Д., 2019.

Статья получена: 15.07.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the authors: Shalagin Anton E., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

e-mail: aeshalagin@yandex.ru

Idiyatullof Almaz D., Postgraduate of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

e-mail:almaz.idiyatullof.52@bk.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Шалагин Антон Евгеньевич – анализ научной литературы по проблеме исследования; доработка текста исследования, разработка концептуальных подходов исследования, формирование выводов и практических рекомендаций.

Идиятуллоf Алмаз Дамирович – подготовка первоначального варианта текста, сбор и анализ эмпирических данных, их обобщение, поиск аналитических и статистических материалов в научных и справочных источниках.

Е.Г. Баранова

СУДЕБНОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ: ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ

JUDICIAL LAWMAKING IN CRIMINAL PROCEDURE: EXPECTATION AND REALITY

Введение: в статье автор рассматривает вопрос необходимости признания наукой и практикой судебного нормотворчества. Поскольку на практике достаточно часто возникают коллизионные ситуации, требующие оперативного разрешения, автор статьи подробно изучает и анализирует принцип разделения властей и его реализацию в современной практике правоприменителем.

Материалы и методы: исследование основано на методе материалистической диалектики. Проблема судебного нормотворчества рассматривается во взаимосвязи с рядом иных уголовно-процессуальных проблем: коллизии, оперативное разрешение споров, судебные правовые позиции. Кроме того, использовались общенаучные (исторический, анализа, синтеза и др.), а также частнонаучные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический и др.).

Результаты исследования: в статье делается вывод, что суд путем издания судебных правовых позиций в различных своих решениях (постановлениях, определениях и т.д.) формирует источники уголовно-процессуального права.

Обсуждение и заключения: автор статьи полагает, что судебное нормотворчество, являясь необходимой и крайней мерой, позволяет оперативно разрешить коллизионные споры в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: разделение властей, судебное нормотворчество, судебные правовые позиции, коллизии в праве, оперативное вмешательство, судейский активизм, судейское усмотрение, толкование

Для цитирования: Баранова Е.Г. Судебное нормотворчество в уголовно-процессуальном праве: ожидание и реальность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 369-373. DOI: 10.24420/KUI.2019.90.88.017

Introduction: the author considers the need to recognize judicial lawmaking by science and juridical rule making. The author analyses and studies in detail the principle of the separation of powers and the implementation of the principle by an executor of law nowadays as there are conflicts of law which require a prompt decision.

Materials and Methods: the study is based on a method of materialistic dialectics. The question of judicial lawmaking is considered in conjunction with the number of other criminal procedural challenges: conflicts of law, the expeditious resolution of disputes, judicial legal positions. In addition, general scientific methods were used: historical, analysis, synthesis, etc., as well as specific scientific methods: comparative-legal; formal legal etc.

Results: the author concludes that the court, by issuing judicial legal positions in its various decisions (rulings, determination, etc.), forms sources of criminal procedural law.

Discussion and Conclusions: the author believes that judicial lawmaking as a necessary and last resort allows prompt resolution of conflicts of law in criminal proceedings.

Key words: the separation of powers, judicial lawmaking, judicial legal positions, conflicts of law, rapid intervention, judicial activism, judicial discretion, interpretation

For citation: Baranova E.G. Judicial lawmaking in criminal procedure: expectation and reality // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 369-373. DOI: 10.24420/KUI.2019.90.88.017

Введение

В традиционной теории российского права принято считать, что принцип разделения властей действует жестко и непререкаемо: судебная власть занимается разрешением дела по существу, законодательной

власти отведена функция нормотворчества, исполнительной – функции государственного управления. Казалось бы, что может быть проще задуманной еще в XVII веке концепции Джона Локка, переработанной в дальнейшем в принцип разделения властей фило-

софом Ш.Л. Монтескье, идеи которого заключались в разделении системы органов власти на судебную, законодательную и исполнительную. При этом он считал, что судебная власть – это лишь «уста, произносящие слова закона» [1, с. 160].

Обзор литературы

Однако в современном обществе уже гораздо меньше последователей этой идеи. Главным поводом для споров в научном сообществе стал вопрос о необходимости единства властей и их совместного сосуществования. Так, Н.М. Коркунов считал, что в чистом виде принцип разделения властей невозможен и необходимо следовать «принципу совместного властвования» [2, с. 9]. Шершеневич Г.Ф. также утверждал, что Монтескье ошибается в своих предположениях, и считал их практически нереализуемыми, объясняя это тем, что не может существовать трех абсолютно равных между собой властей, а так называемые «ветви власти» – это всего лишь формы проявления единой государственной власти [3, с. 334]. Кроме того, хотелось бы обратить внимание и на еще одно спорное суждение Ш.Л. Монтескье: «Если судебная власть окажется соединенной с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем; если же судебная власть окажется соединенной с исполнительной властью, судья получает возможность стать угнетателем» [4, с. 290].

Современные ученые уделяют данной проблеме большое внимание. Например, вопросы судейского активизма рассмотрены в трудах К.С. Аристовой, Н.Н. Ковтуном, Ю.В. Грачевой, А.И. Ковлером и иными.

Материалы и методы

Исследование основано на методе материалистической диалектики: проблема повышения роли судебных правовых позиций рассматривается во взаимосвязи с рядом иных уголовно-процессуальных проблем, таких как оперативность уголовного судопроизводства и правовая определенность. Кроме того, использовались общенаучные методы: исторический (в части истории принципа разделения властей), социологический (использовались статистические показатели, характеризующие несоответствие современного представления принципа разделения властей изначально предложенным тезисам Ш.Л. Монтескье), формально-логический (необходимость признания судебного нормотворчества логично выводится из постановки проблемы, связанной с правовой определенностью), анализа, синтеза и др., а также частнонаучные методы: историко-правовой (сравнивалось современное и

ранее действовавшее законодательство, регламентирующее принцип разделения властей), формально-юридический, логико-юридический (исследовалось содержание судебного нормотворчества в современном уголовном судопроизводстве) и др.

Результаты исследования

Концепция правового государства с признаками развития гражданского общества, к коему причисляет себя Российская Федерация, предполагает незыблемость принципа разделения властей. Несмотря на то, что принцип разделения властей¹ закреплен в ст. 10 Конституции Российской Федерации 1993 года, считаем необходимым отметить, что в России он реализуется не в полной мере. Ничуть не посягая на стойкость убеждения в том, что каждая ветвь власти строго выполняет свои задачи в рамках заданных полномочий, следует уточнить, что в некоторых случаях отдельным ветвям власти приходится исполнять функции другой ветви. В рамках нашего исследования мы рассмотрим функции и деятельность судебной власти.

В правоприменительной сфере часто появляется необходимость борьбы с коллизиями, возникающими в практической деятельности. Зачастую в подобных ситуациях нельзя найти конкретное решение спора в букве закона, однако необходимое решение отыскивается в самом духе закона. Как говорил еще В.И. Ленин, «практика – критерий истины» [5]. Но помощь в формулировании духа закона осуществляют не нормотворческие органы, а как раз судебные. Формирование новой уголовно-процессуальной нормы, которая не была апробирована, так или иначе ведет к появлению вопросов, связанных с тем, как применять данную норму. Законодатель не имеет оперативной возможности внести изменения в ранее изданный им нормативный акт. Для этого необходимо предложить законопроект о внесении изменений в конкретную норму конкретного нормативного правового акта, затем его рассмотрят, изучат, вынесут по нему решение и т.д. Процесс продолжительный во времени, и пока он будет идти, ситуаций, в которых возникают коллизии, будет все больше и больше. В каждом подобном случае необходимо будет вносить новый законопроект.

Ввиду возникающей необходимости оперативного и эффективного снятия напряженности в правовом регулировании суд берет на себя такое обязательство – осуществляет функции нормотворческого органа в рамках судебного толкования норм права. С этой целью суд аккумулирует и изучает правоприменительную практику, а в дальнейшем издает акт толкования, в котором содержатся судебные правовые позиции, помогающие разрешить

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2019).

правовые споры. Таким образом, обеспечивается правовая определенность в нормативном регулировании. Однако стоит отметить, что она возможна лишь при единстве судебных правовых позиций.

Обращаясь к вопросу судебного нормотворчества в России, стоит отметить, что он стоит довольно остро: современные исследователи поделились на два основных лагеря: тех, кто причисляет себя к исключительным последователям принципа разделения властей и указывает на отсутствие в РФ такой формы выражения права, как судебный прецедент, объясняя это принадлежностью РФ к романо-германской правовой семье, и тех, кто считает, что суд имеет право осуществлять необходимую в отдельных вопросах, хотя и не в традиционной форме, правотворческую функцию. Так, и Н.А. Богданова указывает, что в РФ не признается правотворческая функция, осуществляемая судебными органами, именно потому, что российская правовая система относится к романо-германской правовой семье [6, с. 64].

Исследователи также высказывают мнение, что судебная власть может выполнять лишь правоприменительную и толковательную функцию [7, с. 143]. Однако, как мы уже сказали, существует и вторая группа исследователей, которая выделяет у органов судебной власти отдельную правотворческую функцию. Так, по мнению И.В. Шульги, «судебное правотворчество в рамках государственного механизма на основе разделения властей не просто возможно – оно необходимо» [8, с. 602]. Полемизуя с законодательным закреплением принципа разделения властей в РФ, Р.З. Лившиц делит государственную власть на три ветви: законодательную, управление и правосудие – и таким образом определяет, что «средством осуществления власти служат, прежде всего, правовые нормы» [9, с. 46].

Видергольд А.В., в свою очередь, считает, что «суды вынуждены выработать новое правило, позволяющее им разрешить проблему, а выработка нового правила – это и есть правотворчество». Мы соглашаемся с данной позицией, однако в дальнейшем А.В. Видергольд противоречит своим воззрениям и указывает, что «выделение правотворческой функции судебной власти представляется не совсем корректным» [10, с. 33]. Если суды создают новое правило, то есть занимаются нормотворчеством, тогда и функцию выполняют нормотворческую, несмотря на то, что многие отказываются согласиться с этой резкой и радикальной формулировкой.

Однако на практике для устранения конкретной коллизии в конкретный момент, с точки зрения юридического позитивизма, необходимо, чтобы подобных случаев набралось большое количество, чтобы члены Федерального Собрания РФ внесли предложение о необходимости изменений в зако-

нодательстве. Данный процесс может затянуться (разработка законопроекта, обсуждение и т.д.).

В современной юридической практике существует и более упрощенный механизм разрешения коллизий, позволяющий добиться правовой определенности в уголовно-процессуальном праве. Данный механизм заключается в выработке действенной, созданной на основе законодательства и исходя из практической целесообразности, позиции суда в той или иной коллизионной ситуации.

По нашему мнению, в подобном вопросе полезно принять во внимание доводы С.М. Даровских, которая указывает, что деятельность судов, направленная на толкование норм права, заключается в создании новых норм права или расширении содержания уже существующих. По ее мнению, данная деятельность не должна быть субъективирована и не относится к властному и самостоятельному правотворчеству. Таким образом, суд не отнимает у законодательной ветви власти ее основную правотворческую функцию, а лишь решает важную задачу, связанную с отправлением правосудия, защитой прав и законных интересов граждан [11, с. 35-36]. И, как следствие, суд осуществляет оперативное и вынужденное правотворчество, которое не умаляет принципа разделения властей, закрепленного в ст. 10 Конституции РФ. При этом стоит еще раз отметить, что данное положение вещей не является необоснованным притязанием суда на расширение своих полномочий, а является вынужденной необходимостью для обеспечения правовой определенности.

Несмотря на то, что подобная деятельность суда имеет все признаки нормотворчества (суд, издавая судебные правовые позиции, создает новое правило поведения, фактически отменяя действие норм федеральных конституционных законов, федеральных законов, международные нормы), некоторые сомнения по поводу разграничения официального толкования норм права и нормотворческой деятельности все же остаются. Однозначного ответа на этот вопрос в юридической науке до сих пор нет [12, с. 69; 13, с. 536-537]. Одни наделяют суд правом расширительного толкования норм, суть которого заключается в «компенсации технических неясностей, неточностей и восполнении пробелов правовых норм»; «правокорректирующей» и «правосозидательной» функциями [13, с. 7], другие называют данную функцию коррекционной – исправляющим толкованием правовых норм, которое может в отдельных случаях менять содержание нормы, ее смысл, не меняя при этом текст самой нормы [14, с. 20, 110-118]. Пытаясь обойти формулировки, напрямую связанные с нормотворческой деятельностью суда, авторы придумывают и другие названия: «правотворческое толкование» [15, с. 72-80], «нормативное толкование» [16, с. 131-132; 17, с. 52; 18, с. 149].

Стоит заметить, что большинство авторов пишут о «расширительном» толковании или уяснении, разъяснении и т.д., забывая при этом, что расширение закона – это уже правотворческая деятельность. К тому же чем как не нормой права следует считать положения, на которые в дальнейшем ссылаются суды в своих решениях, ведь они должны делать отсылку именно на источники уголовно-процессуального права, а никак не на «субъективное мнение судьи». Так, в приговоре от 25 сентября 2018 года по делу № 1-296/2018 Воскресенский городской суд (Московская область) сослался на постановление Пленума ВС РФ от 22.12.2015 № 58, использовав формулировку «как разъяснено в п. 49 Постановления Пленума ВС РФ...»¹. И таких решений с отсылкой на судебные правовые позиции, содержащие правильное понимание уголовно-процессуальной нормы, текст нового правила, регулирующего правоотношения либо расширяющего сферу действия правовой нормы, невероятное множество.

Мы считаем, что по существу суд выполняет именно нормотворческую функцию, осуществляя деятельность по толкованию норм. Механизм принятия новых правил поведения, новых норм права иной, нежели в законодательном процессе, субъектами данного толкования так же, как и в нормотворчестве, выступают высшие органы власти РФ, вовсе не законодательные. Причины появления подобного толкования связаны с проявлением судебного контроля за законностью действий и нормативных актов органов исполнительной и законодательной власти, а значит, являются общеобязательными актами. Кроме того, подобные судебные акты могут и вовсе создавать прецеденты.

Таким образом, суд осуществляет именно нормотворческую деятельность, поскольку обычное толкование заключается в уяснении, разъяснении исключительно существующих норм, не меняющем их сущности и содержания. Возможность подкрепления подобных утверждений реальными фактами можно обнаружить в значительном количестве судебных правовых позиций.

Обсуждение и заключения

Подводя итог вышесказанному, отметим: суд в рамках издаваемых им в различных формах судебных правовых позиций осуществляет необходимую для оперативного и эффективного обеспечения правовой определенности в уголовном процессе нормотворческую деятельность (хотя и в нетрадиционном виде), которая может быть выражена как в уяснении истинной воли ранее изданных норм, в их разъяснении, так и в создании абсолютно новых норм или в полном или частичном изменении сути уже существующих. Следовательно, суд путем издания судебных правовых позиций в различных своих решениях (постановлениях, определениях и т.д.) формирует источники уголовно-процессуального права. В связи с этим мы предлагаем современному правоприменителю встать на путь признания в качестве источника уголовного судопроизводства судебные правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ, в том числе признанные эталонными судебные прецеденты, издаваемые Президиумом Верховного Суда РФ. Именно использование данных форм права позволит оперативно повысить правовую определенность в конкретный момент времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Монтескье Ш.Л. О духе законов. СПб., 1900. С. 160.
2. Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1913. Т. II. С. 9.
3. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1908. С. 334.
4. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1995. С. 290.
5. Ленин В. И. Философские тетради. ПСС. Т. 29, изд 5. С. 183.
6. Богданова Н.А. Конституционный Суд Российской Федерации в системе конституционного права // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 3. С. 64.
7. Кладий Е.В. Судебная власть в системе государственной власти Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2002. С. 143.
8. Шульга И.В. Нормотворчество российских судов и теория разделения властей // Научн. тр. РАЮН. Вып. 8. В 3 т. Т.1. М., 2008. С. 602.
9. Лившиц Р.З. Современная теория права: краткий очерк. М.: Изд-во ИГиП РАН. 1992, С. 46.
10. Видергольд А.В. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и их проявление в уголовном судопроизводстве (теоретические и практические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2017. С. 33.
11. Даровских С.М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2011. С. 35-36.
12. Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование. М., 1998. С. 69.

¹ Воскресенский городской суд (Московская область): приговор № 1-296/2018 от 25 сентября 2018 г. по делу № 1-296/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: voskresensk.mo.sudrf.ru (дата обращения: 25.03.2019).

13. Гаврилов Д.А. Правоприменительное толкование: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Волгоград, 2000. С.7.
14. Манукян А.Г. Толкование норм права: виды, система, пределы действия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2006. С. 20, 110-118.
15. Вопленко Н.Н. О понятии и функциях правотворческого толкования // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 1. С. 72-80.
16. Ображиев К.В. Формальные (юридические источники) российского уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 131-132.
17. Петрушев В.А. О толковании уголовного закона в разъяснениях Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики // Уголовное право. 2007. № 3. С. 52.
18. Смирнов Л.В. Правотворчество судов Российской Федерации: сущность, виды, проблемы // Судебное правоприменение: проблемы теории и практики / ред. В.М. Сырых. М., 2007. С. 149.

REFERENCES

1. Montesquieu S.H.L. O duhe zakonov. SPb., 1900. S. 160.
2. Korkunov N.M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. SPb., 1913. T. II. S. 9.
3. Shershenevich G.F. Obshchee uchenie o prave i gosudarstve. M., 1908. S. 334.
4. Montesquieu S.H.L. Izbrannye proizvedeniya. M., 1995. S. 290.
5. Lenin V. I. Filosofskie tetradi. PSS. T. 29, izd 5. S. 183.
6. Bogdanova N.A. Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii v sisteme konstitucionnogo prava // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 1997. № 3. S. 64.
7. Kladij E.V. Sudebnaya vlast' v sisteme gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01. M., 2002. S. 143.
8. Shul'ga I.V. Normotvorchestvo rossijskih sudov i teoriya razdeleniya vlastej // Nauchn. tr. RAYUN. Vyp. 8. V 3 t. T.1. M. 2008. S. 602.
9. Livshic R.Z. Sovremennaya teoriya prava: kratkij ocherk. M.: Izd-vo IGI P RAN. 1992, S. 46.
10. Vidergol'd A.V. Pravovye pozicii Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii i ih proyavlenie v ugovnom sudoproizvodstve (teoreticheskie i prakticheskie aspekty): dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09. Ekaterinburg, 2017. S. 33.
11. Darovskih S.M. Sudebnye pravovye pozicii v ugovnom sudoproizvodstve: teoreticheskie osnovy i processual'nye formy : dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.09. M., 2011. S. 35-36.
12. Pigolkin A.S. Tolkovanie norm prava i pravotvorchestvo: problemy sootnosheniya // Zakon: sozдание i tolkovanie. M., 1998. S. 69.
13. Gavrilov D.A. Pravoprimenitel'noe tolkovanie: dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.01. Volgograd, 2000. S.7.
14. Manukyan A.G. Tolkovanie norm prava: vidy, sistema, predely dejstviya: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01. SPb., 2006. S. 20, 110-118.
15. Voplenko N.N. O ponyatii i funkciyah pravotvorcheskogo tolkovaniya // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2003. № 1. S. 72-80.
16. Obrazhiev K.V. Formal'nye (yuridicheskie istochniki) rossijskogo ugovnogo prava: monografiya. M.: YUrLitinform, 2010. S. 131-132.
17. Petrushev V.A. O tolkovanii ugovnogo zakona v raz'yasneniyah Verhovnogo Suda RF po voprosam sudebnoj praktiki // Ugovnoe pravo. 2007. № 3. S. 52.
18. Smirnov L.V. Pravotvorchestvo sudov Rossijskoj Federacii: sushchnost', vidy, problemy // Sudebnoe pravoprimenenie: problemy teorii i praktiki / red. V.M. Syryh. M., 2007. S. 149.

Об авторе: Баранова Екатерина Геннадьевна, адъюнкт Нижегородской академии МВД России
e-mail: baranova.nnov@mail.ru
© Баранова Е.Г., 2019.

Статья получена: 22.04.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the author: Baranova Ekaterina G., Postgraduate of Nizhniy Novgorod Academy of MIA of Russia
e-mail: baranova.nnov@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.1

DOI: 10.24420/KUI.2019.69.56.018

М.А. Гаврилов

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО
ВРЕДА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СЛУЧАЕ СМЕРТИ
ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

**SOME ISSUES OF COMPENSATION FOR MORAL HARM
IN CRIMINAL CASES IN THE EVENT OF DEATH
OF A CRIME VICTIM**

Введение: в статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с взысканием с лица, совершившего преступление, денег в счет компенсации морального вреда в пользу родственников скончавшейся жертвы преступления.

Материалы и методы: использовались эмпирический и теоретический методы исследования, включающие отбор фактов, сравнение, абстрагирование, научно-аналитический подход.

Результаты исследования: по уголовным делам о преступлениях, в результате которых наступила смерть потерпевшего, в качестве потерпевших признаются его близкий родственник или близкое лицо, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – иные родственники. Эти лица в случае заявления требований о компенсации им морального вреда признаются гражданскими истцами. Взыскание компенсации морального вреда обосновывается утратой близкого человека и понесенными в связи с этим нравственными страданиями. Однако совершенно другой подход применяется судами при разрешении гражданских исков лиц, чей близкий получил вред здоровью в результате преступления, а затем скончался по причине, не связанной с преступлением. Им в компенсации морального вреда отказывается.

Обсуждение и заключения: данная проблема в качестве одного из оснований имеет неопределенность правового статуса лиц, вступающих в уголовный процесс вместо лица, скончавшегося в результате преступления. В ходе исследования автор пришел к выводу, что факт причинения нравственных страданий правопреемнику в результате смерти правопредшественника не является условием процессуального правопреемства потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Уголовно-процессуальное законодательство должно содержать нормы, регулирующие переход прав потерпевшего к иным лицам, в том числе и в случаях смерти жертвы преступления по иным причинам. При этом необходимо установить должное правовое регулирование компенсации морального вреда в случае смерти жертвы преступления.

Ключевые слова: моральный вред, смерть потерпевшего, правопреемник потерпевшего, переход прав потерпевшего, гражданский иск

Для цитирования: Гаврилов М.А. Некоторые вопросы компенсации морального вреда по уголовным делам в случае смерти жертвы преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 374-379. DOI: 10.24420/KUI.2019.69.56.018

Introduction: the article deals with issues related to recovery of money from a person who has committed a crime, in compensation for moral damage in favor of relatives of a deceased victim of a crime.

Materials and Methods: empirical and theoretical research methods, including selection of facts, comparison and abstraction, scientific and analytical approach are used.

Results: in criminal cases of crimes that result in the death of a victim, his/her close relative or close person are recognized as a victim, and in their absence or the impossibility of their participation in criminal proceedings, other relatives. These persons in the event of a claim for non-pecuniary damage are recognized as civil plaintiffs. Recovery of compensation for moral damage is justified by the loss of a close person and moral suffering incurred in this connection. However, a completely different approach is used by the courts in resolving civil claims of persons whose close person was injured as a result of a crime, and then died for a reason not related to the crime. They are denied in compensation for moral damages.

Discussion and Conclusions: this issue as a ground has the uncertainty of the legal status of persons entering the criminal process instead of a person who died as a result of a crime. During the study, the author came to the conclusion that the condition of the procedural succession of a victim in criminal proceedings is not the fact of causing moral suffering to a legal successor as a result of the death of a predecessor. Criminal procedure legis-

lation should contain rules governing transfer of the rights of the victim to other persons, including cases of the death of a victim of a crime for other reasons. At the same time, it is necessary to establish due legal regulation of compensation for moral harm in the event of the death of the victim of a crime.

Key words: moral injury, death of the victim, the assignee of the victim, transfer of rights of the victim, civil action

For citation: Gavrilov M.A. Some issues of compensation for moral harm in criminal cases in the event of death of a crime victim // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 374-379. DOI: 10.24420/KUI.2019.69.56.018

Введение

При вынесении приговоров по уголовным делам об убийствах, нарушениях правил дорожного движения, другим преступлениям, повлекшим смерть потерпевшего, суды разрешают вопросы, связанные с взысканием с виновных в пользу родственников погибших денежных сумм в счет компенсации морального вреда. Подобные вопросы рассматриваются судами также и в рамках гражданского судопроизводства.

Жизнь является благом от рождения и неразрывно связана с личностью носителя этого блага. В соответствии со ст. 150 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) жизнь отнесена к важнейшим нематериальным благам. В результате противоправного деяния, объектом которого является жизнь, данное благо прекращает объективное существование.

Лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, является потерпевшим. Применительно к ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) потерпевший, то есть лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред (ст. 42 УПК РФ), вправе предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда при производстве по уголовному делу.

На практике не возникает особых вопросов, когда лицо, в отношении которого совершено преступление, живо и само заявляет иски о компенсации ему морального вреда, причиненного преступлением. Согласно ч. 1 ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

В уголовном судопроизводстве предоставление процессуальных прав лицу, потерпевшему от преступления, дает ему реальную возможность на реализацию конституционных положений ст. 52 Конституции РФ о том, что права потерпевших от преступлений охраняются законом и государство должно обеспечи-

вать потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба [1, с. 30].

Но как быть в случаях, когда в результате преступления наступила смерть лица – потерпевшего от преступления? Кто уполномочен на реализацию конституционного права лица, потерпевшего от преступления, на доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда? Например, по делам об убийствах потерпевшим фактически является то лицо, которому причинена смерть [2, с. 140]. Аналогичная ситуация наблюдается и по другим преступлениям, повлекшим смерть потерпевшего.

Обзор литературы

Вопросам уголовно-процессуального статуса лиц, вступающих в процесс вместо скончавшегося потерпевшего, посвящено немало научных исследований. В некоторых из них рассматриваются вопросы компенсации морального вреда указанным лицам. Особый интерес представляют работы таких ученых, как С.В. Бородин, Ф.Н. Багаутдинов, А.С. Дежнев, А.П. Рыжаков, В.С. Шадрин и др.

Материалы и методы

Использование эмпирического и теоретического методов исследования, включающих отбор фактов, сравнение, абстрагирование, научно-аналитический подход, позволило всесторонне рассмотреть проблему. Материалами исследования послужили статьи УПК РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также примеры из судебной практики.

Результаты исследования

В соответствии с ч. 8 ст. 42 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего, предусмотренные вышеуказанной статьей, переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников.

Судебная практика, опираясь на указанную норму закона, идет по пути, когда по делам о преступлениях, в результате которых наступила смерть потерпевшего, в качестве потерпевших признаются его близкий родственник, или близкое лицо, а при их отсутствии или невозможности их участия

в уголовном судопроизводстве – иные родственники. Указанные лица, признанные потерпевшими по уголовному делу, в случае заявления ими требований о компенсации им морального вреда, признаются гражданскими истцами. Свои требования о компенсации морального вреда такие лица обосновывают утратой любимого человека и понесенными в связи с этим нравственными страданиями.

Вряд ли можно оспаривать факт причинения нравственных страданий семье в случае убийства любого из ее членов. Но в законе отсутствует указание на возможность денежной компенсации морального вреда, причиненного смертью близких. Этот пробел восполнен постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», закрепившим, что «моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников»¹. Позиция Верховного Суда Российской Федерации получила дальнейшее развитие и в постановлении Пленума от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью»², которым предусмотрена возможность компенсации морального вреда, причиненного не только родственникам, но и другим членам семьи умершего и его иждивенцам, что расширило круг граждан, имеющих право на такую компенсацию.

Как известно, любое решение суда должно быть основано на нормах закона. А отсутствие в законе указаний о правомочиях на предъявление родственниками умерших исков о взыскании компенсации морального вреда вызывает ряд вопросов. Объектом преступления в рассматриваемых случаях является жизнь конкретного человека, и лишается жизни в этом случае также конкретный человек. Неразрывная связь деяния с наступившими последствиями в виде смерти позволяет говорить, что потерпевшим является конкретное физическое лицо, которому принадлежит личное неимущественное благо – жизнь. С учетом этого близкие родственники, близкие лица и родственники не приобретают никаких прав по осуществлению и защите такого личного неимущественного блага, как жизнь, поскольку это благо неразрывно связано с личностью его носителя и прекращается с его смертью. Получение компенсации морально-

го вреда за смерть родственника при отсутствии законодательного регулирования этого вопроса некоторыми исследователями расценивается как необоснованное обогащение [3].

Научная полемика по вопросам процессуального положения лиц, вступающих в уголовный процесс после смерти потерпевшего, возобновилась после принятия УПК РФ и продолжается до сих пор. Одни ученые настаивают на признании близких родственников потерпевшими [4, с. 9, 13; 5, с. 12; 6, с. 175-179], вторые предлагают считать их представителями потерпевшего [7, с. 52-54; 8, с. 21-25], а третьи – правопреемниками потерпевшего [9, с. 80]. Мы придерживаемся последней точки зрения. Необходимо отметить, что существуют и другие мнения. Например, Ю.Н. Стражевич полагает, что смерть жертвы преступления должна порождать к жизни такой, не закрепленный в УПК РФ институт, как институт заинтересованных лиц [10, с. 14]. По мнению М.В. Николаева, эти лица являются опосредованными потерпевшими [11, с. 80].

Формальное наименование данных участников уголовного процесса не имеет принципиального значения, т.к. определяющими являются сущностные признаки, которые характеризуют фактическое положение лица. В связи с этим возникает вопрос о правовой природе перехода прав умершего потерпевшего к иным лицам и участия их в производстве по уголовному делу.

Ученые, придерживающиеся той точки зрения, что лица, вступающие в процесс после смерти потерпевшего, должны обладать статусом правопреемника, обосновывают свою позицию тем, что в результате преступления, от которого наступила смерть лица (например, убийства), вред причиняется не только этому лицу, но и его близким родственникам. «Здесь имеет место причинение морального вреда, а нередко и вреда имущественного (материального)» [2, с. 140]. В связи с этим лица, которым преступлением причинен такой опосредованный вред, вступают в процесс в качестве правопреемников потерпевшего.

Не оспаривая доводы ученых относительно факта причинения нравственных страданий родственникам скончавшегося в результате преступления потерпевшего, необходимо отметить, что таким лицам вред от преступления причинен опосредованно. Если же связывать возможность перехода прав умершего в результате преступления потерпевшего к другому лицу только с фактом причинения последнему вреда, возникает ситуа-

¹ Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2019).

² О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2019).

ция, когда наличие этого вреда лицу нужно сначала доказывать и только после этого к нему переходят права потерпевшего.

По нашему мнению, в основе процессуального правопреемства потерпевшего-физического лица лежит лишь факт близкого родства, близких отношений и родства со скончавшимся потерпевшим. Аналогичное мнение и ранее уже высказывалось учеными [12, с. 56-57].

В судебной практике встречаются случаи, когда лицу, участвующему в качестве потерпевшего в уголовном судопроизводстве по делу об убийстве, отказывалось в компенсации морального вреда. Так, приговором Тверского областного суда от 29 марта 2018 г. Т. осужден по п. "д" ч. 2 ст. 105 УК РФ, постановлено взыскать с него в счет компенсации морального вреда в пользу потерпевшего С., являвшегося мужем сестры погибшего, 100 000 рублей. Отменяя приговор суда в части взыскания с осужденного в пользу С. 100 000 рублей в счет компенсации морального вреда, Верховный Суд РФ указал, что потерпевший С. не состоял с погибшим ни в родстве, ни в свойстве. Материалы дела не содержат сведений о том, что он являлся лицом, жизнь, здоровье и благополучие которого заведомо для виновного были дороги потерпевшему в силу сложившихся отношений¹. Это свидетельствует о том, что условием для перехода прав от скончавшегося в результате преступления лица к другому лицу может являться лишь факт близкого родства, близких отношений и родства, а не факт причинения ему морального вреда преступлением.

В связи с этим мы полагаем, что условием процессуального правопреемства потерпевшего в уголовном судопроизводстве не является факт причинения нравственных страданий правопреемнику в результате смерти правопредшественника. Переход процессуальных прав от умершего в результате преступления потерпевшего к третьим лицам может быть обусловлен исключительно родством, свойством, иными близкими отношениями. Конечно же, это не исключает наличие нравственных страданий у правопреемника в связи со смертью правопредшественника, как происходит в подавляющем большинстве случаев. Но эти страдания являются опосредованным следствием преступных деяний, а не условием признания лица правопреемником умершего потерпевшего. Цель участия правопреемника в уголовном судопроизводстве состоит в защите прав и законных интересов умершего потерпевшего, а не собственных имущественных интересов, связанных

со взысканием морального вреда. Здесь налицо отличие правопреемника потерпевшего от гражданского истца, который преследует в уголовном процессе свои имущественные интересы.

Таким образом, право на компенсацию морального вреда от преступления, последствием которого явилась смерть жертвы преступления, имеют лица, понесшие нравственные страдания, и это не связано с их уголовно-процессуальным статусом правопреемника потерпевшего.

Часть 1 ст. 44 УПК РФ предусматривает, что гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему **непосредственно** (выделено мной) преступлением. Таким образом, из действующего законодательства следует, что компенсация морального вреда предполагается только непосредственной жертве преступления.

Как правило, судебная практика не обращает внимания на эти обстоятельства и обоснованность требований о компенсации морального вреда связывает с наличием у гражданского истца процессуального статуса потерпевшего по уголовному делу, причем даже в случаях отсутствия родственных отношений у жертвы и гражданского истца. Например, судом апелляционной инстанции оставлен в силе приговор суда первой инстанции, которым удовлетворен гражданский иск С., признанной потерпевшей по уголовному делу, о компенсации ей морального вреда, причиненного убийством О., приходившегося вторым мужем ее матери².

Однако совершенно другой подход применяется судами при разрешении гражданских исков лиц, чей близкий получил вред здоровью в результате преступления, а затем скончался по причине, не связанной с преступлением.

Нравственные страдания лиц, чей близкий получил, к примеру, тяжкий вред здоровью в результате преступления, несколько не меньше, чем в случае смерти потерпевшего. Близкие лица вынуждены длительное время ухаживать за пострадавшим, что, безусловно, причиняет им нравственные страдания. Однако складывающаяся судебная практика в этих случаях идет по пути отказа в удовлетворении требований, мотивируя это тем, что, согласно положениям ст. ст. 151, 1099 ГК РФ, право требовать компенсации морального вреда связано непосредственно с личностью потерпевшего и носит личный характер, при этом закон не предусматривает возможность перехода такого права к иным лицам.

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 35-АПУ18-4. Доход из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2019).

² Апелляционное определение Московского городского суда от 18 мая 2015 г. по делу № 10-5077/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2019).

Так, Пермским краевым судом отменен приговор Березниковского городского суда Пермского края в части решения суда по иску в отношении К., осужденного по ч. 1 ст. 111 УК РФ за умышленное причинение М. тяжкого вреда здоровью. Из материалов уголовного дела усматривается, что на стадии досудебного производства по делу потерпевший М. погиб. Его брат, признанный потерпевшим, заявил иск о возмещении морального вреда за причинение М. в результате совершенного в отношении него преступления физических или нравственных страданий. Суд первой инстанции признал за братом М. право на удовлетворение его требований и передал их на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. Суд апелляционной инстанции с таким решением не согласился и отказал брату потерпевшего М. в удовлетворении гражданского иска по причине отсутствия у него права на компенсацию морального вреда, поскольку непосредственно ему преступлением вред причинен не был¹.

Аналогичную позицию занял Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая в апелляционном порядке уголовное дело в отношении Г., осужденного по п. «б», «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ и П., осужденного по п. «б», «в» ч. 4 ст. 162, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Осужденный по данному делу Г. признан виновным за совершение разбойного нападения на Н. по предварительному сговору с П., с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, в особо крупном размере, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Отменяя приговор суда первой инстанции в части гражданского иска о взыскании морального вреда с Г., судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что действиями Г. непосредственный вред был причинен самому пострадавшему Н., поэтому моральный вред в пользу его родственников не подлежал взысканию².

Обсуждение и заключения

Вышеизложенное свидетельствует, что суды по-разному подходят к решению вопроса о ком-

пенсации морального вреда лицам, вступающим в уголовный процесс в случае смерти жертвы преступления. В случае смерти лица от преступления суды признают наличие нравственных страданий родственников жертвы, а при причинении вреда здоровью жертвы (даже тяжкого), но когда жертва остается жить, суды не признают факт причинения нравственных страданий родственникам.

На наш взгляд, такое различие в подходах правоприменителя к разрешению сходных дел является следствием правовой неурегулированности правопреемства в уголовном судопроизводстве. В частности, ч. 8 ст. 42 УПК РФ не наделяет родственников потерпевшего, умершего не в результате совершения в отношении него преступления, теми правами, которые имеются у потерпевшего как субъекта уголовного процесса [13]. В данном случае имеется пробел в законодательстве, который не может быть урегулирован по аналогии закона, т.к. норма, содержащаяся в ч. 8 ст. 42 УПК РФ, является специальной и регулирует исключительно переход прав потерпевшего к иным лицам в случае его смерти в результате преступления.

Очевидно, по этой причине суды по-разному подходят к вопросу разрешения гражданских исков о компенсации морального вреда родственникам жертв преступлений.

Подводя итог, необходимо отметить, что условием процессуального правопреемства потерпевшего в уголовном судопроизводстве не является факт причинения нравственных страданий правопреемнику в результате смерти правопредшественника. Уголовно-процессуальное законодательство должно содержать нормы, регулирующие переход прав потерпевшего к иным лицам, в том числе и в случаях смерти жертвы преступления по иным причинам. При этом необходимо установить правовое регулирование компенсации морального вреда в случае смерти жертвы преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жеребятьев И.В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: монография. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. С. 30.
2. Бородин С.В. Рассмотрение судом уголовных дел об убийствах. М.: Юридическая литература, 1964. С. 140.
3. Мамонтов Н.И. Имеют ли право родственники лиц, погибших в результате правонарушения, на получение компенсации морального вреда? URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38680485#pos=4;-245 (дата обращения: 20.04.2019).
4. Тетерина Т.В. Проблемы обеспечения имущественных, иных прав и законных интересов потерпевшего в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 9, 13.

¹ Апелляционное определение Пермского краевого суда от 20 апреля 2017 г. по делу № 22-2444/2017. URL: http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=664 (дата обращения: 20.04.2019).

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. по делу № 89-АПУ16-2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2019).

5. Парфенова М.В., Конах Е.И. Процессуальные права потерпевшего и их реализация в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М., 2006. С. 12.
6. Шипунова О.В. Юридическое определение смерти в уголовном процессе // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30). С. 175-179.
7. Воронин В.В. Возможно ли примирение сторон в случае гибели потерпевшего? // Уголовный процесс. 2007. № 2. С. 52-54.
8. Дежнев А.С. Определение правового статуса близких родственников лица, которому преступлением причинена смерть // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3 (46). С. 21-25.
9. Василенко Л.А. Производство по делам частного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 80.
10. Стражевич Ю.Н. Правовой статус несовершеннолетнего потерпевшего в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 14.
11. Николаев М.В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании по делам публичного и частно-публичного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 80.
12. Степанов В., Шимановский В. Процессуальное положение близких родственников лица, погибшего от преступления // Социалистическая законность. 1970. № 1. С. 56-57.
13. Рыжаков А.П. Понятие, права, обязанности и ответственность потерпевшего в российском уголовном процессе. Комментарий к статье 42 УПК РФ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2019).

REFERENCES

1. ZHerebyat'ev I.V. Lichnost' poterpevshego v sovremennom ugovnom sudoproizvodstve Rossii: monografiya. Orenburg: RIK GOU OGU, 2004. S. 30.
2. Borodin S.V. Rassmotrenie sudom ugovnyh del ob ubijstvah. M.: YUridicheskaya literatura, 1964. S. 140.
3. Mamontov N.I. Imeyut li pravo rodstvenniki lic, pogibshih v rezul'tate pravonarusheniya, na poluchenie kompensacii moral'nogo vreda? URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38680485#pos=4;-245 (data obrashcheniya: 20.04.2019).
4. Teterina T.V. Problemy obespecheniya imushchestvennyh, inyh prav i zakonnyh interesov poterpevshego v ugovnom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2004. S. 9, 13.
5. Parfenova M.V., Konah E.I. Processual'nye prava poterpevshego i ih realizaciya v dosudebnyh stadiyah ugovnogo sudoproizvodstva. M., 2006. S. 12.
6. SHipunova O.V. YUridicheskoe opredelenie smerti v ugovnom processe // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 4 (30). S. 175-179.
7. Voronin V.V. Vozmozhno li primiren timerstoron v sluchae gibeli poterpevshego? // Ugovnyj process. 2007. № 2. S. 52-54.
8. Dezhnev A.S. Opredelenie pravovogo statusa blizkih rodstvennikov lica, kotoromu prestupleniem prichinena smert' // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2012. № 3 (46). S. 21-25.
9. Vasilenko L.A. Proizvodstvo po delam chastnogo obvineniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2005. S. 80.
10. Strazhevich YU.N. Pravovoj status nesovershennoletnego poterpevshego v rossijskom ugovnom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tyumen', 2008. S. 14.
11. Nikolaev M.V. Uchastie poterpevshego v ugovnom presledovanii po delam publichnogo i chastno-publichnogo obvineniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2005. S. 80.
12. Stepanov V., SHimanovskij V. Processual'noe polozhenie blizkih rodstvennikov lica, pogibshago ot prestupleniya // Socialisticheskaya zakonnost'. 1970. № 1. S. 56-57.
13. Ryzhakov A.P. Ponyatie, prava, obyazannosti i otvetstvennost' poterpevshego v rossijskom ugovnom processe. Kommentarij k stat'e 42 UPK RF // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 10.04.2019).

Об авторе: Гаврилов Максим Александрович, старший преподаватель кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
e-mail: gma2004@rambler.ru

© Гаврилов М.А., 2019.

Статья получена: 13.05.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the author: Gavrilov Maxim A., Senior Lecturer of the Department of Organization and Management in the Bodies of the Prosecutor's Office of the Kazan Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
e-mail: gma2004@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.1

DOI: 10.24420/KUI.2019.63.93.019

А.Э. Иваньшина

**ПРИНЦИПЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО
К ДОБРОВОЛЬНОМУ ПРИЗНАНИЮ СВОЕЙ ВИНЫ,
ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ СДЕЛКИ О ПРИЗНАНИИ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ США**

**PRINCIPLES OF ENCOURAGE THE ACCUSED
TO VOLUNTARY CONFESSION OF THEIR GUILT,
STEMMING FROM PLEA BARGAIN
UNDER APPLICABLE LAW OF THE USA**

Введение: в статье представлен идеологический срез сделки о признании, определены основные принципы, лежащие в основе ее уголовно-процессуальной формы, рассмотрены идеологические основы стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины в отечественном уголовном судопроизводстве. Не ставя своей задачей процедурные заимствования, автор рассматривает саму суть стимулирования как явления, присущего уголовному судопроизводству разных национальных типов. Сделка о признании по законодательству США вполне способна добавить эти оттенки сути.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания и методы, присущие юридической науке, в частности, метод сравнительно-правового исследования. Кроме того, автор применил элементы концептуально-идеологического подхода.

Результаты исследования: резюмируется, что американской сделке о признании присущи следующие принципы стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины: 1) универсализм; 2) относительная свобода инициации; 3) активность суда; 4) конфиденциальность нюансов сделки; 5) обязательное установление добровольности признания; 6) объективность истины.

Обсуждение и заключения: уголовно-процессуальный институт стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины должен опираться на определенную систему принципов, которая бы отражала универсальные концепты самой идеи указанного стимулирования и учитывала социально-культурные особенности России. Данные принципы должны способствовать достижению процедурного компромисса между публичными интересами государства и частными интересами обвиняемого.

Ключевые слова: обвиняемый, признание вины, стимулирование обвиняемого, принципы, идеологический подход, сделка о признании

Для цитирования: Иваньшина А.Э. Принципы стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины, вытекающие из сделки о признании по законодательству США // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 380-385. DOI: 10.24420/KUI.2019.63.93.019

Introduction: the article presents the ideological analysis of plea bargain, determines the basic principles in its criminal procedure form, and reviews the ideological basis of encouraging the accused to voluntary confession in Russian criminal proceedings. The author does not set the task of procedural borrowing but considers the essence of encourage as a phenomenon inherent in criminal proceedings of different national types. Plea bargain under applicable law of the USA can add these shades of the essence.

Materials and Methods: the study is based on general scientific methods of cognition and the methods inherent in legal science, in particular, on the method of comparative law research. In addition, the author applied elements of conceptual and ideological approach.

Results: the author concludes that plea bargain under applicable law of the USA inherent in the following principles of encouraging the accused to voluntary confession: 1) universalism; 2) relative freedom of encouragement; 3) activity of court; 4) confidentiality of the peculiarities of plea bargain; 5) mandatory establishment of voluntary recognition; 6) objective truth.

Discussion and Conclusions: criminal procedure institute of encourage the accused to voluntary confession should be based on a certain system of principles, that reflects universal concepts of the idea of the encouragement and takes into account socio-cultural features of Russia. These principles should contribute to a procedural compromise between the public interests of the state and private interest of the accused.

Key words: the accused, admission of guilt, stimulation of the accused, principles, ideological approach, a plea

For citation: Ivanshina A.E. Principles of encourage the accused to voluntary confession of their guilt, stemming from plea bargain under applicable law of the USA // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 380-385. DOI: 10.24420/KUI.2019.63.93.019

Введение

Добровольное признание обвиняемым своей вины имеет важнейшее значение для уголовного судопроизводства, независимо от его исторического типа и географического местоположения. Данное признание носит не только информационно-доказательственное, но и общественно-политическое значение. Во времена господства розыскного процесса публичное признание обвиняемым своей вины в судебном разбирательстве переводило уголовный процесс из сферы тайной письменной формы, закрытой для общества, в форму открытую и гласную. Сам акт добровольного признания во все времена был актом солидарности обвиняемого с публичным назначением уголовного процесса. Признательные показания обвиняемого всегда воспринимались как нечто большее, чем даже самое лучшее и совершенное доказательство. Неслучайно, что само это признание упоминается в содержании важнейших принципов уголовного судопроизводства.

Современный отечественный уголовный процесс также крайне заинтересован в добровольном признании обвиняемым своей вины и, как следствие, в системе эффективных мер, которые бы способствовали данному признанию и обеспечивали режим его добровольности. Ключевое значение признательных показаний обвиняемого заключается в том, что, утратив значение «царицы доказательств» (современные способы получения доказательственной информации вполне позволяют обходиться без признания обвиняемого), признательные показания обрели статус «царицы дифференциации» (термин профессора М.П. Полякова). Именно добровольное признание обвиняемым своей вины (согласие с предъявленным обвинением) запускает реализацию принципа процессуальной экономии, что позволяет уголовному судопроизводству решать стоящие перед ним задачи более экономными средствами. Более того, добровольное признание обвиняемым своей вины есть особый вариант реализации идеи неотвратимости ответственности за преступление.

Набор уголовно-процессуальных средств мотивации обвиняемого к добровольному признанию, знакомый отечественному законодательству, достаточно велик и разнообразен. В качестве примера можно привести возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим (ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса

РФ (УПК РФ)), а также прекращение дела в связи деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ). С признательными показаниями законодатель связывает и возможность назначения судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ). Специфическое место в системе мер стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины занимает особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ), а также порядок, предусмотренный главой 40.1 УПК РФ.

Однако указанный арсенал средств стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины едва ли можно считать исчерпывающей системой решения соответствующей проблемы. Проблема стимулирования все так же остра, как актуальна потребность уголовного процесса в признательных показаниях обвиняемого. Кроме того, указанная система являет нам весьма противоречивый набор подходов к стимулированию обвиняемого как таковому. Создается впечатление, что сами мотивационные принципы (в своей концептуальной сути) не до конца понятны отечественной юридической науке и законодательству.

В связи с этим значительный интерес представляют подходы к пониманию и решению аналогичных проблем в зарубежных странах, и в первую очередь американская сделка о признании. Указанная сделка по общим концептуальным подходам весьма схожа с особым порядком судебного разбирательства, отраженным в главах 40 и 40.1 УПК РФ. Судя по всему, именно сделка о признании и вдохновила в свое время отечественный уголовный процесс на подобную оптимизацию. Произошло если не заимствование процедуры, то заимствование отдельных концептов, в которых отразились и общие принципы стимулирования обвиняемого к даче признательных показаний. Именно эти принципы и представляют для нас научный интерес.

Подчеркнем, что нас занимает не столько технологический, сколько идеологический срез сделки о признании, определенные принципы, лежащие в основе ее уголовно-процессуальной формы. Через эти принципы и подходы мы хотим рассмотреть идеологические основы стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины в отечественном уголовном судопроизводстве. Нас интересуют в первую очередь идеи, которые окружают и вдохновляют американскую сделку о признании. Интересует их концептуальная сущность.

Обзор литературы

Проблеме стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины в российском уголовном процессе посвящено достаточно много исследований. Нередко авторы обращаются и к зарубежному опыту, в том числе и к вопросам американской сделки о признании. Но главный акцент в этих разработках делается на процедурной стороне отдельных средств стимулирования, сравнительно-правовом анализе отечественных процедурных решений с их зарубежными аналогами. Среди исследователей, занимающихся этим вопросом, можно назвать О.М. Дементьева, А.А. Иванова, М.Р. Кельбиева, Ю.В. Кувалдину, В.Н. Махова, М.А. Пешкова и других. Информация, содержащаяся в указанных источниках, является хорошим предпосылочным знанием и для поиска решения интересующей нас проблемы. Однако авторы ставили перед собой иные задачи и лишь косвенно касались цели концептуально-идеологической оценки американской сделки о признании. В связи с этим выбор источников, содержащих информацию об указанной сделке, не имел для нас особого принципиального значения, поскольку они являлись лишь «источниками доказательств» проблемы, но не доказательствами найденного решения.

Материалы и методы

Выводы, полученные в настоящей статье, опираются на общенаучные методы познания и методы, присущие юридической науке, в частности, на метод сравнительно-правового исследования. Кроме того, автором применены элементы концептуально-идеологического подхода, широко используемого представителями Нижегородской (Томинской) научной школы процессуалистов.

Результаты исследования

В концентрированном виде концепты, на которых основаны принципы стимулирования обвиняемого к признанию своей вины, сосредоточены в институте американской сделки о признании. Данная стимулирующая концепция находит свое нормативное воплощение как в странах англо-саксонской системы права (США, Англия), так и континентальной правовой системы (Германия, Испания, а теперь и Россия).

Классическая модель сделки о признании вошла в законодательство США в начале XIX века и впоследствии очень прочно укоренилась в нем. В настоящее время сделка о признании является самой актуальной и эффективной формой уголовного судопроизводства США, которая применяется в 90 % уголовных дел, рассмотренных в упрощенном порядке [4, с. 134].

Центральный концепт, который погружает сделку о признании в контекст особого целепо-

лагания, заключается в стремлении законодателя найти наиболее простые и эффективные способы правосудия, которые бы быстро и экономично восстанавливали социальное равновесие, нарушенное преступлением. Сделка о признании является ярким воплощением стремления к упрощенной форме уголовного судопроизводства.

«Преимущества упрощенных форм очевидны: их применение позволяет более эффективно регулировать направления борьбы с преступностью во всех ее проявлениях; обеспечивает максимальное приближение наказания к моменту совершения преступления; значительно усиливает профилактическое воздействие форм уголовного судопроизводства; обеспечивает, снижение процессуальных, материальных и организационных затрат на судебное разбирательство, сокращение времени прохождения дел в суде; высвобождает ресурсы и время для процессов по более сложным в разбирательстве делам» [1, с. 200].

Упрощенная форма уголовного судопроизводства, достигающая приемлемого результата малыми средствами, является важнейшим стимулом для государства в лице его судебной системы и правоохранительных органов. И государство пытается реализовать этот собственный стимул через систему мер стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины, поскольку последнее является достаточным информационным и политическим основанием для включения принципа процессуальной экономии. Эта система включает в себя не только процедурные правила, но и общие принципы стимулирования. Американская сделка о признании позволяет рассмотреть целый ряд таких принципов.

Первый принцип можно назвать «универсализмом сделки о признании». Американский законодатель смотрит на сделку не как на отступление от общего правила, а как на основное средство достижения цели. В американском уголовном процессе сделка о признании может быть достигнута по всем категориям преступлений.

Именно данный широкий подход и смущает представителей юридической науки как на родине этой сделки, так и в странах, где она применяется по аналогии. С одной стороны, принцип «универсализма сделки о признании» расширяет возможности ее применения, так как в случае признания обвиняемого в любом преступлении сторона обвинения без промедления может начать переговоры со стороной защиты. С другой стороны, такая широта применения может привести к мысли о том, что по тяжким преступлениям сделка о признании вступает в противоречие с принципом справедливости. Весьма резонно предположить, что в случае совершения тяж-

кого преступления снижение срока наказания или его смягчение, дарованные обвиняемому взамен на добровольное признание, не принесут должной моральной компенсации потерпевшей стороне.

Вместе с тем подобные ремарки, на наш взгляд, не совсем обоснованы. Во-первых, налицо избирательный подход к разным преступлениям в плане их ущерба социальной справедливости. Во-вторых, принцип универсализма сделки о признании восходит к принципу равенства всех перед законом и судом и поднимает статус признательных показаний обвиняемого независимо от тяжести совершенного преступления.

Поэтому принцип универсализма сделки о признании уместен и целесообразен, а исключения из этого принципа необходимо связывать не столько с уголовно-правовыми основаниями (тяжестью совершенного преступления), сколько с уголовно-процессуальными аспектами, в частности, с активной позицией обвиняемого по расследуемому уголовному делу. Иными словами, исключения из этого принципа должны допускаться, но они должны быть не априорными, а ситуативными.

Второй принцип стимулирования, лежащий в основе американской сделки о признании, заключается в относительной свободе инициации этой сделки. Указанная свобода определяется как относительно широким кругом инициаторов, включающим и самого обвиняемого, так и моментом, когда эту сделку можно иницировать.

В американском праве момент заключения сделки прямо не определен: обвиняемый сам может предложить сделку в момент расследования уголовного дела либо это может сделать прокурор. Довольно часто она заключается в период проведения предварительного слушания. Сделка о признании возможна на любой стадии уголовного судопроизводства, однако чем раньше обвиняемый признается, тем быстрее будет завершен этот трудоемкий процесс и стороны перейдут к заключению так называемого «контракта».

Субъектный состав лиц, участвующих в заключении подобного соглашения, включает в себя государственного обвинителя; обвиняемого и его защитника; а также суд, который вступает в их состав, как в момент заключения соглашения, так и в момент его утверждения.

Сама идея свободы инициации сделки о признании, возможность актуализации этой темы на любом этапе уголовного судопроизводства стимулирует обвиняемого к мысли о добровольном признании, заставляет его постоянно возвращаться к этой мысли, даже если он отказался от нее ранее.

Принципиальное значение в системе стимулирующих идей имеет и активность суда в сделке о

признании. По сути, эту активность можно рассматривать в качестве отдельного специфического стимулирующего принципа. На первый взгляд, эта гипотеза может показаться не совсем вписывающейся в инструментарий стимулирования собственно обвиняемого. Однако дело в том, что всякий стимулирующий принцип, по нашему мнению, имеет, как минимум, две стороны. С одной стороны, он должен вызывать побуждение у обвиняемого к добровольному признанию своей вины, а с другой – не быть ущербным для решения публичных задач.

Активность американского суда в «сделке о признании» как раз и решает эту двуединую задачу. Суд выполняет две обязательные функции: может участвовать в переговорном процессе, а также обеспечивает законность и соблюдение сторонами всех условий сделки. Каждый судья по собственному усмотрению определяет степень своего участия в сделке. Потерпевший также играет в «сделке о признании» принципиальную роль. Прокурор, перед тем как ее заключать, обговаривает с ним нюансы обвинения, сроки, сильные и слабые стороны. В случае отсутствия потерпевшего по уголовному делу прокурор такое решение принимает сам [3, с. 167-169].

На роль стимулирующего принципа может претендовать и идея конфиденциальности нюансов сделки, которая прямо вытекает из процедуры сделки о признании. Сама процедура заключения сделки о признании окутана ореолом тайны. Изначально соглашение составляется в присутствии государственного обвинителя, обвиняемого и его защитника в условиях полной конфиденциальности. В ходе составления соглашения обговариваются все условия, рассмотренные нами ранее, в ходе обсуждений которых сторона обвинения и сторона защиты должны прийти к общему решению и закончить переговоры, подписав соглашение всем составом. После этого составленное и подписанное соглашение передается судье для принятия одного из трех решений: об утверждении соглашения, о его отклонении либо об отложении принятия решения.

В случае утверждения судом сделки о признании судебное разбирательство в общем виде не проводится, судья лишь выносит обвинительный приговор, основываясь на выполнении условий соглашения. При этом суд не только выступает стороной, ответственной за окончательное принятие решения по сделке – он также проверяет ее законность и добровольность.

В указанной процедуре реализуется мотивационный принцип быстроты принятия итогового судебного решения, интересный как обвиняемому (подсудимому), так и другим участникам уголовного судопроизводства.

Важнейшим принципом стимулирования обвиняемого к признанию вины, отраженным в американской сделке о признании, является принцип обязательного установления добровольности признания. В случае если суд придет к выводу о принуждении обвиняемого к признанию либо о незаконных средствах, применяемых к нему в ходе получения показаний, соглашение сторон будет расторгнуто. Других ситуаций расторжения «сделки о признании» не предусмотрено.

Принцип активности суда в сделке о признании дополняется идеей приоритетных полномочий последнего по корректировке сделанных ранее договоренностей. Необходимо отметить, что у суда больше полномочий, чем у обеих сторон сделки о признании. Фактически все прочие субъекты в этой сделке лишь обещают (сторона обвинения) и надеются (сторона защиты). Право решения по сделке остается у суда. Выступая третьим субъектом, судья может внести свои особенные условия в реализацию сделки. Так, например, «если суд придет к выводу, что условия сделки противоречат публичным интересам ввиду чрезмерности предоставляемых обвиняемому преимуществ, либо необоснованно ущемляют интересы потерпевшего» [2, с. 285], он может принять само признание обвиняемого о его виновности и утвердить сделку, однако обговоренные ранее условия изменить. Другими словами, обвиняемый выполнит свою часть соглашения, но в ответ получит лишь частичное соблюдение договоренности. Также, несмотря на возможное несогласие обвиняемого с принятым решением суда, сделка не может быть расторгнута и реализуется в том объеме, который определит суд.

С одной стороны, данные полномочия суда являются явной издержкой рассматриваемого института, поскольку данное средство в некотором смысле теряет свой авторитет в глазах обвиняемого. Действительно, мало кто захочет заключать сделку, если есть вероятность ее несоблюдения другой стороной.

Однако если оценивать принцип активности суда в сделке о признании в контексте реализации публичных интересов, то указанные выше полномочия не создают противоречий. Суть стимулирования обвиняемого к признанию своей вины заключается в том, чтобы это стимулирование не шло вразрез с публичными целями, более того, позволяло эффективно эти цели достигать. Публичный интерес в институте стимулирования все же

находится на первом месте. Именно активность суда и является тем гармонизирующим средством, которое сглаживает издержки принципа универсализма сделки о признании.

Следующий принцип, который можно рассматривать применительно к американской сделке о признании, может вполне быть назван принципом объективной истины. За американским судом сохраняется право на исследование доказательств. Эта идея вытекает из установки, что обвиняемого непременно следует стимулировать к признанию вины, но к признанию именно своей вины. Поэтому суд не может быть не озабочен проблемами истинных оснований своего решения. Кроме того, к этому его обязывают опять же и публичные интересы.

При утверждении сделки судом в расчет берутся доказательства по уголовному делу, необходимые для подтверждения вины обвиняемого, а также адекватности принятого решения. Для этого суд может изучить отдельные доказательства, но в целом «судебное исследование других доказательств (а значит, и доказательств, представленных защитой) не производится» [3, с. 167-169]. В случае изъявления желания обвиняемым заключить сделку о признании в момент предварительного слушания, суд чаще всего изучает все доказательства, в связи с тем что сама стадия предусматривает такую деятельность. В ходе изучения доказательств по делу и получения устойчивой доказательственной базы обвиняемый идет на данную сделку в целях улучшения своего положения [3, с. 167-169].

Обсуждение и заключения

Концептуально-идеологический взгляд на американскую сделку о признании позволил нам прийти к выводу, что отечественный уголовно-процессуальный институт стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины должен опираться на определенную систему принципов, которая бы отражала универсальные концепты самой идеи указанного стимулирования и учитывала социально-культурные особенности России. Данные принципы должны способствовать достижению процедурного компромисса между публичными интересами государства и частными интересами обвиняемого. Именно такой подход может способствовать разработке эффективной уголовно-процессуальных производств, имеющих в качестве своего процедурного основания согласие обвиняемого с предъявленным обвинением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кувалдина Ю.В. Сделка о признании вины: опыт уголовного судопроизводства США // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России. Самара, 2005. С. 198-214.
2. Иванов А.А. Правовое регулирование института сделок о признании вины в США // Вестник ННГУ. 2012. № 2-1. С. 282-286.
3. Махов В.Н., Пешков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии) : учебное пособие. М.: ЗАО "Бизнес-школа "Интел-Синтез", 1998. 208 с.
4. Кельбиев М.Р. Сравнительно-правовой анализ американской сделки о признании вины и особого порядка судебного разбирательства российского уголовного судопроизводства // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2010. № 4. С. 130-136.

REFERENCES

1. Kuvaldina YU.V. Sdelka o priznanii viny: opyt ugovornogo sudoproizvodstva SSHA // Aktual'nye problemy sovremennogo ugovornogo processa Rossii. Samara, 2005. S. 198-214.
2. Ivanov A.A. Pravovoe regulirovanie instituta sdelok o priznanii viny v SSHA // Vestnik NNGU. 2012. № 2-1. S. 282-286.
3. Mahov V.N., Peshkov M.A. Ugolovnyj process SSHA (dosudebnye stadii) : uchebnoe posobie. M.: ZAO "Biznes-shkola "Intel-Sintez", 1998. 208 s.
4. Kel'biev M.R. Sravnitel'no-pravovoj analiz amerikanskoj sdelki o priznanii viny i osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva rossijskogo ugovornogo sudoproizvodstva // Vestnik RUDN. Seriya: YUridicheskie nauki. 2010. № 4. S. 130-136.

Об авторе: Иваньшина Анастасия Эдуардовна, адъюнкт Нижегородской академии МВД России
e-mail: 19nastja94@mail.ru
© Иваньшина А.Э., 2019.

Статья получена: 22.04.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.
Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the author: Ivanshina Anastasia E., Postgraduate of Nizhny Novgorod Academy of MIA of Russia
e-mail: 19nastja94@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.14

DOI: 10.24420/KUI.2019.37.25.020

Л.К. Капустина

СООТНОШЕНИЕ ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

THE CORRELATION OF ADMISSIBILITY AND RELIABILITY OF EVIDENCE IN CRIMINAL LEGAL PROCEDURE

Введение: в статье рассматривается соотношение допустимости и достоверности доказательств при производстве по уголовным делам, а также освещаются недостатки уголовно-процессуального законодательства, выявленные на основании анализа материалов правоприменительной практики.

Материалы и методы: методологической основой для данной статьи послужили анализ и обобщение судебной практики, отражающей особенности и последствия осуществления норм Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) в части оценки допустимости и достоверности доказательств. Эмпирическую основу исследования составили вступившие в законную силу решения судов различных регионов Российской Федерации по уголовным делам.

Результаты исследования: анализ материалов судебной практики выявил проблемы соотношения допустимости и достоверности доказательств, которые сводятся к нарушению прав и свобод граждан при уголовном судопроизводстве.

Обсуждение и заключения: представлен авторский подход к разрешению освещенных проблем, который сводится к достижению равенства допустимости и достоверности доказательств и их одновременной оценке в ходе уголовного судопроизводства с учетом изменений уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; оценка доказательств по уголовным делам; допустимость доказательств; достоверность доказательств; доказательства; доказывание

Для цитирования: Капустина Л.К. Соотношение допустимости и достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 386-390. DOI: 10.24420/KUI.2019.37.25.020

Introduction: the correlation of admissibility and reliability of evidence in criminal legal proceedings are discussing in the article. Shortcomings of criminal procedure legislation in the analysis of jurisprudence are highlighted.

Materials and Methods: analysis and synthesis of jurisprudence reflected characteristics and implication of realization of the rules of the Code of Criminal Procedure of Russia about admissibility and reliability of evidence are the methodological base for the article. The empirical basis of the article is decisions of Russian courts.

Results: the analysis of the criminal procedure legislation reveals challenges of the correlation of admissibility and reliability of evidence that relate to violation of rights and freedoms of citizens in criminal procedure.

Discussion and Conclusions: the author's approach of solving the problems considered is specified in the article that consists in equality between admissibility and reliability of evidence and simultaneous assessment in criminal legal procedure taking into consideration the changing in criminal procedure legislation.

Key words: criminal procedure; assessment of criminal evidence; admissibility of the evidence; reliability of the evidence; evidence; proving

For citation: Kapustina L.K. The correlation of admissibility and reliability of evidence in criminal legal procedure // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 386-390. DOI: 10.24420/KUI.2019.37.25.020

Введение

Современное уголовно-процессуальное законодательство, отдающее предпочтение допустимости доказательств и отделяющее ее от достоверности, создало опасный «побочный эффект», который выражается в принятии процессуальных решений, основанных на «внешне» допустимых доказательствах, но при этом не являющихся достоверными. Под «внешне» допустимыми доказательствами мы понимаем доказательства, отвечающие тем строгим критериям допустимости, которые отражены в статье 75 УПК РФ и иных нормативных правовых актах.

Ярко иллюстрирует проблему разрыва допустимости и достоверности доказательств официальное обращение В.А. Колокольцева от 11 июня 2019 года, из которого стало известно о прекращении уголовного преследования в связи с недоказанностью участия И. Голунова в совершении преступления и освобождении из-под домашнего ареста со снятием предъявленного обвинения¹. Из смысла обращения становится понятно, что в ходе предварительного расследования были получены «внешне» допустимые доказательства, оценка которых позволила предъявить журналисту обвинение по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, а также избрать меру пресечения в виде домашнего ареста. В последующем было установлено, что «при осуществлении оперативно-розыскной деятельности по данному уголовному делу сотрудниками полиции допущены нарушения»². Доказательства, полученные с нарушением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», не соответствовали действительности, следовательно, были недостоверными. Тем не менее к лицу, не причастному к совершению инкриминируемого преступления, на момент выяснения фактов недостоверности уже были применены меры процессуального принуждения. И основанием принятия подобного решения явились «внешне» допустимые доказательства.

Таким образом, «искусственный» разрыв между двумя свойствами доказательств, продиктованный формулировками норм УПК РФ, а также отсутствующий механизм одновременной оценки достоверности и допустимости доказательств приводят к нарушению прав и свобод граждан в процессе уголовного судопроизводства.

Обзор литературы

Вопросы соотношения допустимости и достоверности доказательств нередко становятся объектами исследований отечественных ученых.

В науке уголовного процесса распространена точка зрения, согласно которой оценке достоверности предшествует оценка допустимости доказательств [1, с. 9; 2, с. 101; 3, с. 54]. Иными словами, лишь признанные ранее допустимыми доказательства могут в дальнейшем подвергаться оценке с точки зрения допустимости.

Подобная позиция продиктована действующим уголовно-процессуальным законодательством. Поскольку допустимость и достоверность позиционируются как отдельные свойства доказательств, оценка одного всегда предшествует другому, чем обеспечивается «фильтрация через закон» информации, претендующей на статус доказательств по уголовным делам.

В.С. Балакшин не просто отделяет допустимость и достоверность доказательств, но и говорит о негативных последствиях какого-либо их смешения [1, с. 9].

Придерживаясь озвученного подхода и подчеркивая самостоятельность каждого из упомянутых свойств, Т.И. Шаповалова и Е.В. Бондар делают акцент на том, что «допустимость, достоверность являются не соподчиненными свойствами одного и того же явления; сначала оценивается допустимость, поскольку сведения должны быть собраны в установленном порядке; затем – достоверность» [2, с. 101]. При этом авторы все же указывают на наличие связи между рассматриваемыми свойствами доказательств, которая, по их мнению, выражается в зависимости достоверности от допустимости, поскольку «только допустимое доказательство может быть достоверным или не достоверным» [2, с. 101].

Интересной видится позиция Р.Г. Непранова, также рассматривающего допустимость и достоверность в последовательной взаимосвязи. Автор указывает на нормы законодательства, которые устанавливают строгую последовательность для оценки свойств доказательств, делая невозможным оценивание с позиции достоверности тех доказательств, что были признаны недопустимыми. При этом автором обоснованно высказывается проблема утраченной возможности правоприменителя «разобраться в том, достоверна или не достоверна та или иная информация, относящаяся к делу» [3, с. 54], содержащаяся в доказательствах, после того как в ходе предварительного расследования они были исключены по причине недопустимости. Решение сложившейся ситуации Р.Г. Непранов видит в том, чтобы «не исключать доказательства на ранних этапах расследова-

¹ Официальная информация. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL.: <https://мвд.рф/news/item/17219712> (дата обращения: 26.06.2019).

² Официальная информация. Официальный сайт ГУ МВД России по г. Москве. URL.: <https://77.xn--blaew.xn--plai/news/item/17329411/> (дата обращения: 26.06.2019).

ния уголовного дела» [3, с. 54], однако в вопросах соотношения допустимости и достоверности придерживается последовательного оценивания свойств доказательств – сначала оценивается допустимость, после чего дается оценка достоверности доказательств. Кроме того, Р.Г. Непранов разделяет мнение, согласно которому «оценке с точки зрения достоверности должны подвергаться лишь те доказательства, которые ранее были признаны допустимыми» [3, с. 54], тем самым разделяя допустимость и достоверность.

В вопросах соотношения допустимости и достоверности нам близка позиция И.В. Абросимова, который указывает на единую целостность двух свойств. Автор считает, что «правила и тактические приемы обеспечения достоверности доказательств могут стать гарантией допустимости и наоборот» [4, с. 25].

Материалы и методы

Высказывание о доказательствах допустимых, но не достоверных может претендовать на статус «оксюморона» доказывания. Однако, к сожалению, в современных реалиях оно абсолютно справедливо, поскольку отражает действительность правоприменительной практики. Имеющийся механизм оценки допустимости доказательств, сочетающийся с полным отсутствием такого механизма оценки достоверности доказательств, приводит к тому, что субъекты уголовного судопроизводства при принятии процессуальных решений игнорируют исследование достоверности. Итогом такой деятельности является незаконное ограничение и нарушение прав лиц, не причастных к совершению преступлений. Данный вывод сделан на основе такого метода исследования, как анализ.

При написании данной статьи автором были проанализированы вступившие в законную силу решения судов различных регионов Российской Федерации по уголовным делам, иллюстрирующие негативные последствия разрыва допустимости и достоверности доказательств, имеющего место в современной судебной-следственной практике. Материалами исследования, подтвердившими выдвинутую гипотезу, послужили: приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 2 октября 2018 года по делу №01-0123/2018; апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда

г. Москвы от 13 марта 2013 года по делу №10-1263/2015; постановление Президиума Московского городского суда от 13 ноября 2015 года по делу № 44у-0289/15; апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2018 года по делу № 18-АПУ18-9сп.

Результаты исследования

Из проведенного автором статьи анализа материалов правоприменительной практики следует, что в судебной практике встречаются случаи нарушений закона, которые влияют на достоверность доказательств. Зачастую последствиями подобного влияния становятся принятые процессуальные решения, ущемляющие права и свободы лиц, не подлежащих привлечению к уголовной ответственности.

Мещанским районным судом г. Москвы признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч.3 ст. 286 Уголовного кодекса РФ (УК РФ), бывшие сотрудники полиции С. и А. Потерпевшими по данному делу являются Ч. и П. Из смысла приговора становится понятно, что в результате превышения С. и А. должностных полномочий потерпевшим Ч. и П. были причинены «тяжкие последствия в виде незаконного уголовного преследования и длительного лишения свободы в период заключения под стражу, нарушения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность»¹. Ранее основаниями для привлечения к уголовной ответственности Ч. и П. явились доказательства, полученные с нарушением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также показания Р., которые не соответствовали действительности, а были подготовлены сотрудниками полиции С. и А. от имени Р. Постановлением президиума Московского городского суда ранее вынесенное апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда² в отношении Ч. и П. было отменено³.

«Внешне» допустимые доказательства, являющиеся недостоверными, не помешали в суде первой и апелляционной инстанции принять решение о виновности лиц в совершении преступления, которое ими не совершалось. Подобного рода решения подтверждают гипотезу об опасности разобщения допустимости и достоверности доказательств.

¹ Приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 02 октября 2018 года по делу № 01-0123/2018. Суды общей юрисдикции города Москвы: официальный портал. URL.: <https://mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij/services/cases/criminal/details/f7aeefe1-6490-4018-9751-cbdb27a5825d?caseJudge=> (дата обращения: 31.05.2019).

² Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда г. Москвы от 13 марта 2013 года по делу №10-1263/2015. Суды общей юрисдикции города Москвы: официальный портал. URL.: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/8b1c9897-e902-434c-b04d-4cab51128b86?respondent=> (дата обращения: 31.05.2019).

³ Постановление Президиума Московского городского суда от 13 ноября 2015 года по делу №44у-0289/15. Суды общей юрисдикции города Москвы: официальный портал. URL.: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/presidium-criminal/details/19970d11-03ad-4544-addf-f65515b02cbd?caseNumber=N+44%D1%83-289/15> (дата обращения: 31.05.2019).

О том, что в современном уголовном судопроизводстве существуют доказательства допустимые, но не достоверные, свидетельствует апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 18-АПУ18-9сп в отношении И. Из смысла определения становится понятно, что государственный обвинитель через апелляционное представление инициировал обращение в Верховный Суд РФ, сославшись на многочисленные нарушения, допущенные при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, одним из которых явилось высказанное со стороны защиты сомнение в допустимости доказательств в присутствии присяжных заседателей. В ответ на обращение судебная коллегия указала, что «в присутствии присяжных заседателей не затрагивались процессуальные вопросы»¹. По мнению судебной коллегии, «сторона защиты оценивала доказательства с точки зрения их достоверности, а не допустимости», что не является нарушением.

Разрыв между допустимостью и достоверностью в вышеописанном примере не повлиял на исход дела. Апелляционное представление прокурора было оставлено без удовлетворения, приговор Краснодарского краевого суда с участием присяжных заседателей об оправдании И. – без изменения. Тем не менее на стадии предварительного расследования к И. применялись меры процессуального принуждения, основанием для которых явились недостоверные доказательства. Это подчеркивает неверный подход к восприятию допустимости и достоверности доказательств как автономно существующих свойств.

Однако анализ судебной практики показал и иной вид нарушений, при которых существует возможность проверки информации иным способом, позволяющим установить ее достоверность. Так, из смысла постановления президиума Тверского областного суда стало понятно, что при расследовании уголовного дела по ч.1 ст.222 УК РФ в отношении Л. требования Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» формально соблюдены не были². Напомним, что абз. 2 п.1 ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» при изъятии документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий обязывает должностное лицо, осуществившее изъятие, составить протокол в

соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации³. По рассматриваемому уголовному делу данные требования закона формально соблюдены не были: был составлен акт при изъятии патронов в жилище Л. Президиум Тверского областного суда данное нарушение существенным не признал, сославшись на отсутствие обстоятельств, ставящих под сомнение законность и достоверность отраженных в акте сведений, а также, аргументируя свое решение, сослался на тот факт, что «оперативно-розыскное мероприятие проведено на основании судебного решения, в его проведении участвовали двое незаинтересованных лиц, которые удостоверили ход и результаты мероприятия, сам Л. также участвовал в данном мероприятии, каких-либо замечаний не имел».

Таким образом, анализ судебной практики свидетельствует о распространенности случаев, когда нарушения закона при сборе доказательств происходят по причине имеющихся изначально недостоверных сведений, претендующих на статус доказательств, когда субъектами доказывания или иными лицами предпринимаются попытки «возведения» данных сведений в ранг доказательств. Иными словами, выявленное нарушение закона при получении доказательства может сигнализировать о недостоверности информации, в нем содержащейся. И именно такие нарушения, которые повлияли или могли повлиять на достоверность сведений, представляют особую опасность для целей доказывания. В связи с этим лицам, ответственным за уголовное судопроизводство, необходимо принять меры к проверке иными законными способами содержащейся в таких доказательствах информации.

Обсуждение и заключения

После анализа судебной практики и теоретических подходов о соотношении допустимости и достоверности доказательств возникает вопрос о целесообразности отделения рассматриваемых свойств доказательств. К сожалению, формула, согласно которой сумма допустимого и недостоверного свойств доказательств приводит к результату в виде принятых процессуальных решений, незаконно ущемляющих права и свободы граждан, встречается в судебной практике.

Учитывая, что внешне допустимые доказательства, не являющиеся достоверными, могут

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2018 года по делу № 18-АПУ18-9сп. Верховный Суд Российской Федерации. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1665544 (дата обращения: 01.07.2019).

² Постановление президиума Тверского областного суда № 44-118/2016 от 19 сентября 2016 года по делу № 44у-118/2016. Судact.ru. URL.: <https://sudact.ru/regular/doc/elbu1yHонrp/?regular-txt=> (дата обращения: 01.07.2019).

³ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

лечь в основу процессуальных решений и повлечь ущемление прав и свобод граждан, законодательно необходимо упразднить подобный негативный побочный эффект, возникший в результате функционирования существующих уголовно-процессуальных норм, изменив данные нормы.

Как было сказано, нарушения, допущенные при получении доказательств, могут влиять на их достоверность. В связи с этим первым шагом в решении обозначенной проблемы могло бы стать соотношение достоверности с допустимостью доказательств в отечественном законодательстве. Так, ст. 75 УПК РФ в контексте недопустимости доказательств могла бы содержать указание на нарушения, которые повлияли или могли повли-

ять на достоверность полученных фактических данных. Таким образом, первую часть ч. 1 ст. 75 УПК РФ можно изложить в следующей редакции: «Фактические данные, полученные с нарушением требований закона, которое повлияло или могло повлиять на их достоверность, признаются недопустимыми в качестве доказательств».

Подобная формулировка послужит сдерживающим фактором на пути использования доказательств, которые не соответствуют действительности, а также способом разрешения главенства формы над реальностью, а это значит, что у лиц, ответственных за судопроизводство, появится инструмент, способствующий улучшению качества процесса доказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакшин В.С. Соотношение допустимости доказательств с их относимостью и достоверностью // Законность. 2014. № 3. С. 8 – 14.
2. Шаповалова Т.И., Бондар Е.В. Соотношение достоверности и допустимости доказательств в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 6. С. 97 – 101.
3. Непранов Р.Г. Некоторые вопросы оценки свойств доказательств в уголовно-процессуальном праве России // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 4 (59). С. 50 – 55.
4. Абросимов И.В. Актуальные вопросы обеспечения допустимости и достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2007. 26 с.

REFERENCES

1. Balakshin V.S. Sootnoshenie dopustimosti dokazatel'stv s ih odnosimost'yu i dostovernost'yu // Zakonnost'. 2014. № 3. S. 8 – 14.
2. Shapovalova T.I., Bondar E.V. Sootnoshenie dostovernosti i dopustimosti dokazatel'stv v ugolovnom processe // Ugolovnoe pravo. 2007. № 6. S. 97 – 101.
3. Nepranov R.G. Nekotorye voprosy ocenki svojstv dokazatel'stv v ugolovno-processual'nom prave Rossii // Yurist'-Pravoved". 2013. № 4 (59). S. 50 – 55.
4. Abrosimov I.V. Aktual'nye voprosy obespecheniya dopustimosti i dostovernosti dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09. M., 2007. 26 s.

Об авторе: Капустина Лилия Константиновна, адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России

e-mail: liliakapustina90@gmail.com.

© Капустина Л.К., 2019.

Статья получена: 10.07.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the author: Kapustina Lilia K., Postgraduate of the Department of Criminal Proceedings of Saint-Petersburg University of MIA of Russia

e-mail: liliakapustina90@gmail.com.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Н.О. Карпов

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА
ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ
В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО
ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ**

**CRIMINALISTIC FEATURES OF ELECTRONIC DATA STORAGE
DEVICES EXAMINATION IN THE COURSE
OF AN INVESTIGATION OF UNLAWFUL
CIRCULATION OF MEANS OF PAYMENTS**

Введение: в статье представлен анализ производства следственного осмотра электронных носителей информации, в результате которого сформулирован алгоритм действий и выявлены криминалистические особенности его производства.

Материалы и методы: в процессе проведенного исследования применялись следующие методы: обобщение следственной практики, аналитический, формально-логический, сравнительно-правовой, логико-юридический. В качестве материалов исследования выступили труды современных авторов в области криминалистики, уголовные дела, по которым проводились осмотры такого рода, результаты опроса сотрудников органов предварительного следствия, проводивших указанное следственное действие. При написании статьи использован практический опыт автора статьи.

Результаты исследования: в ходе изучения данной проблемы разработан алгоритм действий на предварительном и рабочем этапах следственного осмотра электронных носителей информации, в котором указан не только общий порядок действий, но и особенности производства данного следственного действия при расследовании неправомерного оборота средств платежей.

Обсуждение и заключения: в результате рассмотрения данной проблемы можно прийти к выводу, что появление и развитие электронных носителей информации существенно повлияло на особенности и порядок проведения их осмотра: его производство требует более тщательной подготовки и имеет определенный алгоритм работы, которого необходимо придерживаться.

Ключевые слова: *неправомерный оборот средств платежей, статья 187 УК РФ, осмотр, электронные носители информации, осмотр электронных устройств, особенности осмотра*

Для цитирования: Карпов Н.О. Криминалистические особенности осмотра электронных носителей информации в ходе расследования неправомерного оборота средств платежей // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 391-395. DOI: 10.24420/KUI.2019.81.52.021

Introduction: the article presents the analysis of investigation of electronic media which allows formulate an algorithm and forensic features of its process.

Materials and Methods: in the process of the study, the following methods are used: a generalization of investigative practice; analytical; formal logical; comparative legal; logical legal. Works of modern authors on forensics, criminal cases, results of the survey among employees of bodies of preliminary investigation, who conducted this type of investigation, are used as research materials. The author's experience is used in the course of writing the article.

Results: during the study, an algorithm of actions at preliminary and working stages of the investigative examination of electronic data storage devices has been developed, which indicates not only the general procedure for the investigative examination of such media, but also features of the investigative examination during the investigation of illegal circulation of means of payment.

Discussion and Conclusions: it can be concluded that the emergence and development of electronic data storage devices significantly affected features and procedure for their investigative examination: its process requires a thorough preparation and has a definite algorithm that is necessary to adhere.

Key words: *illegal circulation of means of payments, Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, investigative examination, electronic data storage device, investigative examination of electronic devices, investigative examination features*

For citation: Karpov N.O. Criminalistic features of electronic data storage devices examination in the course of an investigation of unlawful circulation of means of payments // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 391-395. DOI: 10.24420/KUI.2019.81.52.021

Введение

В настоящее время все чаще злоумышленники при совершении преступлений используют высокие технологии (в том числе компьютерные технологии и телекоммуникационную сеть «Интернет»), так как их развитие происходит достаточно стремительно. Высокотехнологичные средства используются преступниками не только для совершения преступлений, но и для сокрытия как самого факта совершения преступления, так и следов его совершения. На этот аспект преступной деятельности обратил внимание и Главный информационно-аналитический центр МВД России, который в отчете о состоянии преступности в 2017 году начал публиковать сведения о количестве преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, которых, согласно имеющейся на официальном сайте МВД России информации, за 2017 год в России совершено 90 587, а за 2018 год – уже 174 674¹. Ежегодно растет и количество преступлений, предусмотренных статьей 187 Уголовного кодекса РФ (УК РФ): в 2016 году по данной статье осуждено 32 человека, в 2017 году – 40 человек, а в 2018 году – уже 56 человек².

При этом в некоторых случаях без использования компьютерных технологий совершение указанного преступления невозможно. Так, например, без использования компьютерных технологий (персональных компьютеров, электронных носителей информации и т.д.) невозможно совершить неправомерный оборот электронных носителей информации и компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств. Весьма затруднительным будет совершение неправомерного оборота поддельных платежных карт, так как в большинстве случаев это высокотехнологичный процесс, включающий в себя ряд этапов, требующих использования не только персонального компьютера, но и специального программного обеспечения, а также специальных электронных устройств (скиммеров, энкодеров, накладок на клавиатуру банкомата и т.д.).

Материалы и методы

В процессе исследования осуществлялось обобщение следственной практики, произведен анализ трудов современных авторов в области криминалистики, а также эмпирических данных: в процессе

исследования изучались уголовные дела, по которым проводились осмотры электронных носителей информации, опрошены сотрудники органов предварительного следствия, которые непосредственно проводили указанное следственное действие. В ходе обработки данных применялись формально-логический, сравнительно-правовой и логико-юридический методы. Кроме того, при написании статьи использован практический опыт автора статьи.

Обзор литературы

В работах современных ученых рассмотрены различные аспекты проблемы осмотра электронных носителей информации в ходе расследования неправомерного оборота средств платежей. Так, общие положения криминалистических особенностей проведения осмотра изучены в работах О.В. Чельшевой [1]; тактика проведения следственных осмотров в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. 187 УК РФ, проанализирована в диссертационных исследованиях Т.И. Абдурагимовой [2] и С.В. Воронцовой [3]; непосредственно следственному осмотру электронных носителей информации посвящены работы В.О. Давыдова [4], В.В. Клевцова [5] и др.

Результаты исследования

Результаты теоретического и практического исследования проблемы позволяют сделать ряд умозаключений, имеющих особую важность для деятельности сотрудников органов внутренних дел. В ходе расследования неправомерного оборота средства платежей крайне важно тщательно и всесторонне произвести осмотр изъятых в ходе предварительного следствия электронных носителей информации. При этом в ходе производства данного следственного действия следует не только уделить внимание поиску имеющей значение для уголовного дела информации, но и минимизировать риск ее утраты.

При подготовке к проведению данного следственного действия рекомендуется [4]:

1. Пригласить IT-специалиста (от англ. information technologies – информационные технологии) для участия в следственном действии. В качестве такого специалиста может принимать участие как эксперт экспертно-криминалистического подразделения с соответствующим допуском, так и специалист сторонней организации, обладающий специальными познаниями в данной области. Участие указанного специалиста при проведении следственного действия крайне важно

¹ Состояние преступности в России за январь-октябрь 2017 года и за январь-декабрь 2018 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/11715403>, свободный (дата обращения: 20.06.2019).

² Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 01.04.2019).

в связи с тем, что он может помочь не только обнаружить скрытые на носителе информации сведения, но и предотвратить уничтожение искомым файлов. В ряде случаев такие специалисты могут также извлечь из носителя информации ранее удаленные с него файлы. Для этого специалист должен располагать набором сервисных программ, обеспечивающих соответствующую работу с файлами [6]. В качестве специалистов в сфере информационных технологий могут быть привлечены эксперты ведомственных экспертных подразделений с допуском к проведению компьютерных и радиотехнических экспертиз, а также аналогичные эксперты иных государственных экспертных учреждений и специалисты частных организаций, осуществляющих деятельность в данной сфере.

2. Определить место проведения следственного действия. Местом проведения осмотра уже изъятых электронных носителей информации, как правило, является служебный кабинет следователя [7]. Однако по данному вопросу необходимо проконсультироваться со специалистом, так как при необходимости использования различного оборудования, которое специалист по каким-либо причинам не сможет принести в кабинет следователя, требуется рассмотреть вопрос о проведении такого следственного действия непосредственно в экспертном учреждении или ином подходящем для этого помещении.

3. Подготовить необходимые технические средства и устройства. Данный вопрос так же, как и в вышеуказанном случае, необходимо решить непосредственно со специалистом, так как, помимо имеющегося у него оборудования, могут понадобиться дополнительные технические средства и устройства, которые либо у него отсутствуют, либо более целесообразно предоставить их по месту проведения следственного действия. Так, например, при необходимости использования персонального компьютера специалист, при отсутствии у него портативного компьютера, может попросить обеспечить его им по месту проведения следственного действия. Помимо этого, при планируемом копировании информации большого объема специалист может попросить предоставить ему отдельный электронный носитель информации соответствующего объема.

Ряд авторов (например, У.А. Мусаева [8]) в своих работах указывают на необходимость привлечения сотрудников подразделений по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий (например, сотрудников управлений (отделов) «К» МВД России). Конечно, стоит отметить, что такая необходимость прежде всего может возникнуть в ходе проведения именно осмотра места происшествия, так как в таком случае чаще всего может потребоваться срочное выполнение поручения следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также

задержание преступника по горячим следам и иное содействие следователю. Тем не менее считаем не лишним присутствие такого сотрудника и в ходе следственного осмотра уже изъятых электронных носителей информации с целью скорейшего получения им оперативно значимой информации и своевременного реагирования на ее поступление.

После того как все подготовительные мероприятия выполнены, можно приступать непосредственно к проведению осмотра.

Особенности осмотра прежде всего зависят от типа осматриваемого электронного носителя информации, так как носители могут быть не только сменными, как, например, флэш-карты, компакт-диски и прочее. Большинство электронных носителей информации, имеющих значение для расследования вышеуказанных преступлений, являются конструктивно входящими в компьютерную систему, а именно: встроенная память персональных компьютеров, планшетных компьютеров, мобильных устройств и так далее. При осмотре таких устройств следует помнить о некоторых особенностях, которые могут повлиять на порядок их осмотра:

1) наличие в данных устройствах оперативной (то есть энергозависимой) памяти, откуда информация пропадает при отключении энергии. Как правило, в данной памяти содержатся сведения об открытых в данный момент приложениях и о выполненных в данных приложениях операциях. Эту особенность необходимо учитывать при осмотре устройств со встроенным источником энергии (ноутбуки, планшетные компьютеры и т.д.), так как в данном случае имеется вероятность того, что устройство с момента изъятия не выключалось. Если так, то сначала в таких устройствах необходимо осмотреть запущенные на нем приложения, а уже после этого можно выключать устройства, а также изымать из них модули памяти и производить прочие манипуляции. В настоящее время в целях получения указанной информации возможно применение специальных программных комплексов (АПК «UFED 32» и ПО «Мобильный криминалист»), однако в связи с их высокой стоимостью в настоящее время такие комплексы мало распространены и их применение в ходе осмотра затруднительно;

2) на многих устройствах (преимущественно на смартфонах и планшетных компьютерах) при однократном нажатии на кнопку «выключение» устройство переводится в так называемый режим гибернации (то есть «засыпания»). В данном режиме оперативная память устройства продолжает функционировать, что позволяет осмотреть запущенные на нем приложения. Однако стоит помнить, что в таком режиме в большинстве случаев устройство может находиться в зависимости от емкости аккумулятора до нескольких суток, в связи

с чем необходимо как можно скорее после изъятия приступить к осмотру таких устройств;

3) на современных устройствах (преимущественно работающих на операционных системах Android и iOS) имеется встроенная функция дистанционной блокировки устройства его владельцем. После активации блокировки устройства доступ в него блокируется при первом же его подключении к Интернету. Во избежание подобных последствий перед началом осмотра устройства необходимо извлечь из него сим-карту (если таковая имеется), а также перевести его в режим «полета» (при котором отключаются все беспроводные соединения с устройством) либо вручную отключить «Wi-Fi», «Bluetooth» и интернет-соединение посредством сотовой связи.

В.О. Давыдов [4] предлагает следующий алгоритм общего порядка осмотра электронных носителей информации:

1) определить технические параметры устройства, а также его вид, тип и назначение;

2) изучить внешний вид устройства с целью установления надписей, физических повреждений, индивидуальных признаков и т.д.;

3) определить техническое состояние носителя информации (размеры, индивидуальные признаки и т.д.);

4) установить, имеются ли у устройства разъемы, а также определить их количество и состояние для подключения к считывающему оборудованию;

5) установить, имеются ли признаки защиты носителей информации, а также их подделки;

6) посредством специального программного обеспечения проверить записанные на носителе данные на предмет отсутствия в них вредоносных программных и аппаратных средств;

7) осуществить поиск закодированных, скрытых, а также удаленных ранее файлов.

Учитывая популярность использования онлайн-хранилищ информации (или облачных хранилищ данных), необходимо в ходе осмотра также установить, имеется ли доступ к таковым у осматриваемого устройства.

Облачные хранилища информации представляют собой различные серверы, на которых пользователю предоставляется определенный объем памяти для хранения данных. Доступ к таким хранилищам осуществляется только посредством сети Интернет. В настоящее время наиболее распространенными среди облачных хранилищ данных являются «Dropbox», «OneDrive», «Google Drive», «iCloud», «Яндекс. Диск», «Облако Mail.Ru»¹. Осуществляя следственные действия по делам о неправомерном обороте средств платежей в ходе осмотра данных, имеющихся на электронных носителях информации, следует обратить внимание на:

1) наличие программного обеспечения, предназначенного для работы со «скиммерами» и энкодерами (устройствами, считывающими и записывающими информацию на магнитные полосы и микрочипы пластиковых карт), и прочего программного обеспечения, предназначенного для просмотра, редактирования и сохранения информации, содержащейся на магнитной полосе и микрочипе банковских карт;

2) наличие дампов (информации, содержащейся на магнитной полосе и микрочипе пластиковой карты) банковских карт, а также файлов или их фрагментов, содержащих инструкцию по использованию, подготовке к работе «скиммеров», накладных клавиатур;

3) наличие иного программного обеспечения, предназначенного для неправомерного приема, выдачи, перевода денежных средств, а также файлов или их фрагментов, содержащих инструкцию по использованию предназначенных для того же средств, устройств и компьютерных программ;

4) наличие переписки, подтверждающей причастность лица к неправомерному обороту средств платежей, содержащейся в «мессенджерах» (то есть в приложениях, предназначенных для мгновенного обмена сообщениями, таких как «WhatsApp», «Viber», «Telegram» и др.);

5) наличие доступа к электронной почте пользователя и к его аккаунтам в социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook» и др.), а также наличие в них переписки, файлов и документов, подтверждающих причастность лица к неправомерному обороту средств платежей.

По мнению У.А. Мусаевой [8], в ходе осмотра необходимо также проводить поэтапную детальную фотосъемку экрана осматриваемого устройства с информацией, имеющей значение для уголовного дела.

Следует также помнить, что обнаруженные в устройствах электронные сообщения в соответствии с ч. 7 ст. 185 Уголовно-процессуального кодекса РФ могут быть осмотрены только при наличии разрешения суда.

Обсуждение и заключения

В результате изучения вышеуказанной проблемы можно прийти к выводу, что в связи с широким использованием достижений в сфере высоких технологий организация и производство осмотра электронных носителей информации имеют свои особенности. Прежде всего, такие особенности выражаются в более тщательной подготовке к данному следственному действию, а именно в необходимости привлечения специалиста, правильном определении места его проведения и обеспечении наличия в ходе указанного следственного действия необходимого оборудования и программного обеспечения. Также особенности производства указанного осмо-

¹ 10 лучших платных и бесплатных облачных хранилищ данных // Compcnfig. URL: <http://compcnfig.ru/internet/oblachnnye-hranilischa-dannyh.html> (дата обращения: 14.05.2018).

тра имеются и на рабочем этапе, которые связаны с наличием в современных устройствах режима «гибернации» и функции дистанционной блокировки устройства. Кроме того, по сравнению с осмотром иных предметов и документов, вышеуказанный осмотр имеет определенный алгоритм действий, связанный со спецификой объекта исследования, которого необходимо придерживаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чельшева О.В. Гносеологические основы отечественной криминалистики: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Санкт-Петербург, 2003. 300 с.
2. Абдурагимова Т.И. Раскрытие и расследование изготовления, сбыта и использования поддельных кредитных и расчетных пластиковых карт: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2001. 201 с.
3. Воронцова С.В. Доказывание по уголовным делам об изготовлении или сбыте поддельных кредитных либо расчетных карт: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 М., 2005. 204 с.
4. Давыдов В.О. О криминалистических рекомендациях проведения осмотров электронных носителей информации по делам о транснациональных преступлениях экстремистского характера // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1–2. С. 96–101.
5. Клевцов В.В. Проблемные аспекты изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения «дизайнерских» наркотиков с использованием сети Интернет // Российский следователь. 2015. № 6. С. 11–16.
6. Справочник следователя. Следственный осмотр: учебно-наглядное пособие / под ред. О.В. Чельшевой. СПб.: СПбУ МВД России, 2015. 206 с.
7. Старичков М.В. Тактика осмотра и выемки носителей компьютерной информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 2. С. 18–26.
8. Мусаева У.А. Специфика проведения следственного осмотра по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4–2. С. 295–302.

REFERENCES

1. Chelysheva O.V. Gnoseologicheskie osnovy otechestvennoj kriminalistiki: teoretiko-prikladnoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.09. Sankt-Peterburg, 2003. 300 s.
2. Abduragimova T.I. Raskrytie i rassledovanie izgotovleniya, sbyta i ispol'zovaniya poddel'nyh kreditnyh i raschetnyh plastikovyh kart: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. M., 2001. 201 s.
3. Voroncova S.V. Dokazyvanie po ugovolnym delam ob izgotovlenii ili sbyte poddel'nyh kreditnyh libo raschetnyh kart: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09 M., 2005. 204 s.
4. Davydov V.O. O kriminalisticheskikh rekomendacijah provedeniya osmotrov elektronnyh nositelej informacii po delam o transnacional'nyh prestupleniyah ekstremistskogo haraktera // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2017. № 1–2. S. 96–101.
5. Klevcov V.V. Problemnye aspekty iz'yatiya elektronnyh nositelej informacii pri rassledovanii rasprostraneniya «dizajnerskih» narkotikov s ispol'zovaniem seti Internet // Rossijskij sledovatel'. 2015. № 6. S. 11–16.
6. Spravochnik sledovatelya. Sledstvennyj osmotr: uchebno-naglyadnoe posobie / pod red. O.V. Chelyshevoj. SPb.: SPbU MVD Rossii, 2015. 206 s.
7. Starichkov M.V. Taktika osmotra i vyemki nositelej komp'yuternoj informacii // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2012. № 2. S. 18–26.
8. Musaeva U.A. Specifika provedeniya sledstvennogo osmotra po delam o prestupleniyah v sfere komp'yuternoj informacii // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2013. № 4–2. S. 295–302.

Об авторе: Карпов Никита Олегович, старший следователь следственного отдела Санкт-Петербург-Витебского линейного отдела МВД России на транспорте, адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России
e-mail: nik.karpov77@mail.ru

© Карпов Н.О., 2019.

Статья получена: 18.04.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the author: Karpov Nikita O., Senior Investigator of the Saint Petersburg-Vitebsk Linear Division of MIA of Russia for Transport, Postgraduate of Saint-Petersburg University of MIA of Russia
e-mail: nik.karpov77@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.1"17"

DOI: 10.24420/KUI.2019.76.84.001

А.Н. Конев

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ НАЧАЛА XVIII В.

IDEOLOGICAL CONDITIONS FOR THE REFORM OF CRIMINAL JUSTICE IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY

Введение: в статье рассматриваются предпосылки формирования идеологии уголовного судопроизводства начала XVIII века в России.

Материалы и методы: при проведении исследования применялись следующие научные методы: формально-юридический, логический, историко-правовой, аналитический.

Результатом исследования явились итоги анализа эволюции процессуального права начала XVIII века, доказывающие, что характерной чертой права этого периода является идеологическая противоречивость в применении правил уголовного судопроизводства.

Обсуждение и заключения: в статье представлены теоретические обоснования тесной идеологической связи между государственно-политической формой правления и характером правосудия в России начала XVIII века.

Ключевые слова: идеологические предпосылки реформ уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальное законодательство, суд, очная ставка, сыск

Для цитирования: Конев А.Н. Идеологические предпосылки реформ уголовного судопроизводства в России начала XVIII века // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 396-400. DOI: 10.24420/KUI.2019.76.84.001

Introduction: the article discusses prerequisites for the formation of the ideology of criminal proceedings of the early XVIII century in Russia.

Materials and Methods: the following scientific methods were used in the study: formal-legal, logical, historical-legal, analytical.

The result of the study was a thorough analysis of the evolution of procedural law of the early XVIII century that produced a characteristic feature of the period is inconsistency in the application of the rules of criminal procedure.

Discussion and Conclusions: the article presents the theoretical substantiation of the close ideological connection between the state and political form of government and the nature of justice in Russia in the early XVIII century.

Key words: ideological prerequisites of for the reform of criminal justice, criminal procedure legislation, court, confrontation, investigation

For citation: Konev A.N. Ideological conditions for the reform of criminal justice in Russia at the beginning of the XVIII century // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 396-400. DOI: 10.24420/KUI.2019.76.84.001

Введение

Соборное Уложение царя Алексея Михайловича являлось воплощением новой юридической идеологии русского общества середины XVII века, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Однако к концу этого столетия указанная идеология начала отставать от развития экономических, государственно-политических и социальных отношений. Возникла объективная необходимость ревизии идеологических основ судопроизводства и принципов формирования уголовно-процессуальной технологии.

Первым в России, кто обратил внимание на проблемные вопросы судопроизводства в самом конце XVII в., судя по дошедшим до нашего времени историческим документам, был Петр I. Формальной причиной тому явилось судебное дело Желябужских и Апраксина в «бое и увечье», которое царь рассматривал лично. Эта история достаточно подробно описана в отечественной литературе¹. По итогам разрешения судебного разбирательства, как пишет И.А. Желябужский, «учинен в московском государстве правый суд, и ведено чинить во всяких

¹ См.: Записки Ивана Афанасьевича Желябужского // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 44-46; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 14. (1676 – 1703).

делах розыски; а суды и очные ставки с той поры оставлены. И о том из Преображенского по всем приказам посланы о правом суде памяти».

Это решение было «учинено» на основании Указа Петра I от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах»¹, который, по словам Л.А. Хрусталева, «... является своеобразным ключом к пониманию пути развития процессуального права в эпоху правления Петра I» [1].

Обзор литературы

Несмотря на то, что Указ Петра I от 21 февраля 1697 г. как законодательный памятник давно известен ученым и получил свою оценку, тем не менее, по мнению ряда исследователей, на его основании делаются выводы, не соответствующие ни замыслу создателя этого документа, ни существующей в то время процессуальной правовой системе.

Общий контекст интерпретации последствий издания этого документа заключается в том, что Петром I был сделан «решительный поворот в сторону розыска»² [2,3] и осуществлена полная замена обвинительного процесса розыскным, что предопределило развитие всего судопроизводства в XVIII в. [4,5,6,7].

Другие ученые, оценивая этот указ как переходный (промежуточный), полагали, что «розыск, в его новом виде, представлял собой нечто среднее между судом и прежним уголовным процессом» [8]. Высказывались также мнения о том, что «закон 1697 г. углубил, с одной стороны, розыскное, а с другой – бюрократическое начало в судопроизводстве» [9]. Или отмечали сохранение разделения судебного процесса на следственный и состязательный [3].

Встречаются работы, в которых ученые, исследуя уголовно-процессуальное законодательство периода царствования Петра I, либо игнорируют этот документ [10], либо делают оторванные от смысла указа односторонние выводы [11].

Историки, в частности Л.В. Батиев, полагают, что основная идея Указа Петра I от 21 февраля 1697 г. «Об отмене...»³ связана с конкретным историческим событием и была обусловлена характером и итогом судебного дела Желябужских и Апраксина, а сам этот документ стал «сиюминутным откликом на конкретное дело, причем недостаточно согласованный с существующей системой права» [12].

Не ставя под сомнение подобные выводы ученых, уточним, что, по всей видимости, этот конкретный исторический случай мог быть катализатором издания Указа от 21 февраля 1697 г., однако его идеология

лежит гораздо глубже – в политических, социально-экономических и культурно-правовых особенностях развития России периода правления Петра I.

Материалы и методы

Основу исследования составили такие методы, как формально-юридический, историко-правовой, логический. Кроме того, при поиске и изучении литературы был использован аналитический метод. Материалами исследования также послужили статьи ученых, занимающихся вопросами исследования уголовного судопроизводства в России начала XVIII века.

В целом указанные методы научного исследования позволили выявить идеологические основы формирования уголовно-процессуального законодательства данного исторического периода.

Результаты исследования

Окончание XVII в. учеными характеризуется как начало перехода от сословно-представительской к абсолютной монархии. Это время продолжающегося усиления крепостной зависимости крестьян и обострения социальных противоречий. Реакцией на нещадную эксплуатацию традиционно являлись побегии крепостных, сопровождающиеся грабежами, разбоями и убийствами, и массовые вооруженные восстания крестьян. Кражи, грабежи и разбои являлись приносящим определенный доход промыслом, позволяющим крестьянам выживать в этих сложных социально-экономических условиях.

Защита интересов господствующего класса, в свою очередь, требовала решительных и жестоких мер по подавлению этих криминальных проявлений путем осуществления внесудебной расправы. Однако в таких делах применялся и розыск как своеобразная форма суда, главной задачей которого было не столько выяснение истины, сколько устрашение других. Главной задачей суда была общая превенция, основным лейтмотивом которой было устрашение – «чтоб другим не повадно было так воровать» [13]. В связи с этим кара виновного (а смертная казнь, по словам В.О. Ключевского, была обычным украшением законодательства Петра I [14]) с точки зрения государства иногда важнее, чем судьба и жизнь невиновного. Таким образом, уголовная и уголовно-процессуальная политика Петра I полностью укладывалась в эти задачи.

Закономерности общественно-исторического развития свидетельствуют о тесной связи между государственно-политической формой правления и характером правосудия.

Развитие абсолютизма и утверждение неограниченной власти монарха повлекли за собой

¹ ПСЗ. Т. III. № 1572.

² См., например: Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. М., 1961. С. 567-568, 573; Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 395, 400.

³ ПСЗ. Т. III. № 1572.

изменения в традиционных институтах государственной власти. Происходило «сжимание» общественных начал и его институтов в системе управления государством. Абсолютная власть монарха потребовала дальнейшего расширения принципа централизации в управлении государством и поставила на грань исчезновения институты общественного самоуправления, которые постепенно были заменены бюрократической системой.

Понятия «свободный человек» в то время вообще не существовало. В качестве индикатора юридического понятия «вольный человек» Л.А. Хрусталева воспроизводит идею, высказанную Комиссией об Уложении 1700 года, что «из проекта нового уложения нужно выкинуть понятие «вольный», так как считалось, что кроме церковнослужителей вольных уже не осталось» [1]. В дальнейшем при проведении Податной реформы (1718-1724 гг.) церковнослужители либо были внесены в штат церквей, либо были включены в общины по месту жительства.

Власть искала «регулярные формы», стремясь везде привести в систему то, что до тех пор представляло результат стихийных отложений правительственной практики двух веков [15]. Применительно к правосудию тенденция к замене суда розыском прослеживается на протяжении двух столетий, еще с XV в. [16], и завершается в эпоху Петра I, который «не мог вообще допустить самостоятельности судебных установлений» [15].

Вплоть до Судебника 1497 г. судопроизводство на Руси было состязательным и термин «суд» очень точно отражал его сущность и содержание. Потребности централизации политической власти и всего государственного устройства, а также экономические и социальные процессы обусловили возникновение следственного процесса, получившего наименование «сыска».

Термины «суд» и «сыск» вполне отражали содержание судопроизводства того периода времени. «Суд», как этап судопроизводства, представлял из себя судоговорение или прения сторон (истец против ответчика и ответчик против истца), а также очные ставки, а «сыск» – судебное следствие и исследование собранных по делу доказательств («а в суде тот ответчик в том во всем заперался, а в сыску про него обчая правда или повальный обыск скажет»¹). Очные ставки, по смыслу этого периода, особая форма процесса, которая, по мнению Л.А. Хрусталева, имеет промежуточный характер между судом и розыском: «Двойственный характер очной ставки состоял в том, что она по своей сути не отличалась от состязательной формы судопроизводства, но

имела некоторые внешние признаки следственного процесса. Так, при очной ставке применялась пытка, но не допускалось применение присяги» [1]. О том, что очная ставка – это особая форма процесса, писал в свое время З.А. Горюшкин [17], по мнению Е.Н. Беляева, «спор истца и ответчика на суде иногда назывался очной ставкой» [18].

Уложение 1649 г. наметило тенденции к сближению этих форм при доминировании следственных (сыскных) начал. Этот процесс вызвал изменения и в системе доказательств.

В древнерусском состязательном процессе институт «послушества» имел важное доказательственное значение, которое при новых формах судопроизводства принимало характер протоформы свидетельских показаний, которая к середине XVII в. приняла формы «ссылки из виноватых» и «общей ссылки», особенности которых мы рассмотрим выше.

Обсуждение и заключения

Таким образом, Петр I своим указом упразднил только «суды» и «очные ставки», оставив следующий этап – исследование и оценку доказательств, или «сыск».

Однако ликвидация «судов» и «очных ставок» создала ситуацию, когда суд не мог выяснить личное отношение истца или ответчика к предмету иска и связанным с ним доказательственным материалам. Возникший пробел был устранен изданием Указа от 16 марта 1697 г., на основании которого «суды и очные ставки» были заменены «допросом» ответчиков в приказе перед судьей по челобитной и в присутствии истца².

По своей сути Указ от 21 февраля 1697 г. признал решающую силу свидетельств (даже одного человека) и тем самым фактически уничтожил разницу между ссылкой «из виноватых» и «общей ссылкой» (после 1697 г. присутствие в судебной практике «общей ссылки» и ссылки «из виноватых» носило формальный характер и постепенно исчезало), свел разнообразные варианты свидетельства к свидетельству по предложению истца (таков буквальный смысл указа), но распространил его силу на обе стороны. Гарантом истины должна была стать смертная казнь за лжесвидетельство.

Существовавшая по Уложению 1649 г. система судопроизводства «суд и сыск» заменена на другую процессуальную схему – «допрос и сыск». В 1699 г., как отмечает Л.В. Багиев, «допрос» вернулся в значительной степени к форме прежнего «суда», но уже при определяющем влиянии судьбы и ограничении прав сторон в числе их речей. «Допрос» по своему содержанию расширился: в него проникли элементы состязательности в виде взаимного уличения сто-

¹ Из Боярского приговора 1651 г. // ПСЗ. Т. I. № 55.

² ПСЗ. Т. III. № 1576.

рон [12]. Улики как элемент «суда» были известны российскому судопроизводству и до Петра I.¹

Как совершенно точно отметил В.Г. Демченко, по своей сути, Указ Петра I от 21 февраля 1697 г завершил «собою постепенное освобождение свидетельства от частного характера» и осуществил переход «в свидетельство с характером публичным, государственным» [19].

Как видим, в описываемый период не произошло слияния состязательного и розыскного процесса. Указ от 16 марта 1697 г. в своей основной части установил правила допроса «в нынешних розыскных делах», а далее уточнил: «а которые статьи в Уложении надлежат к розыску и по тем статьям розыскивать по прежнему» (заметим: не руководствуясь при этом Указом от 21 февраля 1697 г.).

Спонтанная реформа состязательного судопроизводства, предусмотренная Указом 21 февраля 1697 г., свелась лишь к ограничению судебных прений сторон (замене «суда» на «допрос» и признанию государственного (публичного) характера свидетельских показаний).

По архивным материалам начала XVIII в. мы можем проследить постепенное исчезновение из судебной практики повального обыска (характерного для соседской общины, когда люди очень тесно живут друг с другом).

Судьи стали охотнее прибегать к пытке как к более верному способу открытия истины. Например, в наказе от 30 ноября 1710 года полковнику Козину предписывалось, в случае если лицо «во многих людях опознает и на очной ставке на них начнет говорить те же речи, что и в расспросах»², немедленно пытать, а не производить повальных обысков. Таким образом, повальные обыски исчезают из отечественного судопроизводства в двадцатых годах XVIII века. Правда, по свидетельству В. Сокольского, они возрождаются

в пятидесятых и шестидесятых годах XVIII в., приобретая новое значение: они употребляются как средство ограничения применения пыток [20].

Оценивая тенденции развития уголовно-процессуального права в конце XVII – первой четверти XVIII в., следует обратить внимание на то, что этому периоду были присущи противоречивые законодательные тенденции. С одной стороны, можно констатировать отсутствие системного подхода к реформированию уголовно-процессуальной процедуры, а также частые противоречия и даже парадоксы в применении действовавших правил судопроизводства. Иными словами, технологическая сторона реформы уголовного судопроизводства была сопряжена со множеством изъянов и недочетов.

С другой стороны, в развитии уголовно-процессуального законодательства можно усмотреть весьма четкую идеологическую линию на укрепление роли государственных институтов и властного целеполагания. Главной тенденцией в этот период явилось постепенное усиление розыскных начал уголовного процесса, что в большей мере соответствовало новой организации власти в России и обусловленными этим обстоятельством потребностями в поддержании общественного правопорядка и спокойствия.

Таким образом, говоря об идеологических предпосылках реформ уголовного судопроизводства в России начала XVIII в., следует подчеркнуть очень важное обстоятельство, которое необходимо учитывать и при оценке тенденций развития современного уголовного процесса. Сильная государственная власть в России в качестве обязательного своего атрибута должна иметь эффективное уголовное судопроизводство, опирающееся на розыскные начала, но при этом не отрицающее элементов состязательности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрусталева Л.А. Судебно-правовые реформы Петра I: (конец XVII – первая четверть XVIII в.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 17.
2. История отечественного государства и права: в 2 ч. / под ред. О.И. Чистякова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. Ч. 1. С. 298.
3. Исаев И.А. История государства и права России: учебник. М., 2004. С. 300.
4. Кавелин К.Д. Основные начала русского судопроизводства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до учреждения о губерниях. М., 1844. С. 170-172.
5. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном процессе в России. Одесса, 1849. С. 15-16.
6. Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1869.
7. Виленский Б.В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России. Саратов, 1963. С. 38.
8. Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях // Сочинения. М., 1899. Т. 1. С. 538.
9. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М., 2009. С. 95.
10. Мухаметшин Ф.Б. Организационно-правовые основы становления и развития институтов обвинения и защиты в судопроизводстве России (IX – начало XX века): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 188-212.
11. Стус Н.В. Уголовно-судебное право России в XII-XIX в.: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2015. С. 207.

¹ ПСЗ. Т. II, № 1135.

² ПСЗ. Т. IV, № 2210.

12. Батиев Л.В. Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72) ноябрь. С. 13.
13. Законодательство Петра I / В.М. Клеандрова, Б.В. Колобов, Г.А. Кутьина и др. М., 1997. С. 795.
14. Ключевский В.О. Сочинения. М., 1989. Т. IV. С. 87.
15. Сыромятников Б.И. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М., 1915. С. 150.
16. Рогожкин А.И., Ярмаш А.Н. Государство и право России в период становления и развития абсолютизма (вторая половина XVII – конец XVIII века). Киев, 1989. С. 73.
17. Горюшкин З.А. Руководство к познанию российского законоискусства. М., 1811-1818. Т. III. С. 838.
18. Беляева Е.Н. Гражданское судопроизводство в Воронежском уезде во вторую половину 17 века // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1998. Вып. 7. С. 40.
19. Демченко В.Г. Историческое исследование о показаниях свидетелей как доказательстве по делам судебным по русскому праву до Петра Великого. Киев, 1859. С. 92, 100-102.
20. Сокольский В. Главнейшие моменты в истории повального обыска // Университетские киевские известия. 1871. № 6. С. 13.

REFERENCES

1. Hrustalev L.A. Sudebno-pravovye reformy Petra I: (konec XVII – pervaya chetvert' XVIII v.): dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003. S. 17.
2. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: v 2 ch. / pod red. O.I. CHistyakova. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2005. CH. 1. S. 298.
3. Isaev I.A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii: uchebnik. M., 2004. S. 300.
4. Kavelin K.D. Osnovnye nachala russkogo sudoustrojstva i grazhdanskogo sudoproizvodstva v period vremeni ot Ulozheniya do uchrezhdeniya o guberniyah. M., 1844. S. 170-172.
5. Linovskij V.A. Opyt istoricheskikh rozyskanij o sledstvennom ugolovnom processe v Rossii. Odessa, 1849. S. 15-16.
6. Kistyakovskij A.F. O presechenii obvinyaemomu sposobov uklonyat'sya ot sledstviya i suda. SPb., 1869.
7. Vilenskij B.V. Podgotovka sudebnoj reform 20 noyabrya 1864 goda v Rossii. Saratov, 1963. S. 38.
8. Dmitriev F.M. Istoriya sudebnyh instancij i grazhdanskogo apellyacionnogo sudoproizvodstva ot Sudebnika do uchrezhdeniya o guberniyah // Sochineniya. M., 1899. T. 1. S. 538.
9. Serov D.O. Sudebnaya reforma Petra I: istoriko-pravovoe issledovanie. M., 2009. S. 95.
10. Muhametshin F.B. Organizacionno-pravovye osnovy stanovleniya i razvitiya institutov obvinieniya i zashchity v sudoproizvodstve Rossii (IX – nachalo XX veka): dis. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 2004. S. 188-212.
11. Stus N.V. Ugolovno-sudebnoe pravo Rossii v XII-XIX v.: istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk. Belgorod, 2015. S. 207.
12. Batiev L.V. Ukaz 21 fevralya 1697 g. i reforma sudoproizvodstva v Rossii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2016. № 11 (72) noyabr'. S. 13.
13. Zakonodatel'stvo Petra I / V.M. Kleandrova, B.V. Kolobov, G.A. Kut'ina i dr. M., 1997. S. 795.
14. Klyuchevskij V.O. Sochineniya. M., 1989. T. IV. S. 87.
15. Syromyatnikov B.I. Oчерк istorii suda v drevnej i novoj Rossii // Sudebnaya reforma / pod red. N.V. Davydova i N.N. Polyanskogo. M., 1915. S. 150.
16. Rogozhkin A.I., YArماش A.N. Gosudarstvo i pravo Rossii v period stanovleniya i razvitiya absolyutizma (vtoraya polovina XVII – konec XVIII veka). Kiev, 1989. S. 73.
17. Goryushkin Z.A. Rukovodstvo k poznaniyu rossijskogo zakoniskusstva. M., 1811-1818. T. III. S. 838.
18. Belyaeva E.N. Grazhdanskoe sudoproizvodstvo v Voronezhskom uezde vo vtoruyu polovinu 17 veka // Iz istorii Voronezhskogo kraja. Voronezh, 1998. VYP. 7. S. 40.
19. Demchenko V.G. Istoricheskoe issledovanie o pokazaniyah svitatelej kak dokazatel'stve po delam sudebnym po russkomu pravu do Petra Velikogo. Kiev, 1859. S. 92, 100-102.
20. Sokol'skij V. Glavneshnie momenty v istorii poval'nogo obyska // Universitetskie kievskie izvestiya. 1871. № 6. S. 13.

Об авторе: Конев Андрей Николаевич, доктор технических наук, кандидат юридических наук, доцент, начальник Академии управления МВД России
© Конев А.Н., 2019.

Статья получена: 22.04.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the author: Konev Andrey N., Doctor of Technical Sciences (Doctor habil.), Candidate of Law (Research doctorate), Assistant Professor, Head of the Academy of Management of MIA of Russia

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

М.Ф. Мингалимова

**УЧЕТ ВОЗРАСТА ВИНОВНОГО ЛИЦА
ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ**

**AGE OF PERPETRATOR
IN PENALTY DETERMINATION**

Введение: статья посвящена изучению пожилого возраста субъекта преступления и степени его влияния на наказание.

Материалы и методы: в ходе работы над статьей применялись аналитический, формально-логический, сравнительно-правовой методы, метод обобщения судебной практики.

Результаты исследования: изучение судебной практики дает основания утверждать, что возраст лиц старшей возрастной группы, как правило, признается обстоятельством, смягчающим наказание. При этом суды именуют подобный возраст предпенсионным, пенсионным, преклонным, зрелым, пожилым и престарелым. Подобная ситуация сложилась ввиду того, что возрастные пределы для указанной группы граждан отечественное уголовное законодательство не устанавливает.

Обсуждение и заключения: с учетом изложенного и в целях дальнейшего совершенствования регламентации в Уголовном кодексе РФ обстоятельств, смягчающих наказание, автор считает необходимым дополнить перечень ч.1 ст. 61 Уголовного кодекса РФ новым обстоятельством «совершение преступления пожилым лицом».

Ключевые слова: : возраст виновного, старшая возрастная группа, смягчающие обстоятельства, назначение наказания, полномочия суда

Для цитирования: Мингалимова М.Ф. Учет возраста виновного лица при назначении наказания // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 401-405. DOI: 10.24420/KUI.2019.67.10.001

Introduction: the article examines elderly age of subject of crime and the impact of elderly age on the individualization of punishment.

Materials and Methods: analytical, formal-logical, comparative-legal methods, a method of generalization of judicial practice were used in the course of the work on the article.

Results: the study of judicial practice showed that the age of persons of the older age group is usually recognized as a circumstance mitigating punishment. At the same time, the courts identify this age pre-retirement, old and elderly. This situation is due to the fact that Russian criminal legislation does not set age limits for this group of citizens.

Discussion and Conclusions: taking into account the abovementioned and in order to further improve the regulation of the Criminal Code of Russia the circumstances mitigating punishment, the author considers it necessary to supplement the list of part 1 of Article 61 of the Criminal Code of Russia with a new circumstance "Commission of a crime by an elderly person".

Key words: age of the perpetrator, older age group, extenuating circumstances, sentencing, powers of the court

For citation: Mingalimova M.F. Age of perpetrator in penalty determination // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. V. 10, N 3. P. 401-405. DOI: 10.24420/KUI.2019.67.10.001

Введение

По данным Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), число пожилого населения в странах мира стремительно увеличивается. Так, к 2050 году прирост доли населения мира в возрасте старше 60 лет может возрасти до двух раз и составит 2 миллиарда человек, а в Российской Федерации доля пожилого населения увеличится до 30%¹. Безусловно, это в основном связано с увеличением продолжительности жизни людей. Сложившаяся ситуация способствует тому, что в последние годы мировое сообщество активно принимает меры по продвижению прав граждан пожилого возраста. На это обращено внимание и во Всемирном докладе о старении и здоровье генерального директора ВОЗ Маргарет Чен². В современном мире даже существует феномен эйджизма, под которым понимают дискриминацию в отношении людей по возрастному признаку³.

В Российской Федерации на уровне законодательства также принимаются определенные меры по поддержке лиц старшего возраста. В связи с этим в рамках отечественного уголовного права возникает вопрос о возможности учета возраста граждан, относящихся к старшей возрастной группе, при назначении им наказания.

С учетом возрастающего количества стареющего населения наблюдается и увеличение числа лиц старшей возрастной группы, совершивших преступления. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2015 год среди осужденных число мужчин в возрасте 65 лет и старше достигло отметки в 8 715 чел. (1,18%), женщин в возрасте 55 лет и старше – 5 356 чел. (0,73%); в 2016 году – 11 043 чел. (1,48%) и 6 282 чел. (0,84%); в 2017 году – 11 055 чел. (1,5%) и 6 424 чел. (0,92%); в 2018 году – 11 369 чел. (1,7%) и 6 112 чел. (0,92%)⁴.

Вопросам возраста виновных лиц посвящена статья 20 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). По общему правилу лицо может быть привлечено к уголовной ответственности с 16 лет. Но, как и во всех правилах, в данной статье имеется исключение. За совершение отдельных преступлений воз-

растная планка для виновных лиц снижается до 14 лет. Согласно части 1 статьи 87 УК РФ к несовершеннолетним относятся лица, которым на момент совершения уголовно-наказуемого деяния исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет. Несовершеннолетний возраст виновного входит в перечень обязательных смягчающих обстоятельств (п. «б» ч.1 ст. 61 УК РФ), который суд обязан учесть при назначении наказания по уголовному делу.

При этом, если при трактовке несовершеннолетия в уголовном законодательстве у правоприменителей, как правило, сложностей не возникает, то как относиться к совершению преступления лицом, относящимся к старшей возрастной группе, не ясно.

Обзор литературы

В специальной литературе проблемы дифференциации возраста пожилых людей рассматривались в трудах Б.Г. Ананьева, внесшего большой вклад в изучение возрастной психологии; Ю.М. Антоняна, разработавшего концепцию причин преступного поведения лиц с психическими аномалиями и способов их предупреждения в местах лишения свободы; Л.И. Анцыферовой, исследовавшей вопросы психологии мышления и психологии личности; А.А. Байбарина, являющегося автором концепции дифференциации возраста в уголовном праве; О.В. Барсуковой, рассмотревшей старческую преступность с точки зрения психологии; Т.И. Безденежных, обобщившей литературные данные о психологических изменениях лиц среднего и пенсионного возраста; Т. Волковой, изучившей криминологические аспекты «старческой» преступности и преступлений, совершенных в отношении лиц пожилого возраста; П.Я. Гальперина, выступившего основоположником теории поэтапного формирования умственных действий и др.

Результаты исследования

Из анализа материалов судебной практики следует, что суды именуют подобный возраст предпенсионным⁵, пенсионным⁶, пожилым⁷, зрелым⁸, преклонным⁹ и престарелым¹⁰. Встречаются случаи, когда возраст виновного признается смягча-

¹ Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf?sequence=10 (дата обращения: 03.08.2019).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Сводные статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ о состоянии судимости в России за 2015 - 2018 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 04.08.2019).

⁵ Архив Можайского городского суда Московской области за 2019 год: уголовное дело № 1-239/18. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 31.07.2019).

⁶ Архив Октябрьского районного суда г. Ставрополя Ставропольского края за 2019 год: уголовное дело № 1-27/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 31.07.2019).

⁷ Архив Дульдургинский районный суд Забайкальского края за 2018 год: уголовное дело № 1-126/18. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 31.07.2019).

⁸ Архив Агаповского районного суда Челябинской области за 2019 год: уголовное дело № 1-22/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.08.2019).

⁹ Архив Магаданского городского суда Магаданской области за 2019 год: уголовное дело № 1-58/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.08.2019).

¹⁰ Архив Канского районного суда Красноярского края за 2019 год: уголовное дело № 1-16/19. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 31.07.2019).

ющим обстоятельством даже без привязки к какому-либо временному этапу жизни человека¹.

Обращаясь к уголовному законодательству зарубежных стран, следует отметить, что совершение преступления лицами старшей возрастной группы встречается в перечнях смягчающих обстоятельств. Например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь совершение преступления престарелым лицом относится к обстоятельствам, смягчающим ответственность (п. 11 ч. 1 ст. 63), а совершение преступления в отношении престарелого лица признается обстоятельством, отягчающим ответственность (п. 2 ч. 1 ст. 64)².

Согласно нормам отечественного уголовного законодательства достижение виновным лицом определенного возраста безусловным основанием для смягчения наказания не является. Но совершение преступления виновным лицом, находящимся в старшей возрастной группе (более 60 лет), довольно часто признается судами обстоятельством, смягчающим наказание. И это несмотря на то, что оно отсутствует в перечне ч.1 ст. 61 УК РФ.

Возникает вопрос: каким критериям должен отвечать возраст, для того чтобы его можно было именовать предпенсионным, пенсионным, преклонным, зрелым, пожилым или престарелым?

В широком смысле под возрастом необходимо понимать время, прожитое человеком с момента его рождения. Предпенсионный и пенсионный возраст, очевидно, зависят от выхода гражданина на пенсию. Различие заключается лишь в том, что предпенсионный возраст – это отрезок времени, предшествующий наступлению пенсии в течение пяти лет³, а пенсионный возраст – это возраст, с которого гражданам РФ назначается страховая пенсия по старости. С учетом последних изменений, внесенных в отечественное законодательство, пенсионный возраст женщин и мужчин с октября 2018 года пропорционально увеличился на пять лет. Согласно статье 8 Федерального закона от 28 декабря 2003 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» возраст выхода на пенсию для женщин в настоящее время составляет 60 лет, мужчин – 65 лет⁴.

Возрастные пределы для пожилого, зрелого, преклонного и престарелого возраста отечественное уголовное законодательство не устанавливает. Бесспорным является лишь утверждение, что речь идет о второй половине жизни человека.

Обратимся к классификации возрастов, принятой ВОЗ⁵. Так, граждане по возрастному критерию разделяются на пять групп: с 18 до 45 лет – молодой возраст; с 45 до 59 лет – средний возраст; с 60 до 75 лет – пожилой возраст; с 75 до 90 лет – старческий возраст; с 90 лет – долголетие.

Толковый словарь отождествляет лиц преклонного, пожилого, зрелого, престарелого возраста и пенсионеров между собой и определяет данные понятия как синонимы⁶. Пожилой возраст означает достижение лицом той возрастной отметки, с которой появляются первые признаки старости. Под лицами преклонного (зрелого) возраста следует понимать тех, кто «перешагнул через зрелые года»⁷. Престарелый возраст – это достижение человеком глубокой старости⁸.

В пункте 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» судам разъясняется, что наличие на иждивении у виновного лица граждан престарелого возраста может быть признано в силу ч. 2 ст. 61 УК РФ обстоятельством, смягчающим наказание. В данном случае понятие престарелого возраста употребляется в отношении родственников виновного, под которыми следует понимать лиц, нуждающихся в постоянном постороннем уходе и не способных к самообслуживанию.

В статьях 57 и 59 УК РФ законодатель устанавливает возрастной порог (65 лет) для мужчин при назначении следующих видов наказаний: пожизненное лишение свободы и смертная казнь. Другими словами, достижение мужчинами шестидесятипятилетнего возраста препятствует назначению данных видов наказаний.

В статье 125 УК РФ понятие старости применяется законодателем в отношении граждан, которых виновные лица умышленно оставили в опасности.

¹ Архив Кировского районного суда г. Курска за 2019 год: уголовное дело № 1-180/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.08.2019).

² Уголовный Кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414984#pos=644;-60 (дата обращения: 05.08.2019).

³ О занятости населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 19.04.1991 № 1032-1. Ст. 5. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: Федеральный закон от 3.10.2018 № 350-ФЗ. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁵ Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf;jsessionid=50C67E19132FB2B1455AB30555CBF4F3?sequence=10 (дата обращения: 03.08.2019).

⁶ Словарь синонимов русского языка. URL: <https://slovar.cc/rus/sinonim/1311838.html> (дата обращения: 03.08.2019).

⁷ Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/толковый-словарь-ожегова/преклонный> (дата обращения: 03.08.2019).

⁸ Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-slovo/1156171.html> (дата обращения: 03.08.2019).

В этом случае престарелых граждан законодатель отождествляет с лицами, в том числе с малолетними, которые не способны ввиду своей зависимости и беспомощности принять меры по самосохранению.

С учетом изложенного, в целях формирования единого подхода в правоприменительной деятельности лиц старшей группы возрастные характеристики следует обозначить единым термином. По нашему мнению, наиболее общим для определения возраста анализируемой группы лиц будет выступать наименование пожилого возраста, нежели преклонного или престарелого. Согласно докладу генерального директора ВОЗ, пожилой человек – это человек, возраст которого превысил среднюю ожидаемую продолжительность жизни при рождении¹. Отметку, с которой возраст следует считать пожилым, для женщин необходимо установить с 60 лет, для мужчин – 65 лет. Подобный подход, в том числе, будет соответствовать классификации, принятой ВОЗ. Престарелый и преклонный возраст в значительной степени связаны с лицами, которые, как правило, не могут обеспечивать свою жизнедеятельность без помощи третьих лиц.

Достижение пожилого возраста, наряду с иными обстоятельствами, на наш взгляд, может рассматриваться в качестве основания для смягчения наказания. В первую очередь, пожилой возраст связывается со снижением функциональной способности человека вести активный образ жизни, в том числе ввиду риска появления и развития различных заболеваний. Пожилой возраст характеризуется необратимыми изменениями, происходящими в организме человека, именуемыми процессом старения (ослабление зрения, ухудшение слуха и др.). Как правило, пожилой возраст отождествляется со снижением жизнеспособности человека. Поэтому, в сравнении с представителями средней возрастной группы, граждане старшего поколения уступают им по физиологическому состоянию здоровья, что не может не отражаться на характере совершенных ими действий и деяний, а значит, они являются менее общественно опасными.

В судебной практике встречаются случаи, когда лица пожилого возраста совершают особо тяжкие преступления. Так, 21 апреля 2016 года Набережночелнинским городским судом Республики Татарстан вынесен приговор в отношении 86-летнего С., которому назначено наказание по ч.1 ст. 105 УК РФ в виде лишения свободы на срок 6 лет 3 месяца с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. Судом установлено, что в декабре 2015 года осужденный совершил убийство врача на крыльце

одной из городских поликлиник в г. Набережные Челны. Как позже выяснилось, мотивом совершения преступления явилась месть за отказ врача оказать С. медицинскую помощь, поскольку последний не снял тубетейку в его кабинете. Инцидент произошел в 2008 году, а убийство С. совершил только спустя семь лет. Орудие преступления С. изготовил самостоятельно из трости и приспособил его к производству выстрелов. В результате полученного сквозного ранения грудной клетки с повреждением внутренних органов врач скончался. После содеянного С. от правоохранительных органов не скрывался, а прибывшим на место сотрудникам полиции рассказал о произошедшем. Обстоятельствами, смягчающими С. наказание, наряду с иными обстоятельствами, суд признал возраст виновного, ряд заболеваний, наличие многочисленных грамот, медалей, в том числе полученных в честь Победы в Великой Отечественной войне, а также то, что он является тружеником тыла и ветераном труда².

Обстоятельства данного уголовного дела вызвали повышенный общественный резонанс. С одной стороны – 50-летний врач, не проявивший должного уважения к пациенту и его вероисповеданию. С другой стороны – глубоко пожилой человек, спланировавший задолго свое преступление и лишивший жизни невинного человека. Необходимо отметить, что назначение наказания за совершение убийства С. в минимальных пределах, предусмотренных санкцией ч. 1 ст. 105 УК РФ, бесспорно, обусловлено совершением преступления в 85-летнем возрасте. При этом необходимо учесть, что С. свою вину признал частично.

Обратимся к другому уголовному делу, рассмотренному Пермским районным судом Пермского края 19 сентября 2018 года в отношении 64-летнего Т., который был осужден за незаконное культивирование запрещенных к возделыванию культур (растений мака) на своем дачном участке по п. «в» ч. 2 ст. 231 УК РФ к лишению свободы условно на срок 1 год с испытательным сроком в 1 год. Из показаний Т. следовало, что мак вырос на грядках самостоятельно и осужденный в силу пожилого возраста и наличия ряда хронических заболеваний не предпринимал мер по его прополке и уничтожению. Назначение наказания, не связанного с изоляцией от общества, в минимальных пределах за совершение тяжкого преступления (при максимальном наказании, предусмотренном санкцией п. «в» ч.2 ст. 231 УК РФ в 8 лет лишения свободы) было обусловлено отсутствием у Т. судимостей

¹ Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf?sequence=10 (дата обращения: 03.08.2019).

² Архив Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан за 2016 год: уголовное дело № 1-356/16. URL: <https://naberezhno-chelninsky--tat.sudrf.ru/> (дата обращения: 04.08.2019).

и пенсионным возрастом¹. А если бы виновному было 80-90 лет и он по своему состоянию здоровья, действительно, не мог уничтожить мак? В такой ситуации закономерна постановка вопроса об отсутствии состава преступления в его действиях.

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют от степени влияния пожилого возраста виновных лиц на меру наказания – в сторону его смягчения, даже при совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

Обсуждение и заключения

В заключение отметим, что в целях дифференциации ответственности и индивидуализации наказания,

а также в целях дальнейшего совершенствования регламентации в УК РФ обстоятельств, смягчающих наказание, на наш взгляд, следовало бы принять во внимание законодательный опыт их регулирования в некоторых зарубежных государствах и дополнить существующий в части 1 статьи 61 УК РФ перечень смягчающих обстоятельств пунктом «л» в следующей редакции: «совершение преступления пожилым лицом». Кроме того, в примечании к статье 61 УК РФ следовало бы разъяснить порядок отнесения граждан к данной категории, с указанием 60-летнего возраста для женщин и 65-летнего – для мужчин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания // Избранные психологические труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1980. Т. 1. 230 с.
2. Антонян Ю.М. Преступность пожилых людей // Советское государство и право. 1991. №11. С.67-73.
3. Анцыферова Л.И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психологический журнал. 1996. № 6. С.60-71.
4. Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: монография. М.: Высшая школа, 2009. 252 с.
5. Барсукова О.В. Старческая преступность и преступления против лиц пожилого возраста: криминологические и уголовно-правовые проблемы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Владивосток, 2003. 203 с.
6. Безденежных Т. Морально-этический аспект процесса старения населения // Пожилые люди в нашей стране. М., 1977. С.41-44.
7. Волкова Т. Преступность пожилых людей // Законность. 2005. № 6. С.35-38.
8. Гальперин П.Я., Запорожец А.В., Карпова С.Н. Актуальные проблемы возрастной психологии. М.: Изд-во МГУ, 1978. 118 с.

REFERENCES

1. Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya // Izbrannye psihologicheskie trudy: v 2 t. M.: Pedagogika, 1980. T. 1. 230 s.
2. Antonyan YU.M. Prestupnost' pozhilyh lyudej // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1991. №11. S.67-73.
3. Ancyferova L.I. Pozdnij period zhizni cheloveka: tipy stareniya i vozmozhnosti postupatel'nogo razvitiya lichnosti // Psihologicheskij zhurnal. 1996. № 6. S.60-71.
4. Bajbarin A.A. Ugolovno-pravovaya differenciaciya vozrasta: monografiya. M.: Vysshaya shkola, 2009. 252 s.
5. Barsukova O.V. Starcheskaya prestupnost' i prestupleniya protiv lic pozhilogo vozrasta: kriminologicheskie i ugolovno-pravovye problemy: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Vladivostok, 2003. 203 s.
6. Bezdenezhnyh T. Moral'no-eticheskij aspekt processa stareniya naseleniya // Pozhilye lyudi v nashej strane. M., 1977. S.41-44.
7. Volkova T. Prestupnost' pozhilyh lyudej // Zakonnost'. 2005. № 6. S.35-38.
8. Gal'perin P.YA., Zaporozhec A.V., Karpova S.N. Aktual'nye problemy vozrastnoj psihologii. M.: Izd-vo MGU, 1978. 118 s.

Об авторе: Мингалимова Марьям Фердинандовна, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
© Мингалимова М.Ф., 2019.

Статья получена: 06.08.2019. Статья принята к публикации: 19.09.2019.

Статья опубликована онлайн: 23.09.2019.

About the author: Mingalimova Mar'yam F., Senior Lecturer of the Department of Prosecutorial Supervision on Execution of Law in Investigation and Participation of Procurator in Criminal Proceedings of the Kazan Law Institute of the University of Procuracy of the Russian Federation

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

¹ Архив Пермского краевого суда за 2018 год: уголовное дело № 22-6460/2018. URL: https://obsud--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=4598490&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 04.08.2019).

Памяти профессора В.П. Малкова

25 июня на 88-м году ушел из жизни доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации и ТАССР, член комиссии по вопросам помилования Республики Татарстан Виктор Павлович Малков.

Окончив с отличием юридический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина, с 1956 по 1962 годы он работал в органах МВД г. Куйбышева. Был награжден за успехи знаком «Отличник милиции».

В январе 1975 года Виктор Павлович защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

В конце 1975 года Виктор Павлович Малков назначен заведующим кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. В 1978 ему присвоено ученое звание «профессор». В 1993 году В.П. Малков был избран действительным членом Международной академии наук высшей школы и работал до 1999 года членом Научно-консультативного совета по правовой реформе при Президенте РФ.

В январе 2000 года Виктор Павлович занял должность профессора Института экономики, управления и права в Казани, в 2002 году перешел на должность заведующего кафедрой уголовного права и процесса.

С 2013 по 2018 годы он работал профессором кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России.

Основатель научной школы, занимающейся разработкой проблемы множественности преступлений, В.П. Малков оставил после себя достойных учеников, многие из которых трудятся сегодня в Казанском юридическом институте МВД России. Виктором Павловичем подготовлено более 70 кандидатов и 11 докторов юридических наук. Его активная деятельность распространилась на представителей вузов и НИИ Татарстана, Башкортостана, Удмуртской и Чувашской республик, Самарской области, Москвы и ряда зарубежных стран.

Виктор Павлович Малков входил в Общественный совет при МВД по Республике Татарстан. Он был председателем редакционного совета общественно-правового и научного журнала «Право и жизнь в Татарстане», членом редакционного совета научно-теоретического журнала «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Трудовой путь В.П. Малкова – яркий пример беззаветного служения закону, избранному делу, верности своим идеалам и убеждениям. Он прожил яркую жизнь, всегда имел активную позицию, его отличали глубокая человечность, подлинная интеллигентность, высокий профессионализм, жизнелюбие и оптимизм.

Светлая память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

Редакционная коллегия журнала

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю Журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию Журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200–250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим, они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

введение (Introduction);

обзор литературы (Literature Review);

материалы и методы (Materials and Methods);

результаты исследования (Results);

обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключения. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить

полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2009. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках) : Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта.

10. Вклад соавторов (на русском и английском языках). В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в Журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала (e-mail: vestnikkui.ru)

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел.(843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru)

Главный редактор Ф.К. Зиннуров

Заместитель главного редактора С.Н. Миронов

Корректоры О.Н. Хрусталева, Е.В. Зотина, Е.О. Смирнова

Дизайн, верстка Е.А. Бикмуллина

Перевод Е.О. Смирнова

Редакционно-издательское отделение

420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России

420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130

Подписано в печать 19.09.2019

Формат 60x84 1/8 Усл.печ.л. 18,2 Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Тираж 200 экз.

